

Министерство культуры Российской Федерации

*Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)*

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 79

Меж нив златых и пажитей зеленых

*Сельцо Михайловское
Пушкинский Заповедник
2020*

ББК 83.3 (2=411.2)

М 341

Серия основана в 1996 году.

Меж нив златых и пажитей зеленых: материалы «круглого стола» памяти
М 341 М.Е. Васильева «Краеведение, история и археология Пушкиногорья» и другие
статьи: [сб. ст.]. — Сельцо Михайловское: Пушкинский Заповедник, 2020. —
320 с. — (Серия «Михайловская пушкиниана»; вып. 79).

ISBN 978-5-94595-106-8

Настоящий сборник научно-популярного издания «Михайловская пушкиниана»
включает в себя материалы «круглого стола» памяти М.Е. Васильева «Краеведение, исто-
рия и археология Пушкиногорья», проходившего в Пушкинском Заповеднике в 2019 году,
а также научные изыскания сотрудников Заповедника и других исследователей.

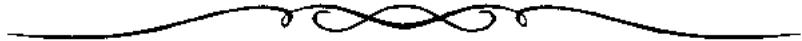
Издание предназначено для специалистов в области истории, краеведения, археологии,
музейного дела, литературоведения, а также для всех, кто неравнодушен к истории
отечественной культуры и пушкинских мест России.

Цитаты А.С. Пушкина в настоящем сборнике приведены по изданию: Пушкин А.С.
Полное собрание сочинений: В 16 т. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Указание на
источник дается в тексте в круглых скобках, где римская цифра обозначает номер тома,
арабская — номер страницы.

ББК 83.3 (2=411.2)

ISBN 978-5-94595-106-8
(Пушкинский Заповедник)

© Государственный музей-заповедник
А.С. Пушкина «Михайловское», 2020

В настоящий сборник включены доклады и сообщения участников X «круглого стола» памяти М.Е. Васильева «Краеведение, история и археология Пушкиногорья», который состоялся в Пушкинском Заповеднике 4 апреля 2019 года, а также научные изыскания сотрудников Заповедника и других исследователей.

Михаил Ефимович Васильев (1920–2003) — историк, педагог, музейщик, специалист по охране памятников. Четверть века он был хранителем Святогорского монастыря-музея и некрополя Ганнибалов и Пушкиных. В 1979 году защитил диссертацию «Этапы развития обороны псковско-литовского рубежа в XIII–XVII веках». Долгое время возглавлял районное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК).

Целью проведения «круглого стола» было обсуждение актуальных вопросов, связанных с изучением истории Псковской земли, Пушкиногорья, соседних Новоржевского и Опочецкого районов, а также проблем в сфере сохранения историко-культурного наследия.

О реализации рабочей программы комплексной реконструкции, реставрации, благоустройства и музеефикации объектов культурного наследия Псковского края в 1990–2000-е годы было рассказано в докладе, приуроченном к 30-летнему юбилею Генеральной дирекции «Псковреконструкции».

Были представлены также доклады, посвященные 670-летию первого упоминания в псковской летописи Воронича, 50-летию начала археологических исследований на территории Пушкинского Заповедника под руководством В.Д. Белецкого (Государственный Эрмитаж), 75-летию освобождения Пушкиногорья от немецко-фашистских захватчиков… Таким образом, временные рамки тем оказались весьма широки: начиная с глубокой древности до новейшего времени. Прозвучали доклады о «культовом» валуне из деревни Марамохи, о «случайных» археологических находках в Пушкинском Заповеднике. Авторы поделились результатами своих многолетних архивных изысканий о дворянских фамилиях, об истории приходской Воскресенской церкви Ганнибалов — Пушкиных в Ворониче, о развитии транспортной инфраструктуры в окрестностях Святых Гор во время Первой мировой войны, о псковских архивистах 1940–1960-х годов.

В преддверии 75-летия Великой Победы над фашизмом были выступления, посвященные участникам тех событий, в том числе носивших фамилию Пушкин, а также прозвучал рассказ о проекте «Солдаты Победы».

Вниманию участников «круглого стола» были представлены воспоминания одного из старейших жителей поселка Пушкинские Горы, знакомого С.С. Гейченко П.А. Осипова.

Месту и роли музеев в современном обществе посвящен доклад «Время музеев» А.Г. Василевича, заведующего Музеем истории Витебского народного художественного училища.

В ходе работы «круглого стола» состоялась презентация книги «Безмолвные стражи прошлого. Монументальные каменные кресты» (М.: Вече, 2018; 368 с.). Книгу представили ее авторы, создатели интернет-проекта «Регионатика Северо-Запад» А.Л. Потравнов и Т.Ю. Хмельник (Санкт-Петербург).

Директор музея «История Новоржевского края» М.М. Пахоменкова представила вниманию собравшихся новые архивные материалы о дворянских фамилиях Пусторжевского-Новоржевского уезда из рабочей рукописи монографии «Дворянство и Новоржев Псковской губернии. XVI–XX века».

Организаторы «круглого стола» и авторы надеются, что сборник заинтересует людей, неравнодушных к истории, и даст толчок к дальнейшему изучению и сохранению родного края.

В дополнительных материалах сборника — исследования двух авторов, А.О. Коржова и Е.Ю. Варкан. Сообщение А.О. Коржова о некрополе Ганнибалов — Пушкиных в Святогорском монастыре позволяет проследить историю бытования некрополя и историю сохранения памяти о поэте и его предках. Другой материал этого автора посвящен «трем соснам» — «героям» запечатленного Пушкиным ландшафта.

Сообщения Е.Ю. Варкан — результат исследовательской работы в архиве (Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Документы, на основе которых подготовлены эти материалы, связаны с персоной Кузьмы Васильевича Афанасьева, работавшего в Пушкинском Заповеднике в 1930–1940-х годах — изначально лесоводом, но по факту исполнявшего многие другие обязанности. Был он также и литератором; в частной переписке Афанасьева с друзьями, критиками, руководителями учреждений культуры (в частности, с директором вновь образованного Государственного литературного музея В.Д. Бонч-Бруевичем) видна сложная и неоднозначная раннесоветская эпоха. К тому же периоду (а именно к 1940 году) относится и текст о «письме озабоченной общественности о положении в Пушкинском Заповеднике». Ближе к нашему времени герои еще одного текста — архивного исследования: С.С. Гейченко, В.М. Звонцов и Д.Н. Журавлев. Удивительно раскрываются в письмах и даже официальных документах и люди, и их время.

I. Материалы X круглого стола памяти М.Е. Васильева «Краеведение, история и археология Пушкиногорья» (4 апреля 2019 года)

Александр Потравнов, Татьяна Хмельник

К ВОПРОСУ О «КУЛЬТОВОСТИ» ВАЛУНА ИЗ ДЕРЕВНИ МАРАМОХА

Первые научные сведения о камнях с загадочными символами в окрестностях деревни Марамоха¹ появились в начале XX века. В 1914 году в «Известиях Археологического общества» была опубликована небольшая заметка об археологических работах В.В. Гольмстен в Опочецком уезде Псковской губернии. Там, в частности, было написано: «Из других древностей, встреченных в Опочецком уезде, следует упомянуть о камнях с высеченными на них непонятными знаками. Таких камней, имевших, по-видимому, религиозное значение у древних финских племен, найдено три к югу от станции Новгородки, верстах в семи»². Н.Ф. Окулич-Казарин, составляя археологическую карту Псковской губернии, указывает один из таких камней с более точной привязкой: «Д. Гвертель (Марамоха), камень с выбитыми знаками»³. Затем об этих камнях в течение длительного времени никто не вспоминает.

¹ Маромохи, Морамохи — встречается несколько вариантов написания в разное время.

² Археологические исследования Опочецкого уезда // Известия Императорской Археологической комиссии (ИИАК). СПб., 1914. Прибавление к вып. 52. С. 129.

³ Окулич-Казарин Н.Ф. Материалы для археологической карты Псковской губернии // Труды Псковского археологического общества. 1913–1914. Вып. 10. Псков, 1914. С. 172.

С.С. Гейченко в книге «Пушкиногорье» пишет: «...Стоит чудо-юдо камень. Не камень, а кит. Он поставлен здесь восемь лет назад среди других замшелых валунов, исстари опоясывающих холм. Нашел я этого «кита» в деревне со странным названием Мараморы. Лежал он зарывшись глубоко в землю на месте теперешнего загона колхозного стада, и только нос камня торчал на поверхности»⁴. Мараморы — так Семен Степанович назвал деревню Марамоха. Однако А.С. Попов в своей книге «Дорога к истоку. Записки краеведа» приводит несколько отличную версию событий: «После нашей публикации в журнале «Наука и жизнь» этим памятником заинтересовался С.С. Гейченко, тогдашний директор Пушкинского Заповедника в Михайловском. По его указанию камень погрузили на трейлер и доставили в Заповедник. И теперь он лежит там, обозначая границы «дедовских владений»⁵.

Итак, найденный Верой Гольмстен загадочный камень в 1970-х годах был перевезен из деревни Марамоха в Пушкинский музей-заповедник «Михайловское» иложен рядом с дорогой Пушкинские Горы — Носово в 250 метрах от большой автомобильной парковки недалеко от деревни Савкино. Рядом с валуном установлена табличка зеленого цвета, сообщающая, что это археологический памятник и «культовый камень — I тыс. н. э.».

Действительно, практически во всех публикациях, которые мы видели, этот камень считается культовым. Так, например, С.С. Гейченко, ссылаясь на мнение неназванных специалистов, называет его «жертвенным святилищным камнем древнейшей эпохи»⁶, а в статье, посвященной следам язычества на Псковщине, А.А. Александров относит его к «чащечным камням»⁷. Кстати, в списках памятников регионального значения числится объект с аналогичным названием, расположенный «у развилики дорог Михайловское — Тригорское». Похоже, что речь идет именно о том валуне, который был найден в Марамохах и перевезен в музей-заповедник в 1970-х годах.

Итак, есть валун, который считается культовым камнем далекого прошлого. Но можно ли считать его таковым? Что дало повод придать этой гранитной глыбе, принесенной сюда ледником, статус языческо-

⁴ Гейченко С.С. Пушкиногорье. М., 1981. С. 171.

⁵ Попов А.С. Дорога к истоку. Записки краеведа. М., 2009. С. 431–432.

⁶ Гейченко С.С. Пушкиногорье. С. 171.

⁷ Александров А.А. О следах язычества на Псковщине // Краткие сообщения Института истории материальной культуры (КСИИМК). 1983. № 175. С. 13.

Общий вид и расположение «углублений-котлов»

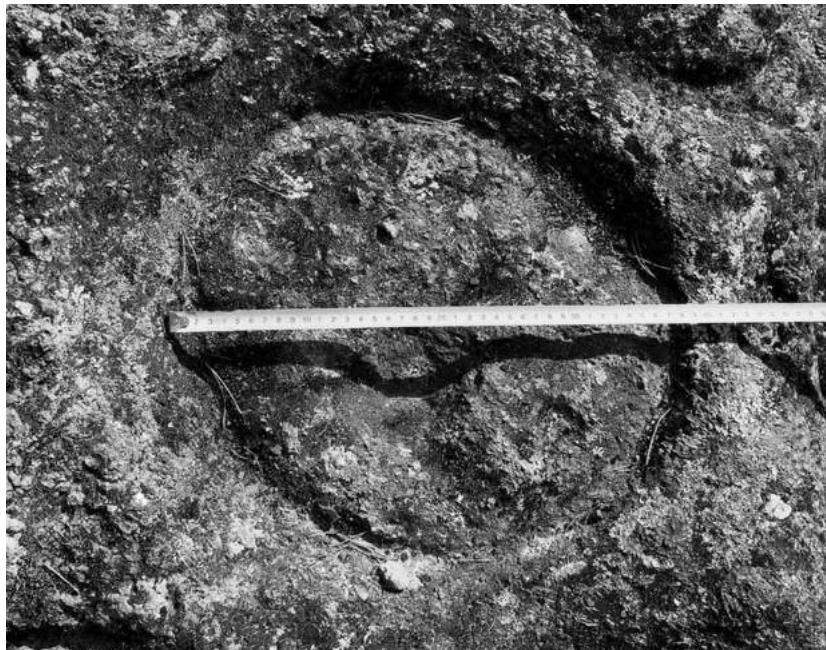
го объекта поклонения и жертвоприношения? Все сторонники «языческой теории» указывают на 11 круглых углублений, которые, по их мнению, каким-то образом связаны с культовостью. Да, людям исстари свойственно все непонятное и непривычное связывать с чем-то мистическим и сакральным. Поэтому постараемся внимательно рассмотреть эти углубления и выяснить, есть ли другие, кроме мистических, объяснения их появления и использования.

На гранитном валуне мы видим 12 явных углублений, расположенных уступами и выполненных в виде круга с диаметром в диапазоне 30–50 см. Центральная часть днища всех этих углублений неровная, чаще всего выпуклая и с явными следами сколов. Верхняя часть краев углублений сглажена и выглядит полированной, в нижней части четко прослеживаются выдолбленные в граните окружности, при этом верхний диаметр углублений больше нижнего на 20–30%.

Возможно ли образование таких углублений естественным способом? На наш взгляд, нет. Известные нам углубления в гранитных скалах, так называемые «котлы», выглядят совсем иначе — они разного

диаметра (от 15 см до 3 метров), намного глубже (нам известны образцы глубиной до 4 метров), все стены и днище полированные, порой с увеличением диаметра на глубине. Образовывались эти котлы благодаря воздействию воды с абразивными примесями (песок, камни) в местах достаточно бурных водных потоков. Традиционно такие естественные образования встречаются в скалах, на берегах рек, а также в местах, где проходили водные потоки ледникового периода. Поэтому внешний вид и характеристики «котлов» («тарелок») на валуне из Марамохи (маленькая глубина, неровности, четкий контур на дне и т. д.) позволяют нам сделать однозначный вывод, что все эти углубления имеют искусственное происхождение.

Вполне очевидно, что к такому же выводы пришли и наши предшественники. Однако они, убедившись в антропогенном воздействии, отчего-то решили отнести этот валун к разряду культовых объектов и не стали рассматривать иные версии.

Одно из углублений («котлов»). Вид сверху

Итак, убедившись в искусственности происхождения этих углублений, мы предлагаем разобраться, с какой целью могли быть созданы эти «котлы». Для этого важно обратить внимание на три важные особенности. Первая особенность — ярусное расположение «тарелок». Вторая — выдолбленная по окружности дна канавка, которая оказывается глубже центральной части. Третья особенность — неровная, со сколами, выпуклая центральная часть этих углублений.

Внимательно рассмотрев перечисленные особенности, мы пришли к выводу, что целью образования этих кругов было не создание углубления-«котла» в камне, а добыча куска гранита нужного диаметра и толщины. То есть по кругу сначала выдалбливалась канавка определенной глубины, а затем снизу и сбоку начинали выламывать эту заготовку определенного размера. Для каких же целей мог использоваться камень толщиной 5–10 сантиметров и диаметром 30–50 сантиметров? Каменное колесо или нечто иное? Мы не станем выдумывать что-то экстравагантное, а обратим внимание на давно известные факты. К примеру, археологам хорошо знакомы каменные жернова для ручных мельниц. Б.А. Рыбаков отмечает, что «средний размер русских жерновов 35–40 см»⁸. Возможно ли, чтобы из рассматриваемого нами валуна изготавливали жернова для ручной мельницы? По мнению Р.С. Минасяна, мельничные жернова изготавливались из местных (подручных) материалов — гранита, песчаника, базальта и т. д.⁹. В рассматриваемом нами районе самым обычным материалом являются ледниковые валуны, в том числе и гранитные. Обычно гранит в качестве материала для жерновов считался не лучшим материалом, поскольку рабочие поверхности быстро шлифовались. Но поскольку сортов гранита много, то для изготовления жерновов предпочитались те, «которые обладают пористостью», или те, «в которых попадаются острые кристаллы»¹⁰. Более того, «более твердые камни идут для размола пшеницы, а мягкие — для размола ржи»¹¹.

⁸ Рыбаков Б.А. Жернова Вшижского городища // КСИИМК. Х1. М., Л., 1945. С. 19.

⁹ Минасян Р.С. Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тыс. н. э.) // Советская археология. 1978. № 3. С. 109.

¹⁰ Вебер К. Мукомольное дело. Руководство к устройству мукомольных и крупяных мельниц при конных, ветряных, водяных и паровых двигателях и производство мучных продуктов. СПб., 1883. С. 124.

¹¹ Там же.

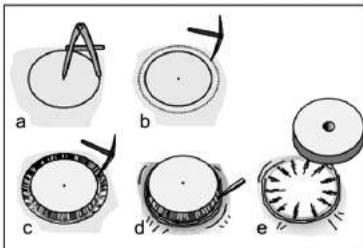

Figure 17. Schematic illustration of millstone carving directly from the bedrock. (a) Measuring and making circular grooves; (b-c) carving of channel around the planned millstone; (d) splitting the millstone from the bedrock with a pointed chisel; (e) loosening of millstone with carved centre hole.

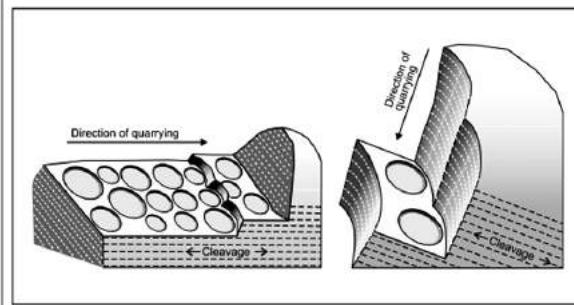

Figure 18. Schematic illustration of the two types of quarries worked by carving directly from the bedrock in Hyllestad. Left: quarrying layer by layer along the cleavage plane. Right: coin pile quarry involving deep extraction.

Схема добычи заготовок для мельничных жерновов в карьере Hyllestad¹³

Так что изготовление гранитных жерновов в данной местности вполне допустимо — даже при том, что этот материал не был лучшим выбором. Кстати, находки гранитных жерновов для ручных мельниц известны, в частности, в Великом Новгороде¹².

Таким образом, рассматриваемый нами гранитный валун вполне мог быть использован для изготовления мельничных жерновов. Размеры углублений также соответствуют размерам средневековых русских

¹² Гайдуков П.Г. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М., 1992. С. 106.

¹³ Grenne T., Heldal T., Meyer G.B., Bloxam E. From Hyllestad to Selbu: Norwegian millstone quarrying through 1300 years. In Slagstad, T. (ed.). Geology for Society, Geological Survey of Norway Special Publication, 11, Trondheim. 2008. P. 57–58.

Скальная стенка со следами добычи жерновов в каменоломне Hyllestad

мельничных жерновов. В работе Г.Б. Сафоновой отмечается, что «диаметр как верхних, так и нижних камней колеблется в диапазоне 30–60 см, причем наиболее часто встречаются средние параметры 35–45 см»¹⁴.

Итак, материал валуна (гранит) и размер круговых углублений позволяют предположить, что перед нами монолит, из которого могли вырубать мельничные жернова. Известны ли подобные способы изготовления жерновов в других местах? Оказывается, да, хорошо известны, в частности в Норвегии. В связи с этим обратим внимание на технологию производства мельничных жерновов из монолитной скалы на примере древней норвежской каменоломни (VIII–XVI века) у городка Hyllestad. На рисунке на странице 10 схематично представлена реконструкция добычи заготовок для мельничных жерновов из альмандинового сланца.

¹⁴ Сафонова Г.Б. Ручные жернова на Руси: от Средневековья к Новому времени // Русский сборник / Труды кафедры отечественной истории древности и Средневековья Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. Брянск, 2006. № 2–3. С. 178.

Незаконченный жернов в каменоломне Hyllestad

Мы посетили этот древний карьер, где организован Millstone Park, и осмотрели выработки заготовок жерновов разных диаметров.

Итак, по норвежской технологии получается, что верхний диаметр углубления, остающегося после выломки жернова, также оказывается больше нижнего. Кроме того, становится понятным, что для выломки заготовки требуется открытый доступ к нижней плоскости жернова.

Теперь снова вернемся к рассматриваемому нами валуну в Пушинском Заповеднике. Первая часть подготовки к получению жернова практически полностью идентична норвежской методике: намечается окружность, и по этой линии выдалбливается канавка на глубину, превышающую необходимую толщину заготовки. Теперь обратим внимание на то, что углубления-«котлы» расположены на валуне уступом так, что нижняя часть каждого из них оказывается на самом краю. Такое расположение, на наш взгляд, позволяло делать горизонтальный подруб заготовки с целью ее извлечения из монолита всего с одной стороны.

Именно этим способом извлечения цельного куска и объясняется неровность со сколами в центральной части дна углубления.

Ступенчатое расположение выемок для добычи жерновов

Таким образом, в результате предварительного сравнения валуна из Марамохи и каменных ломок Hyllestad в Норвегии можно сделать вывод, что для добычи заготовок мельничных жерновов из монолита использовалась сходная технология. Кстати, получение заготовки путем выбивания специальным инструментом по намеченному на плоской поверхности контуру использовалось при изготовлении каменных крестов — как в Норвегии, так и на Псковской земле.

Учитывая сложность изготовления мельничных жерновов, академик Рыбаков считал, что «тяжелое ремесло жерновника (или жерносека), помимо сложных работ по добыче мате-

риала, требовало сложного инструментария, точной работы над камнем и оснащения постава железными деталями. Все это говорит за полный отрыв ремесла жерновников от земледелия, хотя никаких подтверждений этого в письменных источниках мы не находим»¹⁵. Вполне возможно, что рассматриваемый нами валун может служить своего рода доказательством существования такого «мастера-жерновника» в прошлом в окрестностях современной деревни Марамохи.

Резюмируя сказанное выше, мы считаем, что валун, перевезенный из Марамохи в музей-заповедник «Михайловское» и стоящий на учете

¹⁵ Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 565.

как «культовый камень I тыс. н. э.», является средневековой «мини-каменоломней» по изготовлению заготовок каменных жерновов для ручных мельниц местным «мастером-жерновником».

В качестве подтверждения этой версии происхождения более десятка так называемых «котлов», или «тарелок», на камне из деревни Марамахи (Морамохи) служит еще один камень, находящийся около бывшей деревни Колчино Палкинского района Псковской области, который также отмечался Окулич-Казарином в 1914 году¹⁶. На этом гранитном валуне сохранились явно выраженные следы, которые мы также связываем с технологией производства мельничных жерновов небольшого диаметра. К сожалению, этот камень частично разрушен из-за более поздних вмешательств с использованием технологии отламывания при помощи шпурков, отчего сохранились только четыре так называемые «тарелки».

При исследовании этого камня и сохранившихся четырех «тарелок» мы смогли идентифицировать следы двух стадий изготовления жерновов:

- законченная (два образца), т. е. заготовки жерновов были вынуты из массива: а) один образец диаметром более 60 см, наполовину разрушенный поздним вмешательством (№ 1 на фото на с. 15); б) второй образец, на котором видны следы сколов в нижней части выломанной из монолита заготовки, диаметром около 30 см (№ 2 на фото на с. 15);
- начальная (два образца): сделаны канавки по контуру для подготовки к производству следующих жерновов (диаметр около 36 см) (№ 3 и 4 на фото на с. 15).

Для датировки этих камней важно учитывать, что, по данным начала XX века, никаких преданий и сведений, связанных с утилитарной функцией этих камней, зафиксировано не было. Наоборот, местное население, скорее, относилось к этим камням как к неким древним и непонятным объектам. В связи с этим мы исключаем вероятность того, что жернова из этих валунов добывались в XIX веке.

Таким образом, на наш взгляд, два этих примера дают все основания к пересмотру сложившейся традиции отнесения к культовым камням некоторых памятников с так называемыми «котлами», или «тарелками». Мы полагаем, что в отдельных случаях более объективным будет изменение функционального назначения этих объектов и переноса из ра-

¹⁶ Окулич-Казарин Н.Ф. Материалы для археологической карты Псковской губернии. С. 198.

Валун с «котлами» в урочище Колчино

нее установленной категории культовых камней в новую категорию — мини-каменоломен по добыче заготовок для мельничных жерновов с изменением датировки объектов с I тыс. н. э. на более позднее время, возможно XIII–XVII века.

К ИСТОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ
«СЛУЧАЙНЫХ» АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК
В ПУШКИНСКОМ ЗАПОВЕДНИКЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ХХ ВЕКА
(1950—1990-е ГОДЫ)

В Пушкинском Заповеднике, как известно, неоднократно работали археологические экспедиции. В рассматриваемый период свою лепту в изучение древностей этих мест внесли такие археологи, как С.А. Тарakanova и Н.Н. Гурина, П.А. Раппопорт и А.Н. Кирпичников, В.Д. и С.В. Белецкие, А.Р. Артемьев, Б.Н. Харлашов, С.В. Степанов и другие ученые. С 1969 года по инициативе директора Пушкинского Заповедника С.С. Гейченко экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством В.Д. Белецкого начала поэтапно проводить археологические исследования на городище Воронич, Савкиной горке и в окрестностях музеев-усадеб.

«В результате всех этих работ появилась возможность достаточно полно восстановить некоторые страницы «далекого прошлого Пушкинского уголка»¹.

Количество предметов археологии, переданных руководителями раскопок на хранение в музей-заповедник, увеличивалось после каждой очередной экспедиции.

Михайловское. С.С. Гейченко
и В.Д. Белецкий. Апрель 1980 года.
Фото М.И. Семенова. Из собрания
Пушкинского Заповедника

¹ Белецкий С.В. Пушкиногорье до Пушкина. Историко-археологические очерки // Михайловская пушкиниана. Вып. 31. Пушкинские Горы — М., 2004. С. 6.

В отчете о работе за 1979 год заведующим музейными фондами В.Я. Шпиневым сообщалось: «В основном фонде Пушкинского Заповедника числится... предметов археологии — 147»².

Однако процесс передачи находок в музейные фонды был в определенный момент приостановлен. Вероятно, по причине нехватки необходимых помещений для хранения такого рода предметов.

К 2016 году была осознана необходимость проведения научной каталогизации всего комплекса предметов археологии и иных вещественных материалов.

Экспертом по культурным ценностям Минкультуры России, археологом из Пскова С.А. Салминым, а от Пушкинского Заповедника — рабочей группой под руководством ученого секретаря К.Б. Жучкова и главного хранителя музейных фондов Д.С. Плотниковой была начата работа с целью отбора из всего комплекса предметов археологии и иных вещественных материалов наиболее ценных, индивидуальных находок, имеющих историко-культурную, музейную ценность, для последующего решения вопроса об их включении в состав музейного фонда.

По итогам первого этапа работы были занесены в два каталога сведения о таких предметах, всего 1 433 пункта: 1 210 порядковых номеров в первом каталоге и 223 порядковых номера во втором каталоге.

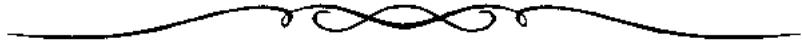
Не включенные в каталоги «массовые» находки были рассортированы по годам и раскопам, упакованы в деревянные ящики; сведения о них занесены в рабочую опись (2 528 п/п №№ / 15 285 ед.).

Сведения о предметах в каталогах включают в себя: наименование, датировку, материал, размеры, степень сохранности, фотографическое изображение, дату и место раскопа, номер в полевой описи (для предметов, имеющих учетный шифр раскопа).

Однако для значительного количества предметов, в том числе из категории «случайных находок», эти сведения отсутствовали, и поэтому в каталогах соответствующие графы оказались незаполненными.

Для восполнения недостающей информации о таких предметах археологии в каталогах 2016 года и уточнения истории происхождения «случайных» археологических находок группой сотрудников службы музейных территорий и автором настоящего доклада в 2017–2018 годах проведена работа по поиску и внесению в соответствующие документы недостающих сведений.

² Архив Пушкинского Заповедника (АПЗ). Д. 1286. Н/а. Л. 2.

Многое удалось найти в отчетах об археологических экспедициях, газетных статьях, топографических описях музейных экспозиций и каталогах выставок, в дополнительно обнаруженных сопроводительных записках к некоторым находкам. Работа продолжается, но о некоторых результатах хотелось бы рассказать подробнее.

Что подразумевается под «иными вещественными материалами» или «случайными» археологическими находками?

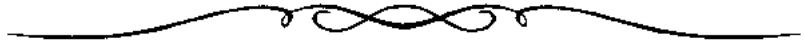
«Случайные» археологические находки — это предметы, которые были обнаружены не в ходе археологических экспедиций, а при восстановительных работах в музеях-усадьбах, благоустройстве и музеефикации памятников истории и культуры непосредственно сотрудниками Заповедника и лично С.С. Гейченко. В ряде случаев такие находки приносили экскурсанты и местные жители.

Обратимся к истории происхождения «случайных» археологических находок.

«Случайные» находки чаще всего сопровождают записи на листках бумаги, на конвертах и коробках, в которые они были упакованы, поясняющие их происхождение (наименование, дата, место, имя обнаружившего предмет). Эти записи помогают идентифицировать находки. В большинстве случаев пометки выполнены рукой С.С. Гейченко; нередко можно встретить подписи, сделанные В.Я. Шпиневым и М.Е. Васильевым. На особую значимость таких находок для истории края и музея-заповедника обратил внимание в 2015 году руководитель Археологического клуба из Санкт-Петербурга В.Г. Пежемский, участвовавший со своими воспитанниками в работе по предварительному разбору вещественных материалов и предложивший объединить их в «коллекцию Гейченко»³.

Известный псковский историк А.В. Филимонов ранее исследовал тему «случайных» археологических находок в более широком масштабе — в пределах Псковской области за период 1940–1970-х годов — на материале сообщений в газете «Псковская правда»: «В определенной мере газетные заметки могут служить дополнением к официальным отчетам, а в ряде случаев являются единственным источником сведений... «Случайными» эти находки являются потому, что обнаруживались они,

³ Доклад В.Г. Пежемского по итогам доброхотского сезона в Пушкинском Заповеднике в июле 2015 года.

как правило, при проведении земляных и строительных работ, во время возведения построек, дорог, мостов, при вспашке полей и уборке урожая с огородов и т. д. И в то же время находки эти не случайны. Это материальные следы богатой многовековой истории Псковщины»⁴.

Такие исследователи, как А.Н. Ашешова и С.В. Белецкий, обращали внимание на переписку С.С. Гейченко с В.М. Звонцовым как «источник по археологии Пушкиногорья»:

«Масштабные работы по реставрации и музеефикации усадебной застройки в Михайловском и Петровском требовали раскопок фундаментов тех построек, которые надо было строить. Такие раскопки в 1950–1960-е годы археологическими не считались, и головной археологический институт страны не требовал ни составления научной документации по такого рода раскопкам, ни оформления результатов раскопок в виде отчета, снабженного полноценной фото- и чертежной документацией. В подобных условиях единственным источником по проведенным раскопкам оказываются именно письма и воспоминания участников работ.

В опубликованной части переписки Гейченко и Звонцова есть информация о раскопках, проведенных на пяти объектах, это: пушкинский погреб и фундаменты дома Калашниковых в Михайловском, фундаменты грота и барского дома в Петровском и каменная отмостка у апсид собора Святогорского монастыря»⁵.

Безусловно, содержащиеся в переписке сведения чрезвычайно важны, но, как отмечают сами авторы статьи, в основном они весьма краткие, охватывают небольшой отрезок времени с 1958 по 1963 год.

Немало интересных фактов можно узнать из газетных статей.

В статье С.С. Гейченко «Все живет здесь памятью о нем» есть упоминание о раскопках, произведенных Бартеневым в 1952 году, и замечание об их значении для будущего воссоздания музеиных построек: «В 1952 году были начаты археологические раскопки памятников,

⁴ Филимонов А.В. «Случайные» археологические находки на территории Псковской области в 1940–1970-е годы // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени В.В. Седова: материалы 54-го заседания (15–17 апреля 2008 года). Псков, 2009. С. 245–255.

⁵ Ашешова А.Н., Белецкий С.В. Новый источник по археологии Пушкиногорья // Михайловская пушкиниана. Вып. 31. Пушкинские Горы — М., 2004. С. 105.

*Ремонт площадки у могилы А.С. Пушкина. Осень 1961 года.
Фото В.Я. Шпинева. Из собрания Пушкинского Заповедника*

имеющие целью уточнить данные литературных документов. Так, раскопки, производившиеся группой студентов Академии художеств под руководством архитектора доцента И.А. Бартенева, дали архитектурные обмеры фундаментов дома Осиповых и баньки в Тригорском, флигеля Пушкина в Михайловском, дома П.А. Ганнибала в Петровском, дома И.А. Ганнибала в Воскресенском и других исторических памятников. В результате раскопок были найдены весьма любопытные предметы, позволяющие судить о характере отделки комнат, фрагменты предметов быта — облицовки печей, посуды и прочее»⁶.

⁶ Ленинский путь. 07.06.1953 // Статьи, интервью, очерки С.С. Гейченко (1945–1993). Пушкинские Горы — М., 2004. С. 70.

*Петровское. Раскопки фундамента старого дома.
Июль 1971 года. Из собрания Пушкинского Заповедника*

О работах, предшествовавших восстановлению флигеля «Конторы управляющего» на территории музея-усадьбы в Михайловском, рассказывается в статье С.С. Гейченко «Новое в Михайловском»:

«В советское время, еще в юбилейный 1937 год, встал вопрос о желательности восстановления всех построек, бывших на усадьбе в пушкинское время, в том числе и этого флигелька. Но отсутствие в то время точных данных, необходимых для реставрации памятника, не позволяло приступить к этой работе.

В 1954 году в Михайловском были начаты археологические раскопки, имеющие целью установить наличие следов исчезнувших пушкинских сооружений. Летом 1958 года научным работникам Заповедника удалось обнаружить хорошо сохранившийся в земле каменный фундамент ганнибаловского флигелька, вполне соответствующий описи 1838 года и рисунку 1837 года.

Во время раскопок были найдены очень интересные предметы пушкинского времени. На основании всех этих материалов в 1959 году был составлен проект восстановления флигелька⁷.

Во время «археологических раскопок фундамента каретного сарая пушкинского времени на усадьбе Михайловское» были обнаружены также не только камни фундамента, но и различные бытовые предметы, что описано в протоколе раскопок:

«Раскопки производились 1–15 августа 1960 года под рук. С.С. Гейченко. В раскопках принимали участие сотрудники Заповедника Шпинев В.Я., Русаков В.М., Овчинникова М.Л., студенты-практиканты Уральского университета Красиленко и Чазова, студент Псковского пединститута Симонов А.В. и туристы Пушкиногорской турбазы.

Фундамент каретного сарая находится в ... метрах восточнее здания научной части.

Перед началом работ площадка, на которой находится фундамент, была очищена от зарослей кустарника и травы, вследствие чего выяснились все контуры и линии фундамента.

Фундамент сарая расчленяется на две части. По углам каждой части с внутренней стороны фундамента были заложены шурфы глубиною 150 см каждый. Расчистка углов показала, что фундамент заложен на глубину 120 см/70 см в земле и 50 см на поверхности, причем нижняя часть фундамента состоит из более крупных камней и значительно шире верхней части. Камни сложены на известковом растворе. Верхняя кромка фундамента сохранила следы кирпичной кладки. Ширина наземной части — 70 см. В шурфах обнаружены различные предметы, относящиеся ко второй половине XIX века (черепки посуды, металл. детали и т. д.).

При обследовании площадки вокруг фундамента к востоку и западу обнаружены большие глубоко сидящие опорные камни, находящиеся на линии продольных стен фундамента (см. схему раскопок).

⁷ Знамя труда. 31.05.1963 // Статьи, интервью, очерки С.С. Гейченко. С. 160–161.

В западной части обнаруженные в земле опорные камни примыкают непосредственно к дому научной части и, по всей вероятности, уходят под его фундамент.

Наличие упомянутых опорных камней, являющихся несомненно частью старого фундамента, дают основание полагать, что видимый на поверхности фундамент возобновлен сыном поэта Г.А. Пушкиным или даже позднее, в период существования в Михайловском колонии для престарелых литераторов.

Это подтверждается также находкой в шурфах остатков предметов второй половины XIX века.

Следовательно, фундамент каретного сарайя пушкинского времени находился или на месте обследованного нами позднейшего фундамента, или рядом с ним к востоку или западу, на месте обнаруженных отдельных опорных камней.

Полученные данные являются достаточными для целей раскопок, и последние были прекращены.

Обмеры деталей фундамента и схематический план раскопок сделан В.Я. Шпиневым. Им же произведено фотографирование отдельных моментов и деталей раскопок.

Киносъемки места раскопок сделаны кинооператором М. Слядяня.

Директор С.С. Гейченко.

Начальник охраны В.Я. Шпинев»⁸.

В конце документа рукой Гейченко сделана приписка о том, что о предметах, обнаруженных во время раскопок 1960 года, сообщается в научных работах сотрудников за 1960 год.

Раскопки были проведены и на месте «Старой мельницы» перед ее восстановлением С.С. Гейченко:

«То, что мельница в Михайловском была, в этом нет сомнения. Ибо какое же это хозяйство, какое имение, если в нем нет мельницы... Жители окрестных деревень, в особенности рыбари, до сих пор называют «Старая мельница» место на левом берегу Сороти.

В раскопке места приняли участие студенты-строители Московского университета, приехавшие в Заповедник для восстановления памятников. Нам удалось обнаружить камни фундамента, следы пожарища, фрагмент каменного жернова.

⁸ АПЗ. Д. 515. Н/а. Л. 2-4.

14 августа 1973 года нами были заложены первые камни фундамента здания, а три месяца спустя, в декабре, восстановление ее было закончено»⁹.

Из статьи С.С. Гейченко «Возобновление памятников Пушкиногорья»:

«В 1979 году стройотрядом была начата реставрация еще одного интереснейшего исторического памятника — погоста на Ворониче. Здесь когда-то находился фамильный храм Ганнибалов — Пушкиных, на возобновление которого прадед Пушкина Абрам Петрович Ганнибал незадолго до своей смерти подарил большие деньги.

Погост очень древний. До недавнего времени он представлял собою вид печальной развалины и запустения. Несколько лет тому назад при прокладке водопровода рядом с погостом были обнаружены захоронения XII–XIV веков. Среди находок — древние керамические изделия, долбленые дубовые колоды, большой горшок с просом, которое, кстати сказать, будучи нами высекено — дало всходы!

В соответствии со старинными изображениями и проектом, разработанным псковскими реставраторами в прошлом году, было начато восстановление каменной стены вокруг погоста, больших и малых ворот, а также фундамента храма, абрис которого хорошо сохранился до наших дней. В этом году строители МГУ должны завершить эту работу»¹⁰.

В Акте № 39 от 7 августа 1980 года, составленном и. о. заведующего фондами Государственного Пушкинского Заповедника Е.В. Шпиневой, ученым секретарем Л.В. Сергеевой и лаборантом Л.Д. Сулеймановой, рассказывается о еще одной находке на погосте деревни Воронич: «В музей поступила часть (деталь) накладного замка во входной двери Воскресенской церкви на Ворониче. Найдена деталь при реставрации фундамента храма 5 августа 1980 года. Деталь замка внесена в опись Основного фонда имущества музея-заповедника, инв. № ПЗ-3349 осн. ф.»¹¹.

Были ли включены в экспозиции музеев-усадеб и Святогорского монастыря-музея какие-то из предметов, обнаруженных на их территории, демонстрировались ли на выставках?

⁹ Пушкинский край. 01.06.1974 // Статьи, интервью, очерки С.С. Гейченко. С. 247–249.

¹⁰ Пушкинский край. 29.03.1980.

¹¹ АПЗ. Д. 1392. Н/а. Л. 61.

*Восстановленный фундамент Георгиевской церкви на городище
Воронич. Сентябрь 1983 года. Фото М.И. Семенова.
Из собрания Пушкинского Заповедника*

В топографической описи дома-музея в Михайловском за 1967 год значится: «Столовая... Посуда, реставрированная Гос. Эрмитажем: бутилка зеленая-полуштоф, тарелка, нож, крест нательный, шпора, ч. подсвечника. В буфете красного дерева павловского времени»¹².

Два экспоната — полуштоф и тарелку (фаянсовую) и сейчас можно видеть в музее, в девичьей. Кстати, только они в 1967 году имеют фоновые номера: ПЗ-1615 и ПЗ-1614.

В фотонегативе хранятся снимки, сделанные фотографом артели «Трудовик» А.С. Шаровым в 1959 году во время археологических раскопок в селе Михайловском.

В топографической описи флигеля «Конторы управляющего» 1966–1967 годов отмечены две фотографии: «Раскопки 1959 года. Обнаружен старый фундамент», а также «Вещи, найденные во время раскопок 1959 года».

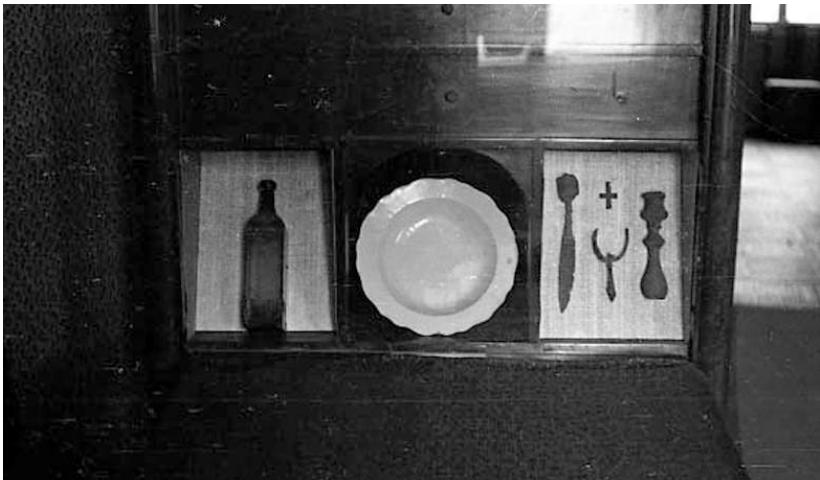
¹² АПЗ. Д. 3016. Н/а. Л. 34. Топографическая опись дома-музея «Михайловское» 1967 года.

Деревня Воронич. Восстановленный фундамент Воскресенской церкви.

4 декабря 1986 года. Фото М.И. Семенова.

Из собрания Пушкинского Заповедника

Посуда Михайловского, обнаруженная во время раскопок в 1958 году.

Апрель 1967 года. Фото А.С. Шарова.

Из собрания Пушкинского Заповедника

В витрине под одним № 67 перечислены:

- монеты (4 шт.), 1819, 1798 годов;
- крестик;
- серьга янт. (янтарь);
- пуговицы, 2 шт.;
- серьга с янт.;
- брошь;
- ч. подсвечника, фарф.;
- вилка;
- подсвечник;
- части быт. предм.¹³

Напротив перечисленных предметов никаких учетных обозначений в описи нет.

В топографической описи музеиной экспозиции дома Ганнибалов в Петровском 1977 года можно прочитать следующее:

«№ 12 Витрина с арх. находками:

- монета деньга 1741 года;
- монета 1737 года;
- монета 5 коп. 1727 года;
- монета 1731 года;
- монета 1751 года;
- монета «полушка» 1731 года;
- затвор от ружья 1813 года. Выгравирована дата;
- трубка глиняная курительная. С выщерблениями;
- круглое грузило для сети;
- стеклянный аптекарский флакончик. Стекло матовое;
- гривеник серебряный 1746 года;
- чашка чайная, фарфор синий. Следы золотого орнамента;
- к чашке блюдце, та же фирма Попова. С выщерблениями;
- чашка чайная белая с золотыми разводами. Разбитая и склеенная.

Без клейма;

- бронзовая барочная деталь;
- фигурка слоника из конского зуба. Разбита и склеена»¹⁴.

¹³ АПЗ. Д. 3015. Н/а. Л. 5–6. Топографическая опись флигеля «Конторы управляющего» 1966–1967 годов.

¹⁴ АПЗ. Д. 3018. Н/а. Л. 2. Топографическая опись музеиной экспозиции дома Ганнибалов в Петровском 1977 года.

Напротив перечисленных предметов никаких учетных обозначений в описи нет.

В описи музея Святогорского монастыря в 1986 году также записаны: «Северный придел... Полушка медная 1731 года. ПЗ-534-Оsn. ф. Найдено при реставрации 1946 года... Складень бронзовый с изображением Петра, Михаила, Егора, Иоанна, Василия (деталь). ПЗ-751-Оsn. ф. ...Ядро каменное артиллерийское, XVI век. ПЗ-559-Оsn. ф. Найдено на городище Воронич»¹⁵.

Археологические находки не раз были представлены на выставках.

В 1996 году в Научно-культурном центре была организована археологическая выставка, на которой были представлены как предметы из археологических экспедиций, так и «случайные» находки. Авторы выставки, составители каталога — М.Е. Васильев и М.А. Бесарабова.

Все экспонаты на выставке были разделены на две группы: «Находки с Нижнего посада Воронича» — 23 п/п №№; «Экспонаты из фондов музея» — 29 п/п №№.

Из обращения к посетителям выставки:

«Земля, вдохновлявшая А.С. Пушкина на творческий подвиг, богата древностями, изучению которых положено начало еще в прошлом веке, когда хозяином Михайловского был Г.А. Пушкин, сын поэта...

В результате археологических раскопок, разведок и случайных находок в фондах музея-заповедника А.С. Пушкина накоплено огромное количество материалов, представляющих научный интерес. Небольшой процент этих находок представлен на выставке: фрагменты лепной керамики X века, керамики XIV–XVII веков, предметы культа, изделия из металла, ядра каменные и чугунные, планы-схемы, фотографии и прочие экспонаты»¹⁶.

Предметы из числа «случайных» находок на данной выставке на самом деле имеют более широкую историческую географию и происходят не только с Нижнего посада Воронича, но и с территории музея-усадьбы «Тригорское», площадки некрополя Ганнибалов — Пушкиных. Обнаружены они в 1990-е годы.

¹⁵ АПЗ. Д. 3031. Н/а. Л. 2–4. Топографическая опись Святогорского монастыря-музея.

¹⁶ Каталог выставки материалов археологии 1945–1996 годов. Научно-культурный центр, Пушкинские Горы.

В середине 1990-х годов «случайные» находки, подъемный материал, в том числе обнаруженный во время наблюдения за работами по реставрации музейных объектов Пушкинского Заповедника, занеслись в журналы первичного учета, которые вели под руководством М.Е. Васильева сотрудники М.А. Бесарбова и А.М. Васильев¹⁷.

В каталоге выставки все предметы из числа «случайных» находок имеют свой учетный шифр. Например: «1. Сосуд культовый (лампада) 4,5 x 5,7 глина XVII век № 1-1996».

В журнале в перечне находок за 1996 год под № 1:

«Шурф возле Назимовской ограды, Святогорский монастырь».

7. Деталь цепи d 2,5. Медь, эмаль XIX век (?) № 114-1995.

8. Фрагмент подвески лампадной d 3,5, длина цепочки 25 медь XIX век № 115-1995.

В журнале отмечено место находок: «Возле фундамента старой усадебной застройки в Тригорском».

12. Деталь ограды длина 23,5 железо XVI век № 50-1996.

В журнале отмечено место находки: «Найдена возле балюстрады в Святогорском монастыре».

Журналы в настоящий момент используются для «опознания» некоторых индивидуальных находок, включенных в каталоги 2016 года без сопроводительной информации.

Из числа отобранных в каталоги 2016 года «случайных» находок, не имеющих учетного шифра (маркировки): 136 пунктов в «основном» каталоге и 128 пунктов в «дополнительном» каталоге.

По итогам проведенной работы составлены сводные таблицы, в которые внесены уточненные сведения об этих находках.

Большая часть археологических находок без шифра (маркировки) происходит с территории музеев-усадеб Тригорское и Михайловское, а также городища Воронич и берегов реки Сороть; отдельные экземпляры — из Святогорского монастыря. Обнаружено большинство вещей при восстановительных работах на фундаментах усадебного дома П.А. Осиповой (1950-е), у Верхнего пруда в парке Тригорского (1970-е),

¹⁷ Два журнала: «Полевая опись археологических находок сезона 1993–1996 годов» (сост. научный сотрудник М.А. Бесарбова) и «Полевая опись археологических находок сезона 1996–1999 годов» (сост. научный сотрудник А.М. Васильев). Хранятся в отделе краеведения, истории и археологии Пушкинского Заповедника.

флигеля № 3 («Конторы управляющего») и каретного сарай в Михайловском (конец 1950-х — начало 1960-х, 1981), при музеефикации фундамента Георгиевской церкви, на площадке городища Воронич (1983) и у его подножия, на берегу реки Сороть (1950-е). Почти весь этот археологический сбор поступал от С.С. Гейченко, непосредственного руководителя и участника работ. Некоторые предметы — от местных жителей и сотрудников музея-заповедника А.Н. Белькова, М.С. Егорова (1950-е); в 1990-е находки передавались М.Е. Васильевым и И.Т. Будылинным, сотрудником института «Спецпроектреставрация» (Псков) Ю.Б. Бирюковым.

По своему назначению предметы самые разнообразные:

- очевидно, наиболее древние — кости мамонта (5 фрагментов, в том числе один — с берега озера Маленец, обнаруженный в 1954 году), каменный топор (1952?) и скребок из кремня, обнаруженный С.С. Гейченко на берегу Сороти, около «Кузьмы-Демьяна», как значится в сопроводительной записке, напротив городища Воронич;

- пряслице биконическое шиферное XI–XIV веков и булавка кудельная XVI–XVII веков; образцы лемехов зеленополивных XVI–XVIII веков и изразца зеленополивного фрагмент XVI–XVII веков, найденные на месте Георгиевской церкви на городище Воронич и Успенского храма в Святогорском монастыре;

- камни-терочники, пульки фальконетные и уникальные, как было замечено К.Б. Жучковым и С.А. Салминым, глиняные пушечные ядра (29 ед.) начала XVII века;

- замки и ключи, фрагмент латунного канделябра, обнаруженный в 1983 году на месте Георгиевской церкви, и керамического подсвечника с усадебного двора в Михайловском;

- вилка десертная серебряная и вилка железная из Михайловского, обнаруженные в конце 1950-х;

- монеты из Михайловского: 1 копейка 179? и 1 копейка 1798 года, 2 копейки 1812 года и серебряная 1 копейка 1842 года — и Тригорского: медные 2 копейки 1813 года, 3 копейки 1840 года, фрагменты столовой посуды — почти все, по атрибуции С.А. Салмина, конца XIX — начала XX века и многое другое.

Все эти материальные следы прошлого могут быть использованы в просветительной, выставочной работе, напоминая о минувших временах и основных вехах в становлении и развитии Пушкинского Заповедника во второй половине XX века.

Виктор Никифоров

К ИСТОРИИ ВОСКРЕСЕНСКОЙ ЦЕРКВИ ПРИГОРОДА ВОРОНИЧА

Точная дата постройки церкви неизвестна. Во время разорительного нашествия на Псков польско-литовского короля Стефана Батория в 1581 году был уничтожен город-крепость Воронич и его церкви. После нашествия земли Воронича были приписаны ко дворцу и потом раздарены. В конце XVI — начале XVII века Георгиевская церковь не была восстановлена; местные власти решили восстановить приходскую Воскресенскую церковь как символ возрождения, воскресения жизни.

В переписной книге 1678 года по Вороничскому уезду встречаем: «В Вороноче на посаде ц. Воскресения Христова на Старинном церковном месте на бую, а Георгия Святаго придел у той церкви, а перенесен с Вороноцкого городища»¹.

Летом 1780 года Воскресенская церковь горела. Священники послали рапорт в Псковскую духовную консисторию:

«Сего 1780 года июля на 21-е Число в ночи загорелся от дома Священнической жены вдовы Анны Петровой Собственной Ее анбар со всем домом незнамо из чего а как оный дом состоял близь сия Церкви то в тое время и оная Церковь згорела сверхим иконостасом и с тыми образами да и внижним поясу згорел сей образ Успения Божия Матери также и колокольня с четырмя колоколами а пртчее что было внизу в иконостасе с тыя образа служащие сосуды с Престола... и одежды и книги все выбран и храняся в Георгиевский Церкви Своронечка...

К сему рапорту Священник Борис Фомин руку приложил»².

К 1787 году церковь была восстановлена, как тогда говорили, «тщанием прихожан». Пушкинское сельцо Михайловское, деревни, принадлежавшие Пушкиным, как и другие, входили в приход этой церкви. А.С. Пушкин в годы ссылки (1824–1826), да и в другие приезды

¹. Васильев А.М. Вороничский уезд по писцовым и переписным книгам XVII века // Михайловская пушкиниана. Вып. 36. М., 2005. С. 125.

². Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 369. Оп. 1. Ед. хр. 223. Л. 3.

17. 30.
Книга данная из Опочецкаго Духовнаго Правления по
имени Святейшаго Синода Указа Опочецкаго Уездса поиско-
в воронца въ Воскресенскую церковь для вписания въ оную
всего церковнаго имущества и всеть тѣхъ имущихъ и храняще-
щихъ церковную Столовую посуду въ Истру Март 17 днѧ 1802 года

ОЗНАЧЕННАЯ книга воскресенскія Христова с.-
Угловая деревянная преграда изъ придела
крытая тесомъ на ней глава обитая жестью
на ней Крестъ Железный изъ кованой Родниковъ
Приделъ деревянный изъ дуба. Покрытъ Тесомъ
Крестъ на болѣй Железномъ Кованомъ на ней
две же б.-Дубовые притягивающие фронтовъ
двери дуба. притягивающие фронтовъ
двери дуба. фасады фронтовъ
двери дуба. три окна
одинъ пурпурный шелковый фронтовъ
по центральной двери въ образъ Николе
Приделъ Церковный Крыша изъ деревянной обивки

Опись имущества Воскресенской церкви 1802 года.
Государственный архив Псковской области (ГАПО)

в Михайловское бывал в Воскресенской церкви как прихожанин и как историк. Он был в дружеских отношениях со священником церкви Илларионом Евдокимовичем Раевским.

В Государственном архиве Псковской области (ГАПО) хранится опись имущества Воскресенской церкви 1802 года.

«Книга данная из Опочецкаго духовнаго Правления по коему Святейшаго Синода Указа Опочецкаго уезда пригорода воронца в Воскресенскую церковь для вписания в оную всего церковнаго имущества и всех к ризнице украшению церковному относящихся вещей. Март 17 дня 1802 года.

Означенная в ономъ воскресения Христова Церквь деревянная Твердая без придела крытая тесомъ на ней глава обитая жестью на ней Кресть

железной без цепей колокольня при ней деревянная твердая покрытая
тесом Кресть на ней железной Колоколов на ней пять весом 8 пудов
тринацать фунтов

Два пуда трицать [так в документе] шесть фунтов

Два пуда десять фунтов

Два пуда три фунта

Один пуд двацать [так в документе] шесть фунтов

При оной Церкви ограды неимеется.

При оной Церкви [здесь без мягкого знака] крылец деревянный
один

Входящие в колокольню двери деревянные с личиною

Деревянные в церковь двери с личиною

Над дверми колокольни образ Николая чудотворца

В киворе:

Над дверми Притвора образ рождества Иоанна Предтечи:

По правую сторону Притвора образ архидиакона Стефана:

По левую образ Святаго Ме...

Во внутренности Церкви иконостас столярной работы дикаго
цвета:

Царские двери тогож цвета:

На них образа Благовещения Пресвятой Богородицы и четыре Еван-
гелиста.

По правую сторону образ Спасителя нашего

По левую Божией Матери:

Южной двери Святаго Архистратига Михаила

Северной двери Святаго Архистратига Гавриила

Над царскими дверми образ тайныя вечери и распятие Христово:

Над спасителем образ богоявления Господня:

Над Божию Матерью Рождество Христово:

Над южными дверми образ Вознесения Господне:

Над Северными Преображение Господне:

Два Крылоса деревянные Сперилами:

Пред правым Крылосом Храмовые: Образ Воскресения Христо-
ва в Кивоте и в окладе ириза на нем Сребряная Ипозлащена Накотором
Привес Сребреной

Рубль один:

Полтинник один:

Полуполтинников два:

Дватцатикопеешников два:

Пяти алтынников один:

Гирвенников шесть:

Крестов Сребренных два:

Идва Покрова красных шелковых:

Над Храмовым Образом Живоначальныя Троицы.

Пред левы Крылосом образ Преображения Господня Вкивоте писанном Красною Краскою:

И пред Святителями Василя Великаго Григория Богослова Иоанна Златоуста

Надним образ Успения Божией Матери:

УПраваго Крылоса Херугов писанная Нахолсте:

Наодной Стороне Образ Рождества Христова

Николая Чудотворца:

Улеваго Крылоса Херугов Накоторой образ сретения Господня итрех Светителей:

Заправым Крылосом образ Спасителя Михаила Архангела:

Залевым Божией Матери Илии Пророка:

Уцарских дверей налой одетой вкрасножелтой одежды Накотором образ два надесятых Праздников

ИНиколая чудотворца Всербеной ризе

Сдругой Налевой для Чтения Евангелия Накотором одежда Зеленою Тавты Ипокровом красной тавты обложен Сребреными Сетками:

Паникодил высучих медных три одна жестяная.

Лампад жестяных выносных три:

Вовнутри Церкви Семь окон без решеток с деревянными запорами:

ВОССЯТОМ ОЛТАРЕ

Престол деревянный Нанем Срачница белая ткацкая:

Сверх одежда отласу Полосатаго Нанем Крест Шелковых Желтых лент:

Глазетовая белая Накоей Кресть Позументу Залотаго:

Антимис Набелом Атласе:

Литон Камчатной Красной С цветами

Два Кестом Евангелие обложено Красным бархатом Сребряными Евангелистами:

Обложен Оним Бархатом смеднами Евангелистами

Кресть напрестоле Серереный чеканной работы ипозлащен
Сребренной глаткой ипозлащенной же
...ион оловянной:
Покров на Престоле желтой тавты скрестами
У царских дверей занавеса желтаго атласу у жертвеннike одежда
отласная вишневая сбелами лентами красноселенои набоики

СОСУДЫ СЛУЖАЩИЕ

Чаша дискось Звезда ажица два блюда и большая... ца сребреные:
...вие старлиное:

Образа в олтаре против престола Воскресение Христова Нерукотвореной Спасителя Успение Божий Матери... без акладу... образ Казанской Божий Матери и Святого Митрополит Дмитрий:

В правую сторону резные позлащенные Царские двери Знамение Божий Матери На ней Оклад и венцы Сребреные и одна Жемчужина:

На обороте Николай Чудотворец На коем венец медный и позлащен:

Образ Светаго Великомученика Георгия:

По левую сторону образ Светителя Николая:

Кадил медных три:

Оловянных блюд больших и малых пять:

Блюдомедное одно:

Медная чаша для водоосвящения Скрышкою:

Укропник медной одни:

Корчиков медных два:

Во оном Олтаре два Окна безрешеток здеревянными запорами:

РИЗЫ

Штофные красные с цветами обложены позументом сребренным оплечие белой парчи:

Тафетянные вишневые с глубым оплечьем:

Штофные с цветами желтые с голубым штофным оплечьем обложены лентами белыми грязетовые:

Тафтяные ребинаваго цвета с глубым оплечьем серебренными сетками:

Гарнитуровые голубые обложены серебренными сетками отметины черные:

ЕПАТРАХИЛИ

Газетовой белой:

Гарнитурой Голубой:

Тафтяных зеленых два:

Гарнитурой вишневой с малиновой бахмараю (бахрамой) атласу желтаго:

ПОЯСОВ

Простой с кистями:

Шелковой смедною пряшкою:

ПОДРИЗНИКОВ

Красной Тафты облажены Голубыми лентами:

Красной китайке:

ПОРУЧИ

Гарнитуровы Голубые с цветами:

Гарнитуровые Малиноваго цвету:

Тафтяные Красные:

Гарнитуровые Голубые:

ТИХАРИ

Штофной красной с цветами оплечье белой парчи с сребренным позументом:

Тофянной двулишной с сребренным сетками.

Тафянной [так в документе] темной зеленои с белами лентами:

Полуситовой пестрой [знаков препинания нет]

Желтой камчатной

Камчатной черной с белыми лентами

ОРАРИИ

Газетовой белой с золотою бахмараю [так в документе].

Гарнитурой Темной:

ГАрнитурой Галубой:

Шелковых лент два

Духов — [стоит прочерк].

ВОЗДУХИ

Отласные зеленые

Гарнитуровые Красные с сребреным Цветами Обложены Желтым
Гарнитуром

Пречевые белые с золотою парчею обложены вишневым отласом

ПЕЛЕНЫ

Шелковых Желтых две

Полуонцовой Пестрой Темной

КНИГИ

Уставов два

Месеших Миней двенадцать

Апостол

Треод цветная.

Великопосных треуд два

Ермологиев два

Служебников три

Канонник

Общих Миней две

Осмигласных Октов два

Требников два.

Беседы Иоанна Златоуста

Поучительные Слова Григория Назнанзина

Первая и вторая часть

Кратких поучений:

Житие Благоверного князя Михаила

О церкви и таинствах

О обращении из раскола

О должности Христианина

Следованных две псалтири

Служба Иоанна Богослова

Служба Велкомученику Евстафию

Службе навознесение Господне

Служба напонедельник Ипеток Светлыя Седмицы:

Благодарственная Книжица

Регистров о поминовении Царских Величеств четыре

Указы Печатные Формы Табели...

Ипростые документы от 1721 го по 1801 Год в целости имеются
Сундук для поклажи ризницы с замком имеется
Для продажи свеч с замком висячим окован железом для хранения
Церковной Суммы Совнутренним Замком:
К сей книги Священник Петр Иванов руку приложил
Диакон Стефан Савин руку Приложил
Дьячек Егор Гаврилов руку приложил»³.

³ ГАПО. Ф. 369. Оп. 1. Ед. хр. 1025.

Марина Пахоменкова

НОВЫЕ ДВОРЯНСКИЕ ФАМИЛИИ НА КАРТЕ НОВОРЖЕВСКОГО УЕЗДА

Многие годы, занимаясь краеведческой работой, я создавала всевозможные картотеки на фамилии, встретившиеся в литературе и особенно в архивных документах, сортируя их по сословному принципу. Эти сведения помогали в моей собственной музейной работе и оказывались полезными обратившимся ко мне исследователям. Полтора года назад я начала работу над завершением своей собирательской (я не оговорилась) деятельности по теме «Дворяне Новоржевского уезда», которая выросла в более крупное научное исследование «Дворяне и чиновники Пусторжевского-Новоржевского уезда XVI–XX веков».

На сегодняшний день я располагаю сведениями о 682 фамилиях (3 312 членов семей), связанных имущественными, родственными или служебными отношениями с Пусторжевским-Новоржевским уездом. Среди них — 11 княжеских (Белосельский-Белозерский, Волконские, Гагарин, Ерастова, Звенигородский-Рюмин, Кольцово-Масальские, Кургановская, Мещерские, Путятин, Урусовы, Шаховские), 4 графских (Коновницыны, Морштын, Разумовские, Сиверст) и 12 баронских (Бриккен (Бринкер), Гиртцеус, Дельфонд, Дерон, Витте, Вревский, Корф, Мейер, Розенау, Шмидт, Энден, Энгельгард) фамилий, чьи поместья и вотчины располагались на территории современных Новоржевского и Бежаницкого, частично Опочецкого, Пустошкинского, Пушкиногорского и Локнянского районов. Без документальных подтверждений не записан ни один персонаж.

Когда книга выйдет в свет для широкого читателя, состоится большая презентация и подробный рассказ о ней. Сейчас мы познакомимся только с теми, кто стал для меня открытием.

Большой род пусторжевских Карамышевых благодаря Олегу Михайловичу Карамышеву внесен в перечень дворян Пусторжевского уезда, которые служили стольниками и воеводами. Их подвиги отражены в устном народном творчестве.

Никита Сумароков, участник Собора 1648–1649 годов по выбору лучан и пусторжевцев, руку приложил к Соборному уложению 1649 года (у рода много владений на территории Пусторжевского уезда).

После работы с документами древлехранилища Псковского музея-заповедника внесено имя первого петровского солдата Сергея Бухвостова вместе с семьей отца.

Ярким представителем плеяды петровских государственных деятелей станет сын владельца сельца Барсуки Островского уезда (ныне Новоржевского района) Василий Никитич Татищев (1686–1750) — дипломат, экономист, математик, горный инженер, географ, естествоиспытатель, этнограф, историк, собиратель древностей, лингвист, публицист, философ, просветитель, автор первого капитального труда «История Российской», основатель городов Ставрополь (Ставрополь-на-Волге, ныне Тольятти), Екатеринбург и Пермь. В его честь установлены пять памятников, названы улицы шести городов и селения трех областей России.

По итогам переписи 1723 года в Архангельской губернии, проводимой пусторжевцем генерал-поручиком армии Федором Гавриловичем Чекиным, по его предложению приняты новые положения по налогам (владение жены Алены Кондратьевны — сельцо Никитинское).

XVIII — начало XX века для новоржевцев отмечены необыкновенными именами:

Философов Михаил Михайлович — дипломат, его рукопись «Мнение мое касательно внутреннего положения любезного Отечества нашего» — программа преобразования России в девяти пунктах (владения в Новоржевском уезде и пригороде Выбор Островского уезда);

Бороздин Корнилий Богданович — создатель конной артиллерии (сельцо Ладино);

Апрелев Федор Иванович — генерал-лейтенант, генерал-фельдцайхмейстер, изобрел снаряд для заделывания в орудиях раковин, который современники называли «секретной машиной» (владения в деревнях Булохово, Плоское, Тимохново);

Деденев Михаил Алексеевич — генерал-поручик, инженер-новатор фортификации, автор канала Кама — Шексна (владения в Жадрицкой волости);

Голенищев-Кутузов Ларион Матвеевич — генерал-поручик, инженер, автор проекта Екатерининского канала в Санкт-Петербурге, отец будущего князя фельдмаршала М.И. Кутузова (деревни Дубохново, Рысцово);

Лихардов Сергей Михайлович — генерал-лейтенант, проектировал дороги петербургских пригородов, автор подземного водовода. Состоял

управляющим Петергофа, его именем названа улица в Петродворце. На здании, в котором с 1876 года находилось дворцовое правление, установлена памятная мемориальная доска (владения в сельце Савлово);

Щербинин Евдоким Алексеевич — генерал-поручик, губернатор Украинской губернии, управляющий Смоленским и Орловским наместничествами, открыл Воронежское и Харьковское наместничества и там же был генерал-губернатором. В Харькове в 2004 году ему установлен памятник. Его внуки Давыдовы — герои войны 1812 года (владения — сельцо Гривино, Великополье, Погорелое с деревнями);

Разумовский Григорий Кириллович — геолог и биолог, открыл новый минерал Razoumowskin. В 1816 году избран в члены комиссии, назначенной Императорским Санкт-Петербургским минералогическим обществом, для разработки разных вопросов народного образования (сельцо Сахино с деревнями, бывший Островский уезд);

Лодыгин Дмитрий Михайлович изобрел опробованную Академией наук 6 июля 1781 года машину для гонки благовонных масел (деревни Микулина, Ублиска и другие);

Висковатов Иван Гаврилович — секунд-майор, агроном, мелиоратор; его сын Василий — академик математики и механик (владел сельцом Сторожня);

Елагин Иван Порфириевич управлял театрами; при нем основано театральное училище, заложен Большой театр в Коломне (владения — сельцо Филино и Греченево);

Кошелев-Кушелев Родион Александрович — один из основателей и вице-президент Библиотечного общества России (сельцо Дубровы);

Свистунов Петр Семенович — генерал-аншеф, главный директор Ассигнационного банка, состоял в комиссии по учреждению школ, писатель, переводчик, ученик Сумарокова (владение — сельцо Рокачево);

Никитин Василий Поликарпович — председатель Санкт-Петербургской палаты гражданского суда, с 1829 года — член Общества попечения о тюрьмах, окказал большое влияние на улучшение быта заключенных России. По просьбе Сперанского составил наставления и примечания по составляемому Своду законов 1832 года (владел сельцом Белавино);

Княжнин Борис Яковлевич — генерал от инfanterии, занимался подготовкой реформы 1838 года о государственных крестьянах (владел сельцами Натекино и Иваньково).

Юристы высшей категории:

Буцковский Николай Андреевич — тайный советник и сенатор, видный деятель судебной реформы 1860-х годов, первый в России поставил вопрос о вознаграждении лиц, безвинно привлеченных к суду (владение — сельцо Кородеево);

Полянский Александр Александрович — председатель Уголовной палаты Санкт-Петербурга, сенатор (владения в деревнях Налой, Вырино, Купилово);

Философов Владимир Дмитриевич — главный военный прокурор, автор законов, положений и уставов о военных училищах и военно-судной части. Его супруга Анна Павловна — деятельность российского и международного женского движения;

Ферморт Павел Федорович — генерал-майор, директор аудиторского училища. Положил начало Военно-юридической академии (владения жены Александры Михайловны — сельцо Бараново, Александровское-Боборыкино).

Воспитанием подрастающего поколения в лицеях и кадетских корпусах занимались такие выдающиеся люди своего времени:

Желтухин Владимир Петрович — генерал от инfanterии, директор Александровского сиротского кадетского, затем 1-го Московского кадетского и Пажеского корпусов, главный начальник военно-учебных заведений, их главный инспектор (владения в сельце Луг);

Коновницын Петр Петрович — генерал от инfanterии, директор Пажеского, 1-го и 2-го кадетских и Смоленского кадетского корпусов, Царскосельского лицея и пансиона (владения в деревнях Гора, Ровные Нивы, Мартиново и других);

Кавелин Александр Александрович — генерал от инfanterии, директор Пажеского корпуса, наставник цесаревича Александра (владения жены Марии Павловны в Жадрицкой волости).

О контр-адмирале Владимире Николаевиче Брылкине, совершившем кругосветное плавание, начальнике отряда судов Морского училища, говорили: «Редкий моряк и выдающийся педагог» (владения в сельце Асташково).

Из 801 военного землевладельца Пусторжевского-Новоржевского уезда верой и правдой служили на благо России 78 генералов и маршалов различного ранга, удостоенных многочисленных наград. На флоте служили 79 офицеров, 12 адмиралов:

Ганнибал Иван Абрамович — генерал-аншеф, герой Наварина и Чесмы, строитель Херсона (владелец сельца Карадеево);

контр-адмиралы Николай Иванович Борисов (владелец деревень Юшково, Сипово и Сафоново), Дмитрий Николаевич Брылкин — герой Севастополя, К.Н. Жегалов (владения жены Александры Александровны, урожденной Чеченской, — сельцо Скорятино), Петр Алексеевич Караполов (владения жены Виктории Михайловны — деревни Заход, Ханево, Рубачево и другие Оршанская волости), Петр Иванович Шишкун (владения в деревне Юрлово);

Назимовы — отец, Николай Николаевич, и сыновья — два вице-адмирала, контр-адмирал и адмирал (владения их в сельцах Кузьмино и Скорятино). Имена Павла и Константина отмечены на карте дальневосточных морских рубежей России. Там же увековечено имя адмирала Николая Матвеевича Чихачева, будущего военно-морского министра (владения в сельце Добрывичи). Именем капитана I ранга Александра Александровича Шатилова, исследователя Белого моря, назван остров в южном заливе Рейнеке у южного побережья Новой Земли.

В память об экипаже броненосца «Александр III» (командир — капитан I ранга Николай Михайлович Бухвостов), погибшем в Цусимском сражении, в Санкт-Петербурге установлен памятник (владения родителей в сельце Незнаниха).

Мичман Михаил Осипович Меньшиков составил «Руководство к чтению морских карт» и «Лоцию Абонских и восточной части Аландских шхер», стал журналистом и публицистом (владения матери, урожденной Шишкиной).

Агин Василий — картограф, сын поручика Алексея Петровича Елагина (сельцо Петровское), составил карты Кронштадских шхер, которыми пользуются и поныне.

Помимо основной деятельности многие представители дворянства занимались литературой, музыкой, собиранием предметов истории и искусства.

Дипломат князь Александр Михайлович Белосельский-Белозерский, помимо стихов, написал либретто оперы «Олеся, или Первоначальная любовь». Его дочь княгиня З.А. Волконская в 1825 году хлопотала об основании Русского общества для устройства национального музея и для обнародования памятников старины. Музей изобразительного

искусства имени А.С. Пушкина в Москве считает ее своей основательницей (владельцы селец Орша, Осинкино, Соболицы).

Воейков Леонид Алексеевич — коллекционер русских гравированных портретов, коллекция передана в Тамбов (приданое жены, Варвары Константиновны Бороздиной, — сельцу Кудеверь).

Сын А.П. Елагина Александр Агин — первый иллюстратор «Мертвых душ» Н.В. Гоголя, автор пьедесталов памятника баснописцу Крылову в Летнем саду Санкт-Петербурга и скульптур коней на Аничковом мосту, созданных скульптором Клодтом.

Висковатов Степан Иванович — автор ряда стихотворных трагедий на исторические сюжеты («Ксения и Тимур», «Владимир Мономах», «Всеобщее ополчение»). Павел Александрович Висковатов — автор либретто к опере «Демон» А. Рубинштейна, первый биограф Лермонтова.

Яхонтов Николай Петрович — автор опер «Сильф, или Мечта молодой женщины» и «Король и пастух» (родился в сельце Кунино).

Обширно творчество Александра Николаевича Яхонтова, который выполнил в том числе перевод романа «Приключения Робинзона Кру佐» Даниэля Дефо (владения отца — сельцо Новое Кунино с деревнями и другие).

Драма «Честность» Александра Николаевича Креницына была поставлена на сцене Александринского театра (владения в деревнях Плешково, Железняк, Шабаново).

Свистунов Петр Семенович перевел на русский язык комедии Мольера «Амфитрион» и «Мещанин во дворянстве».

Княжнин Яков Борисович — автор трагедии «Дидона», соиздатель журнала «Санкт-Петербургский вестник» (владение отца — сельцо Махново).

Поздеев Осип Алексеевич — начальник канцелярии градоначальника Москвы, масон. Написал статью «Мысли противу дарования простому народу так называемой гражданской свободы», напечатанную без имени автора в «Истории Российской академии» М.И. Сухомлинова (владение в сельце Доманово Оршанской волости).

Ушаков Степан Федорович — новгородский и затем санкт-петербургский генерал-губернатор, тайный советник, агроном, сотрудничал в изданиях Вольного экономического общества (владения в сельцах Белавино и Ульяново).

Литературные труды имели и практическое значение. «Новое подспорье всякому домоводству на Руси» Дмитрия Михайловича Лодыгина

(владения в деревне Микулино и других), «О постепенном усовершенствовании хозяйства в имении господ Мининых, находящемся в Псковской губернии в Новоржевском уезде» Алексея Васильевича Минина (владения в деревне Фякло и других), «Очерки судебных порядков» Н.А. Буцковского пользуются спросом и в наши дни.

Были и исследователи истории России.

Бороздин Константин Матвеевич написал «Начертание жизни князя Якова Федоровича Долгорукова», «Историческое исследование духовной грамоты Великого князя Дмитрия Ивановича», «Краткое описание жизни графа Якова Федоровича Остермана»; принимал участие в составлении энциклопедического словаря Плюшара; начал печатать родословия дворянских фамилий. Его прекрасная библиотека перешла в Румянцевский музей (владение — сельцо Кудеверь).

Висковатов Александр Васильевич — военный историк. Его основные труды: «Краткая история 1-го Кадетского корпуса», «Краткая хроника полков и других частей русской армии», 30-томный труд «Историческое описание одежды и вооружения российских войск с древнейших времен до 1855 года» и «Хроника российской императорской армии».

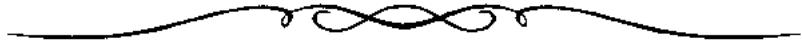
Давыдов Денис Васильевич — автор «Опыта теории партизанского движения», «Дневника партизанских действий 1812 года».

Дараган Дмитрий Иванович, генерал от инfanтерии, под псевдонимом «Старый Семеновец» написал брошюру «А.А. Данзас (Воспоминание старого товарища на его свежей могиле)» (владения — у жены Антонины Карловны).

Жеребцов Николай Арсентьевич — инженер путей сообщения, автор «Истории русской цивилизации» (владения отца — деревни Столово и Малеево).

Княжнин Борис Яковлевич, генерал от инfanтерии, составил книгу «Биографии штаб- и обер-офицеров grenадерского графа Аракчеева полка, положивших жизнь свою, защищая Государя и Отечество в сражениях 1812, 1813 и 1814 годов».

Ивановский Андрей Андреевич — издатель «Альбома северных муз», одного из лучших альманахов 1820-х годов. В 1826 году служил в комиссии по расследованию восстания на Сенатской площади, изъял из дел автографы сочинений и письма Бестужева и Рылеева, давал их читать узкому кругу друзей, позднее часть писем была опубликована В.Е. Якушкиным в «Русской старине». В 1840–1845 годах он состоял почетным смотрителем уездного училища в Новоржеве и одновременно

чиновником Министерства финансов в Пскове. Ежегодно жертвовал уездному училищу 300 рублей серебром, принимал экзамены, устраивал торжественные обеды. В 1840 году в библиотеку училища подарил 282 тома книг на сумму 447 рублей (владения в сельцах Лобаново и Гривино).

Щербинин Михаил Павлович написал «Биографию генерал-фельдмаршала князя М.С. Воронцова» (владения отца в Жадрицкой волости).

Прекрасными переводчиками были Философовы — Михаил Михайлович («Инструкция, или Воинское наставление Фридриха короля Пруссского его генералитету» и «Пустынник» виконта д'Аленкура) и Владимир Дмитриевич (роман Жорж Санд «Симон») (владения в сельце Богдановское).

Павлович Надежда Александровна — поэтесса Серебряного века, посвятила поэму Блоку, была секретарем Н.К. Крупской, спасла от гибели оптинского старца Нектария, работала в первом Оптинском краеведческом музее. Ее отец Александр Феликсович служил представителем Великолукского окружного суда в Новорожеве, мать похоронена на городском кладбище, сестра преподавала в женской прогимназии.

Идет время, изменяется общественная формация, но результаты многолетних достойных служений россиян на благо государства остаются в достижениях наук и искусства, в литературе и истории. Биографии забываются, но имена остаются. Мы, краеведы российской провинции, приближаем эти имена, чтобы восстановить утраченное и познакомить с ними новое подрастающее поколение, прививая тем самым вкус к истории и повышая самооценку провинциального жителя.

Юрий Конов

ПУШКИНЫ ОПОЧЕЦКОГО УЕЗДА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

*Опыт восстановления биографий
защитников Отечества по различным источникам*

Начну с «детского» вопроса — участвовал ли Александр Сергеевич Пушкин в Первой мировой войне? При кажущейся наивности и очевидности ответа ответ все-таки будет положительным.

В Первой мировой войне участвовал Александр Сергеевич Пушкин — младший унтер-офицер 7-го гусарского Белорусского императора Александра Первого полка, уроженец Псковской губернии — Опочецкого уезда, Красногородской волости, деревни Мицкево. Ранен под местечком Стоянов 2 августа 1914 года в атаке с венгерскими гусарами. Отправлен на лечение в город Киев.

Я хочу рассказать о некоторых жителях Опочецкого, Островского и Новоржевского уездов Псковской губернии в первой половине XX столетия, носивших фамилию Пушкин.

Основными источниками по теме стали два ресурса Центрального архива Министерства обороны. Первый — «Памяти героев Великой войны 1914–1918»¹. На нем выложены персональные сведения об участниках Первой мировой войны. Второй — «Память народа»². На нем я нашел документы о Пушкиных — участниках Великой Отечественной войны. Также было привлечено еще несколько информационных ресурсов³.

¹ Пушкин // Герои Великой войны 1914–1918 годов [Электронный ресурс: <https://gwar.mil.ru/>].

² Пушкин // Информационный проект «Память народа» [Электронный ресурс: <https://pamyat-naroda.ru>].

³ Пушкин // Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» [Электронный ресурс: <http://podvignaroda.ru/?#tab=navHome>]; Обобщенный банк данных «Мемориал» — банк данных о защитниках Отечества, погибших, умерших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны и послевоенный период [Электронный ресурс: <https://obd-memorial.ru/html/>].

В ходе работы с ресурсом о героях Первой мировой войны я нашел сведения о 12 Пушкиных из Опочецкого и Островского уездов, принимавших участие в военных операциях 1914–1918 годов.

В Островском уезде проживали два Пушкина — по одному в Толковской и Сонинской волостях. В Опочецком уезде проживали 10 Пушкиных: по два человека проживали в Синеникольской, Жадринской, Воронецкой и Красногородской волостях, по одному человеку призывались из Полянской и Покровской волостей.

Больше всего Пушкиных — шесть человек — служило в пехоте. Остальные разделились поровну, по одному человеку, по следующим родам войск: гренадеры, морская пехота, артиллерия, кавалерия, ратники. Среди них — один старший унтер-офицер, три младших унтер-офицера, один матрос 2-й статьи, один ефрейтор, один ратник и пять рядовых. Непосредственно участвовали в боях шесть человек, четыре попали в военные госпитали из-за различных болезней. Один человек пропал без вести. Возраст военнослужащих — от 22 до 38 лет.

Среди жителей Пушкиногорья в боях на русско-германском фронте принимали участие: Михаил Васильевич Пушкин — ефрейтор 226-го Пореченского пехотного полка, уроженец Воронецкой волости, он был ранен в бою 8 августа 1916 года, и Андрей Пушкин — старший унтер-офицер 16-го Сибирского пехотного полка, уроженец Полянской волости. Был ранен 16 июля 1915 года.

Хотелось бы остановиться на биографии еще одного Александра Сергеевича Пушкина. Александр Сергеевич Пушкин — уроженец деревни Трукши Воронецкой волости Опочецкого уезда Псковской губернии. Матрос 2-й статьи 3-го полка отдельной морской бригады особого назначения, после ранения он проходил лечение в Морском госпитале Морской крепости императора Петра Великого. 16 февраля переведен в Николаевский морской госпиталь Кронштадта.

Несколько слов об этом элитном подразделении Первой мировой войны. Отдельная морская бригада особого назначения — соединение морской пехоты в Русской императорской армии.

У истоков создания своеобразной «сухопутной» морской части, которая выполняла разнообразные задачи на фронте, был отдельный морской батальон (ОМБ) 2-го Балтийского флотского экипажа. Эта часть была сформирована в Петрограде и находилась под личным контролем императора. С 1 октября 1914 года ОМБ находился в крепости Ивангород. 16 марта 1915 года батальон стал морским полком особого назначе-

ния. 31 мая 1916 года был развернут в отдельную морскую бригаду особого назначения. Поскольку в русской армии подобное словосочетание ранее не встречалось, именно морской полк особого назначения может считаться первой частью русского спецназа⁴.

Можно предположить, что А.С. Пушкин начал службу в этом подразделении в составе Ивангородской флотилии, затем служил в речной флотилии особого назначения. Она формировалась в притоке Днепра — Припяти. Русские катера обследовали русла всех рек и протоков до непосредственного соприкосновения на них с противником и устраивали все препятствия для плавания, вплоть до уничтожения немецких минных заграждений. Кроме того, моряки собирали и готовили транспортные средства для перевозки войск и раненых. Предположительно, после ранения матрос 2-й статьи Пушкин вернулся в часть и принимал непосредственное участие в операциях речной флотилии особого назначения. Дальнейшую судьбу А.С. Пушкина проследить не удалось.

Работая с документами электронного ресурса «Память народа» Центрального архива Министерства обороны, удалось выявить 11 человек с фамилией Пушкин — участников Великой Отечественной войны.

По три человека проживали в Пыталовском и Новоржевском районах. В Бежаницком районе проживали два Пушкина, по одному — в Красногородском, Опочецком и Кудеверском районах. Годы их рождения — с 1898-го по 1925-й. Они призывались в Красную армию в 1941, 1942, 1944 годах. Пропали на фронтах Великой Отечественной войны два человека. Это Иван Михайлович (Максимович?) Пушкин 1898 года рождения, житель деревни Корчути Духновского сельсовета Кудеверского района. Был призван в 1941 году Кудеверским райвоенкоматом. Красноармеец 124-й стрелковой дивизии, пропал без вести в 1942 году. Его жена — Наталья Кузьминична Пушкина.

Митрофан Ефимович Пушкин из Дворецкой волости Новоржевского района пропал без вести 22 августа 1944 года.

Государственными наградами были отмечены шесть человек. Общее количество наград — шесть медалей «За отвагу», три «За боевые заслуги», одна «За оборону Ленинграда». При этом два человека дважды

⁴ Отдельная морская бригада особого назначения // Википедия [Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/Отдельная_Морская_бригада_Особого_назначения/].

награждались медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». На их военной биографии хочется остановиться.

Михаил Алексеевич Пушкин родился в 1914 году. Жил в деревне Житница Новоржевского района, жена — Елена Дмитриевна Пушкина. В марте 1944 года Новоржевским РВК призван в ряды Красной армии. Проходил службу в 247-м стрелковом полку 37-й стрелковой дивизии. Это был отважный боец. Летом 1944 года за выполнение обязанностей связного командира роты был награжден медалью «За боевые заслуги». В октябре 1944 года был награжден медалью «За отвагу». В наступательном бою, ворвавшись в траншею, бросился с гранатой на трех немцев и уничтожил их. Поэтому нелепым кажется приговор Военного трибунала 2-го Прибалтийского фронта об осуждении красноармейца М.А. Пушкина по статье 193-12 «в» (членовредительство) на 10 лет лишения свободы (приговор вступил в силу 11 января 1945 года). Как такое могло произойти?

Под Новый, 1945 год 37-я дивизия вела ожесточенные бои по ликвидации окруженнной группировки противника в Курляндии. В этих боях красноармеец М.А. Пушкин был ранен. «29 декабря 1944 года стрелок 7-й роты Пушкин первым поднялся в атаку, достиг противоположного рва и гранатами забросал расчет ручного пулемета. 31 декабря 1944 года в бою был ранен». Военный трибунал принял боевое ранение за членовредительство и, не разбираясь, вынес приговор. Приказ о награждении красноармейца 247-го стрелкового полка 37-й стрелковой дивизии М.А. Пушкина медалью «За отвагу» последовал лишь 12 января 1945 года. Хочется надеяться, что ошибка в отношении М.А. Пушкина была исправлена⁵.

Николай Петрович Пушкин родился в 1925 году. В 1944 году Абренским уездным военкоматом был призван в ряды Красной армии. Служил пулеметчиком в 141-м стрелковом полку 85-й стрелковой дивизии. Сухие строчки приказов отражают боевой путь героя.

«В боях с 8 по 21 марта 1941 года в наступательных боях со своим расчетом подавил огневую точку и уничтожил 7 немецких солдат. Награжден медалью «За отвагу».

⁵ 37-я стрелковая дивизия // Информационный проект «Память народа» [Электронный ресурс: <https://pamyat-naroda.ru>]

«В период нахождения в обороне подавлял огневые точки противника. Это дало возможность работать по сооружению оборонительных сооружений. Награжден медалью «За боевые заслуги».

«6–8 мая 1945 года огнем своего пулемета уничтожил огневую точку противника, благодаря чему рота беспрепятственно достигла траншей противника».

Итак, в ходе работы удалось обнаружить сведения о 23 участниках мировых войн, носящих фамилию Пушкин и проживавших в 1914–1944 годах на территории бывших Опочецкого, Островского и Новоржевского уездов Псковской губернии.

Дмитрий Артамонов

ПРОЕКТИРОВАНИЕ И НАЧАЛО СТРОИТЕЛЬСТВА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ЛИНИИ ПСКОВ — ПОЛОЦК

В Первую мировую войну Российская империя вступила, существенно уступая своим противникам в развитии транспортной инфраструктуры в приграничных районах европейской части страны. Особенно сильное отставание проявлялось в состоянии железнодорожной сети: к границе вели 32 германские и австрийские железнодорожные линии — и только 7 российских.

Однако еще хуже обстояли дела с меридианными (рокадными) дорогами вдоль границы. После потери летом 1915 года Виленского и Гродненского железнодорожных узлов ситуация на северном театре военных действий значительно ухудшилась. Поток грузов из Петроградского промышленного района шел к фронту через станции Дно и Псков, далее для их перевалки ключевое значение имел Двинский железнодорожный узел, фактически находившийся на линии фронта, из-за чего его использование в любой момент могло стать невозможным¹.

В этих условиях штаб Верховного главнокомандующего во второй половине 1915 года стал решать вопрос о развитии железнодорожной сети в тылу Северного фронта, но из-за скудности ресурсов и ограниченности времени было непросто принять решение.

Разработку проекта развития сети вел железнодорожно-строительный отдел главного управления военных сообщений при штабе Верховного главнокомандующего².

На первоначальном этапе было предложено связать железнодорожной веткой Полоцк с Себежем, и далее грузы могли идти по линии Витебск — Петроград, однако однопутная линия Витебск — Петроград физически не могла принять на себя весь объем грузов, проходивших по линии Петроград — Псков — Двинск, а строительство второго пути на этой линии являлось затруднительным и слишком дорогостоящим.

¹ Сенин С.А. Генерал С.А. Ронжин и его исторический очерк о российских железных дорогах в Первой мировой войне // Новый исторический вестник. 2013. № 38. С. 90–91.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2004. Оп. 2. Д. 405. С. 7.

В связи с этим было предложено два варианта развития железнодорожной сети: первый — постройка линии Полоцк — Себеж — Остров; второй — постройка линии Остров — Новоржев — Сущево (станция на однопутной железнодорожной линии Витебск — Петроград) и далее прокладка второго пути от Сущева через Новосокольники до Витебска.

При оценке второго варианта было сделано заключение о том, что строительство ветки от Острова либо Пскова до Сущева не вызовет затруднений и может быть осуществлено в кратчайшие сроки.

Строительство второго пути от Сущева до Витебска было крайне дорогостоящим и технически сложным. При этом требовалось проложить 150 верст нового пути и 214 верст второго пути, что в сумме потребовало бы прокладки 364 верст пути.

Первый вариант, Полоцк — Себеж — Остров, требовал прокладки всего 217 верст пути и мог быть реализован в шестимесячный срок или даже быстрее.

Кроме того, усматривалась экономическая целесообразность послевоенного использования линии Полоцк — Себеж — Остров.

Основываясь на этих изысканиях, 28 декабря 1915 года железнодорожно-строительный отдел Главного управления военных сообщений при штабе Верховного главнокомандующего рекомендовал в своем донесении начальнику штаба Верховного главнокомандующего остановиться на варианте постройки линии Полоцк — Себеж — Остров³, что и было сделано⁴.

Главным начальником работ по постройке линии Псков — Себеж — Остров был назначен инженер Сергей Николаевич Чаев⁵, а производство изысканий непосредственно на проектируемой линии было поручено инженеру Владимиру Павловичу Рыжову⁶. 10 января 1916 года штабом Верховного главнокомандующего был утвержден штат Полевого строительного управления по постройке железнодорожной линии Полоцк — Себеж — Остров⁷.

С решением по выбору первого, а не второго варианта постройки линии не согласился начальник штаба Северного фронта генерал-майор

³ РГВИА. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 405. С. 7–12.

⁴ РГВИА. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 405. С. 27.

⁵ РГВИА. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 405. С. 31.

⁶ РГВИА. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 405. С. 15.

⁷ РГВИА. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 405. С. 91.

М.Д. Бонч-Бруевич. В своей телеграмме от 11 января 1916 года он просил пересмотреть принятное решение, аргументируя это тем, что при потере Двинска железнодорожная линия, проходящая через Себеж, может быть в короткие сроки перерезана противником⁸. Его прошение не было удовлетворено штабом Верховного главнокомандующего, однако штабу Северного фронта предлагалось обосновать необходимость постройки обеих веток, по первому и второму варианту⁹.

Кроме того, инженеру Рыжову было приказано согласовать окончательный проект будущей линии со штабом Северного фронта¹⁰.

17 января 1916 года Рыжов сообщал Чаеву, что ему потребуется полтора месяца на проведение полевых изысканий и еще месяц на подготовку окончательного проекта, согласованного со штабом Северного фронта¹¹.

Чаев в ответ указывал Рыжову на то, что до окончания зимы все необходимые лесные материалы должны быть уже заготовлены и размещены вдоль линии будущего строительства (что, соответственно, требовало ускорения работ по рекогносировке линии и подготовке проекта)¹².

Уже к 22 января 1916 года Рыжов представил в штаб Северного фронта четыре варианта прокладки линии, причем четвертый находился значительно восточнее Себежа, и именно он был одобрен штабом. Этот вариант предполагал, что линия пройдет в тылу у строящихся Островских укрепленных позиций, а также в удалении не менее чем на 10 верст от среднего течения реки Великой (участок Остров — Опочка) и примкнет к Северо-Западной железной дороге у станции Черская¹³.

Причиной такого решения служило то, что в случае примыкания к станции Остров железнодорожная линия должна была пересекать Островские укрепленные позиции на левом берегу реки Великой либо огибать их по правому берегу. При втором варианте линия могла заходить на станцию Остров с севера против хода движения по линии, что

⁸ РГВИА. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 405. С. 23.

⁹ РГВИА. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 405. С. 27.

¹⁰ РГВИА. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 405. С. 31.

¹¹ РГВИА. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 405. С. 31.

¹² РГВИА. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 405. С. 36.

¹³ РГВИА. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 405. С. 37.

было неприемлемо, либо при входе на станцию с юга по уже имеющемуся железнодорожному мосту. Все равно требовалось построить еще один железнодорожный мост через реку Великую при переходе линии с правого на левый берег реки в тылу Островской позиции, что было слишком дорого и долго.

Кроме того, во всех указанных случаях линия к югу от Острова должна была идти по правому берегу реки Великой в ее долине, что также было неприемлемо в контексте предполагаемого развития тыловых позиций Северного фронта¹⁴.

После согласования со штабом Северного фронта проект линии был направлен на согласование с Главным начальником военных сообщений генералом С.А. Ронжиным. При этом встал вопрос о том, что в этом варианте (примыкание у станции Черская) потребуется построить на станции Черская крупный железнодорожный узел, что будет весьма затратным.

В результате было принято решение о том, что линия примкнет к станции Псков, которая в связи с этим не потребует каких-либо существенных улучшений. В итоге окончательно утвержденный вариант предполагал строительство железнодорожной линии Полоцк — Идрица — Псков протяженностью 276 верст, а не ранее намеченной линии Полоцк — Себеж — Опочка¹⁵.

Однако на этом работы по корректировке проекта не закончились.

3 февраля 1916 года Псковское губернское земское собрание в рамках закрытого заседания единогласно приняло решение ходатайствовать перед военным командованием о направлении планируемой к постройке железнодорожной линии через город Опочку в связи с тем, что в послевоенных условиях удаленное расположение Опочки от железнодорожной магистрали пагубно скажется на развитии города¹⁶. Соответствующая телеграмма была направлена в Могилев начальнику управления путей сообщений при Ставке Верховного главнокомандующего О.Г. Паукеру. Ходатайство было рассмотрено, инженеру Рыжкову было дано указание проработать вопрос об изменении маршрута линии в районе Опочки¹⁷.

¹⁴ РГВИА. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 405. С. 74.

¹⁵ РГВИА. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 405. С. 75.

¹⁶ РГВИА. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 405. С. 135.

¹⁷ РГВИА. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 405. С. 159.

14 февраля Рыжов доложил из Идицы Паукеру о том, что «железнодорожную линию Псков — Полоцк в средней части удалось приблизить к городу Опочка до шести верст, чем вполне удовлетворено желание горожан»¹⁸.

К 20 февраля 1916 года были проведены подготовительные работы по организации строительства. В частности, было организовано 5 строительных участков, пронумерованных с юга на север. Для непосредственного руководства работами был назначен помощник начальника полевого строительного управления инженер В.Е. Качурин, который осуществлял руководство работой начальников строительных участков¹⁹.

Кроме того, к 20 февраля 1916 года начались закупка и поставка материалов для нужд строительства в три главных склада, организованных в Полоцке, Идице и Витебске. Для закупки материалов было организовано районное агентство материальной части в Харькове. Район действия агентства распространялся на Донецкий и Криворожский бассейны и прилегающие к ним местности. Кроме того, для закупок материалов был командирован в Финляндию агент для поручений Г.К. Тимрот²⁰.

27 февраля 1916 года инженер Рыжов доложил в Ставку Верховного главнокомандующего об окончании полевых работ по производству изысканий на главной линии железной дороги Псков — Полоцк, но работы по проектированию самого профиля дороги продолжались в Петрограде²¹.

2 марта 1916 года инженер Чаев запросил выделение кредита в связи с началом фактической постройки линии в сумме 2 млн рублей к 15 марта и еще 3 млн рублей к 1 апреля²², при этом черновая смета всего строительства оценивалась приблизительно в 13,9 млн рублей²³.

Уже после фактического начала работ обсуждался вопрос, к какой станции в Пскове должна примыкать линия Псков — Полоцк. Были

¹⁸ РГВИА. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 405. С. 187.

¹⁹ РГВИА. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 405. С. 205.

²⁰ РГВИА. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 405. С. 204.

²¹ РГВИА. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 405. С. 229.

²² РГВИА. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 405. С. 247.

²³ РГВИА. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 405. С. 408.

возможны два варианта: первый — примыкание к станции Псков; второй — примыкание к станции Березки.

В случае примыкания к станции Псков представлялось возможным, минуя центральную часть станции Псков, направлять составы на линию Псков — Рига, тем самым используя эти железнодорожные линии как единую рокадную дорогу в тылу Северного фронта.

Во втором варианте, с примыканием к станции Березки, обеспечивался проход поездов из Петрограда на Полоцк, минуя станцию Псков; кроме того, с точки зрения послевоенного использования и с экономической точки зрения предпочтительным считался вариант организации сквозного движения по направлению Нарва — Псков — Полоцк, что опять было возможно только через станцию Березки²⁴.

В результате 25 марта непосредственно в Пскове было проведено совещание, где было принято решение, что линия будет примыкать к станции Березки²⁵.

Инженеру Рыжкову было дано указание о перетрассировке линии, и к 8 апреля Рыжков представил Чаеву рабочий продольный профиль подхода к станции Березки²⁶.

После начала работ количество рабочих, занятых на постройке дороги, постоянно росло, но рабочих рук всегда не хватало. Так, по состоянию на 15 мая 1916 года на работах были заняты 12 050 человек, из них 2 450 работали на постройке мостов, а 9 600 человек были заняты на земляных работах, включая 2 500 человек, работавших на подводах с одним рабочим²⁷.

В дальнейшем численность рабочих была увеличена, в том числе и за счет прибытия рабочих-инородцев и китайских рабочих, нанятых Полевым строительным управлением в Китае²⁸.

Эти усилия не прошли даром. К настоящему времени автору не удалось обнаружить документы, в которых говорилось бы о точной дате окончания укладки пути и открытия постоянного движения, однако 28 августа 1916 года от Идрицы до Опочки проследовал воинский эшелон с нижними чинами 43-й Калужской пешей дружины для охраны

²⁴ РГВИА. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 405. С. 240.

²⁵ РГВИА. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 405. С. 226.

²⁶ РГВИА. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 405. С. 289.

²⁷ РГВИА. Ф. 2004. Оп. 2. Д. 405. С. 423.

²⁸ РГВИА. Ф. 9151. Оп. 1. Д. 10. С. 6.

мостов на построенном участке дороги²⁹, а 21 ноября 1916 года эшелон с офицерами и нижними чинами 325-й Псковской пешей дружины для занятия караулов на сооружениях линии проследовал из Пскова до станции Тригорская и далее до Идицы³⁰.

²⁹ РГВИА. Ф. 9151. Оп. 1. Д. 10. С. 53.

³⁰ РГВИА. Ф. 9151. Оп. 1. Д. 10. С. 78.

Анатолий Филимонов

ПСКОВСКИЕ АРХИВИСТЫ — О ПУШКИНСКИХ МЕСТАХ, ПОЭТЕ И ЕГО ПРЕДКАХ (конец 1940-х — начало 1960-х годов)

С первых лет после окончания Великой Отечественной войны начался новый этап исследования темы «А.С. Пушкин и Псковский край», характеризующийся расширением вопросов для изучения, повышением научного уровня публикаций, появлением многочисленных путеводителей и брошюр, введением в научный оборот новых документальных материалов. Если в довоенные годы основными авторами работ являлись столичные ученые-пушкинисты и члены «Общества друзей Пушкинского Заповедника», то теперь в этом качестве все чаще выступали местные исследователи — сотрудники Пушкинского Заповедника и псковичи. Особую актуальность теме придавало начавшееся восстановление этой «жемчужины русской культуры», а затем и празднование 150-летия со дня рождения великого поэта.

Пушкинский Заповедник в 1945 году приобрел сразу двух увлеченных подвижников, ставших талантливыми популяризаторами творчества великого поэта и заповедных мест, связанных с его жизнью и деятельностью: директора Семена Степановича Гейченко и его заместителя по научной части Аркадия Моисеевича Гордина. Именно они создали в первые послевоенные годы ряд путеводителей и других печатных трудов, написали множество заметок для районной газеты «Пушкинский колхозник» и областной «Псковской правды», значение которых порой выходило за рамки сугубо краеведческой работы¹. Вышел ряд статей

¹ См.: Гейченко С.С., Гордин А.М. Михайловское в жизни и творчестве Пушкина. Псков, 1946; Гейченко С.С. Восстановление Пушкинского Заповедника (1944–1949) // На берегах Великой. 1949. № 2. С. 181–190; Он же. Новые экспонаты Дома-музея А.С. Пушкина // На берегах Великой. 1952. № 4. С. 143–144; Он же. Святогорский монастырь-музей и могила А.С. Пушкина. Псков, 1951; Он же. Пушкинский Заповедник. Псков, 1951; Гордин А.М. Псковский край в поэзии Пушкина // На берегах Великой. 1947. № 1. С. 142–150; Он же. «Вновь я посетил тот уголок земли...» (Пушкин в Михайловском в 1835 году) // На берегах Великой. 1949. № 2. С. 160–180; Он же. 150 лет со дня рождения А.С. Пушкина. Псков, 1949, и др.

и из-под пера ученых Псковского пединститута², а также псковских краеведов³.

Постепенно включились в популяризацию документальных материалов о поэте, его предках и местах, с ними связанных, сотрудники Государственного архива Псковской области (ГАПО), созданного в 1945 году. Занимаясь разбором и научно-технической обработкой резакуированных документов, они нередко обнаруживали в фондах такого рода материалы и ввели в практику ознакомление с ними жителей области посредством периодической печати. Широкое распространение она получила с конца 1940-х годов, когда обработка документов была в основном закончена, а в стране широко развернулась подготовка к 150-летию А.С. Пушкина.

Первой по времени (1949) стала заметка научного сотрудника Зинаиды Марковны Гальпер, которая обнаружила в архиве список лиц, в 1825 году состоявших в губернии под надзором полиции, и увидела в нем имя А.С. Пушкина. Об этом она поведала читателям «Псковской правды», приведя выдержку из выявленного документа:

«По высочайшему повелению за распространение в письмах своих предосудительных вредных мнений коллежский секретарь Александр Сергеевич Пушкин исключен из списков чиновников коллегии иностранных дел и выслан в 1824 году из Одессы по распоряжению Ново-российского генерал-губернатора для жительства в Псковскую губернию, в Опочецкий уезд, в имение родителей, под присмотр полиции. За время пребывания своего в имении занимался сочинительством, вел себя хорошо». 26 июня 1835 года А.С. Пушкину согласно «Высочайшего повеления, изъясненного в отношении начальника главного штаба

² См.: Дейч Г.М., Фридлендер Г.М. Пушкин и крестьянское движение 1826 года // Литературное наследство. 1952. № 58. С. 195–210; Они же. «Деревня» А.С. Пушкина и антикрепостническая мысль конца 1810-х годов // Литературное наследство. 1956. № 60; Назаренко Я.А. Великий русский поэт // На берегах Великой. 1949. № 2. С. 138–159; Он же. Великий патриот // Псковская правда. 6.06.1947.

³ См.: Ларионов И. Пушкинские места на Псковщине // Псковская правда. 22.05.1945; Он же. Пушкин в Михайловском // Псковская правда. 06.06.1945; Он же. Пушкин в творчестве русских художников // Псковская правда. 09.06.1946; Цвылев С. Пушкин и декабристы // Псковская правда. 28.12.1948.

его императорского величества» было разрешено приехать для лечения в город Псков⁴.

В дальнейшем З.М. Гальпер продолжила розыски документов о поэте, к этой работе подключились другие сотрудники архива, а также доцент пединститута Генрих Маркович Дейч. Им удалось обнаружить множество материалов, имевших отношение к великому поэту. В итоге Г.М. Дейч и З.М. Гальпер составили их обзор, опубликованный в 1952 году в литературном альманахе. Самым ранним по времени документом, относящимся к истории пушкинских мест, является межевая книга сельца Михайловского, составленная в 1786 году и содержавшая его подробное описание. Из материалов же, имевших непосредственное отношение к А.С. Пушкину, их внимание привлекли сведения о пребывании его под надзором полиции, об отъезде из Михайловского в 1826 году, о подписке на шеститомное издание сочинений поэта, праздновании 100-летия со дня его рождения, о внесении потомков Пушкина в дворянскую родословную книгу Псковской губернии, судьбе Михайловского в начале XX века и после революции. Указанные документы были обнаружены в фондах канцелярии псковского губернатора (фонд 20), губернского дворянского депутатского собрания (фонд 110), Святогорского монастыря (фонд 328) и Псковского губисполкома (фонд Р-590)⁵.

Особый интерес вызывали материалы, связанные с А.С. Пушкиным и его предками, у Николая Александровича Малеванова, который в течение трех лет (с сентября 1951 по август 1954 года) возглавлял архивный отдел УМВД по Псковской области.

28 октября 1953 года сотрудниками ГАПО и архивного отдела было проведено обсуждение вышедшей в 1952 году в издательстве Академии наук СССР солидной (объемом в 287 страниц) книги А.М. Гордина о Пушкинском Заповеднике. Она вполне заслуженно получила положительную оценку, но одновременно «были вскрыты на конкретных примерах порочность методики автора в работе с краеведческой литературой и ряд фактических неточностей». Отзыв на книгу было поручено подготовить с опорой на архивные документы начальнику отдела довоенных фондов З.М. Гальпер как наиболее знакомой с темой:

⁴ Гальпер З. Губернаторские сведения о Пушкине // Псковская правда. 20.02.1949.

⁵ Дейч Г., Гальпер З. Материалы об А.С. Пушкине, имеющиеся в Псковском областном архиве // На берегах Великой. 1952. № 4. С. 133–137.

помимо совместного с Г.М. Дейчем обзора, ею в 1953 году был подготовлен реферат «Из прошлого Пушкинского Заповедника». Было отмечено, что ошибок можно было избежать при обращении к указанному обзору материалов архива (Г.М. Дейча и З.М. Гальпер), чего А.М. Гордин не сделал. Отмечалась, в частности, неверность датировки пожалования А.П. Ганнибалу земель в Псковской губернии, небрежное употребление отдельных терминов (губа, волость и других), необъективность оценки ряда личностей (Вындовского, Ионы), слабая разработка вопроса о мероприятиях советской власти в отношении пушкинских мест и другие неточности⁶.

Поскольку книга А.М. Гордина получила похвальные отзывы на общесоюзном уровне (например, журнал «Звезда», № 1 за 1953 год) и вставал вопрос о ее переиздании, псковские архивисты решили предостеречь издательство от повторения выявленных ими «погрешностей», допущенных автором. На них указал в обстоятельной рецензии Н.А. Малеванов, упомянув, в частности, неточную датировку пожалования земель в псковской провинции прадеду А.С. Пушкина А.П. Ганнибалу (1746 год вместо действительной — 1742 год), не совсем верное определение границ его владений, неточное количество душ крестьян, излишнюю доверчивость автора к сведениям предшественников, не совсем точное употребление термина «губа» и другие. Вызвали его возражения и история Воронича и Святогорского монастыря в изложении Гордина, и вопрос об охране пушкинских мест в начале 1920-х годов, и другие нюансы. Не опровергая в целом положительную оценку труда А.М. Гордина, Н.А. Малеванов в заключение выражал надежду, что «при переиздании книга не будет страдать отмеченными недостатками»⁷.

Высказывая критические замечания к книге А.М. Гордина, Н.А. Малеванов опирался на сведения, выявленные в архивных документах. Так, указ от 14 января 1742 года о пожаловании земель в Михайловской губе Воронецкого уезда прадеду Пушкина А.П. Ганнибалу был обнаружен в фонде Псковской провинциальной канцелярии⁸. В фонде же межевой

⁶ Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-404. Оп. 1. Д. 128. Л. 98; д. 129. Л. 56–57.

⁷ Малеванов Н. Пушкинский Заповедник // На берегах Великой. 1954. № 5. С. 156–163.

⁸ Малеванов Н. Документальные богатства Псковского архива // Псковская правда. 11.08.1954.

конторы обнаружился другой интересный документ — план пустошей Пугино и Игнашево в Нижне-Егорьевской губе Опочецкого уезда, принадлежавших деду поэта О.А. Ганнибалу. Этому документу Н.А. Малеванов посвятил отдельную заметку в «Псковской правде», которая через день (16 апреля) была перепечатана районной «Печорской правдой». Автор отметил, что план в своей описательной части фиксирует: «Пустоши Пугино и Игнашево — владения артиллерии капитана Иосифа Абрамова сына Ганнибала — …обмежеваны прикосновенными к ней дачами… в 1782 августа 11 дня землемером инженер-прапорщиком Андреем Андреевым. А внутри того владения обмежеванного… состоят пашенной земли 31 десятина 288 кв. саж., под проселочной дорогой 1620 кв. саженей». Кроме этих данных о пустоشاах указаны также поверенные, присутствовавшие при межевании, и фамилии смежных владельцев.

Соседями О.А. Ганнибала по этим пустошам оказались граф К.Г. Разумовский, прапорщик Петр Федотович Вохин, Иван Семенович Третьяков и полковник Михаил Илларионович Кутузов, впоследствии знаменитый полководец. «Обнаруженный план, — заключает Н.А. Малеванов, — заставляет критически отнестись к раздельному акту Ганнибалов, тем более что и в межевой книге владельцем пустоши Пугиной указан не Исаак (двоюродный дед А.С. Пушкина), а Осип Абрамович Ганнибал. Пустошь Игнашево в раздельном акте вообще не фигурирует. Не исключена возможность, что пустоши были приобретены в результате хозяйственной деятельности прадеда поэта А.П. Ганнибала»⁹.

Вскоре Н.А. Малеванов опубликовал написанную по архивным материалам большую статью о выступлениях крестьян в 1783 году во владениях помещика А.М. Вындовского — отца П.А. Осиповой-Бульф, «подчеркивая взаимосвязь между творчеством поэта и исторической действительностью, и прежде всего при создании "Деревни"». Причиной выступления крестьян, как установил Малеванов, стали притеснения их со стороны управляющего имением К.Я. Мунтина в связи с организацией здесь мануфактуры, а затем он в подробностях описал ход волнения и его подавление с помощью войск¹⁰.

⁹ Малеванов Н. Интересный документ // Псковская правда. 14.04.1954.

¹⁰ Малеванов Н. Волнения крестьян Тригорской вотчины (Из прошлого пушкинских мест) // Псковская правда. 6.06.1954.

Внимание Н.А. Малеванова к истории пушкинских мест было замечено Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, который пригласил псковского исследователя для участия во Всесоюзной Пушкинской конференции в Ленинграде (5–7 июня 1954 года), а вскоре заказал ему большую статью о восстании тригорских крестьян для академического сборника «Пушкин. Исследования и материалы»¹¹. Но увидела она свет лишь через четыре года¹².

Обсуждение книги А.М. Гордина, повышение внимания к пушкинской теме с неизбежностью поставили вопрос о координации работы архивистов с Пушкинским Заповедником и другими учреждениями (А.М. Гордин, правда, в Заповеднике уже не работал). В план работы архивного отдела на четвертый квартал 1953 года был включен пункт об обмене мнениями с руководством Пушкинского Заповедника, Псковского музея и кафедры истории Псковского пединститута о возможности совместного издания сборника статей и материалов «Пушкин в Псковском kraе», а в одном из отчетов вскоре отмечалось, что этот вопрос согласован, но «окончательное разрешение его будет зависеть от состояния финансирования в будущем году»¹³.

Выпустить большой сборник из-за отсутствия средств не удалось, но Н.А. Малеванов все же смог в течение апреля — августа 1954 года подготовить брошюру с подборкой документов и вводной статьей «Из прошлого села Михайловского и его округи». Она была направлена для согласования в Псковский обком КПСС, достигнута договоренность с издательством газеты «Псковская правда» о ее публикации, для чего было перечислено 8 тысяч рублей, получено разрешение на издательство от облгорлага. «В указанной работе, — отмечал Малеванов, — содержатся новые документы, позволяющие пересмотреть заново всю историю пушкинских мест до XIX века», поэтому издание ее является важным делом, «особенно если принять во внимание, что с конца 40-х годов не появилось ни одной работы, связанной с местной тематикой».

Но вскоре Н.А. Малеванов был переведен на работу в Ленинград, а работы по изданию брошюры остановлены. Руководство МВД Псков-

¹¹ ГАПО. Ф. Р-404. Оп. 1. Д. 150. Л. 79, 85.

¹² Малеванов Н. Волнения крестьян в селе Тригорском в конце XVIII века и стихотворение Пушкина «Деревня» // Пушкин. Материалы и исследования. М. — Л., 1958. С. 369–381.

¹³ ГАПО. Ф. Р-404. Оп. 1. Д. 128. Л. 75, 88.

ской области заявило, что издание брошюры за счет сметных ассигнований им не разрешалось, ссылаясь на приказ Главного архивного управления от 15 февраля 1954 года, в соответствии с которым «написание брошюр, статей и монографий не входит в задачи научно-публикаторской работы архивных органов». «Приходится только сожалеть, — подчеркивал он, — что сделанное дело пошло в редакторскую корзинку. Прекращение работы по изданию… было вызвано не недобросовестностью подборки, а тем, что Управление расценило сделанную работу как личную (что можно было бы исправить, предложив издательству внести изменения в титульный лист, указав фамилию составителя где-либо на заднем плане или после текста вводной статьи), а также, вероятно, тем обстоятельством, что работа не была отражена в годовом плане… Работа была сделана научная и небезынтересная не только для специалистов, но и для всех тех, кто мало-мальски интересуется Пушкиным и прошлым пушкинских мест, и архивному отделу следовало бы довести дело до конца… чем значительно был бы поднят авторитет его на месте как научного учреждения». Но задуманное дело в конечном счете так и не состоялось, и Н.А. Малеванов, уже работавший в Ленинграде, обвинялся чуть ли не в попытке нецелевого использования бюджетных средств (ему пришлось давать развернутое письменное объяснение)¹⁴.

Продолжая службу в архивных учреждениях Ленинграда (в филиале Государственного военно-исторического архива, Государственном историческом архиве Ленинградской области), Н.А. Малеванов продолжал интересоваться пушкинской темой, а о вновь обнаруженных (теперь уже в ленинградских архивах) документах информировал псковичей. Так, в материалах межевого департамента царского Сената, хранящихся в Центральном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИАЛ), удалось обнаружить два дела, характеризующих изменения в земельных владениях в Псковской губернии за период с 1798 по 1845 год. Присланные губернским землемером ведомости содержали интересные сведения о «земельном оскудении» ряда дворянских фамилий в процессе разложения феодально-крепостнической системы. Показательной в этом плане была судьба одного из предков А.С. Пушкина — Исаака Абрамовича Ганнибала: полученная им при разделе с братьями часть земли начиная постепенно переходить в руки других владельцев. Так,

¹⁴ ГАПО. Ф. Р-404. Оп. 1. Д. 150. Л. 98; д. 152. Л. 31, 53–55, 63.

в сентябрьской ведомости за 1798 год по Опочецкому уезду указывалось о продаже генерал-майору Гартонгу деревни Селивановой, а в ведомости за 1801 год — о продаже Бурмистеровой по просроченной закладке деревень Денисовой, Большие и Малые Дупли¹⁵.

В следующий раз Н.А. Малеванов сообщил об обнаружении в том же архиве материалов, проливающих свет на жизнь и быт крестьян псковских дворцовых волостей в конце 1720-х — начале 1730-х годов. В них содержались, например, сведения о неповиновении хозяевам крестьян Ягодкина, Гречишникова и других, т. е. тех самых, которые через полвека принимали участие в тригорских волнениях 1783 года (об этом Н.А. Малеванов писал еще в 1954 году)¹⁶.

Среди материалов фонда Петербургской дворянской опеки, находящихся в Государственном историческом архиве Ленинградской области (ГИАЛО), обнаружилась интересная переписка «Об опекунстве над имением и детьми камер-юнкера Александра Сергеевича Пушкина», свидетельствующая о состоянии Михайловского в конце 1830-х — начале 1840-х годов.

Как известно, А.С. Пушкин после смерти матери в 1836 году намерен был выкупить Михайловское от сонаследников — брата, сестры и отца. По свидетельству мужа сестры — поэта Н.И. Павлищева, «дело было бы кончено, если б у Александра Сергеевича случились на то время деньги». Вскоре после трагической смерти поэта вопрос о выкупе Михайловского снова поставила перед опекунским советом вдова А.С. Пушкина — Н.Н. Пушкина. Начался выкуп в 1838-м, а был завершен в 1841 году — «в пользу детей покойного Пушкина» село перешло «с согласия дворянской опеки в полное распоряжение матери».

Переписка об опекунстве возникла по отношению Опочецкого уездного предводителя дворянства от 23 мая 1845 года, сообщавшего о крайней нужде местных крестьян вследствие неурожая 1844 года. В связи с этим Петербургская дворянская опека составила подробную записку об опекунстве над имением. Через опекунство были запрошены сведения о состоянии имения у Н.Н. Пушкиной. Она выслала в ответ «Счет денежным суммам, полученным с села Михайловского с мая 1841 по

¹⁵ Малеванов Н. Документы по истории псковской деревни // Псковская правда. 23.07.1955.

¹⁶ Малеванов Н. Документы о старой псковской деревне // Псковская правда. 6.06.1956.

январь 1843 года». Этот документ ранее оставался неизвестным исследователям, и из него видно, что вся полученная сумма в 714 рублей была почти целиком употреблена «на платеж учителям за уроки». В «переписке» имелись и другие документы, касавшиеся Михайловского, например, копия письма Н.Н. Пушкиной на имя одного из опекунов — Г.А. Строганова, в котором сообщалось о посылке 3 июня 1845 года михайловским крестьянам 1 000 рублей ассигнований для продуктов и приобретения яровых семян. Из других документов обращало на себя внимание адресованное в Петербургскую дворянскую опеку донесение второго мужа Н.Н. Пушкиной генерал-майора Ланского с просьбой о назначении его опекуном детей Пушкина вместо Г.А. Строганова¹⁷.

В ГИАЛО хранились также документальные фонды судебных и административных учреждений Петербургской губернии конца XVIII века, и в них оказались новые материалы о деде А.С. Пушкина по линии матери — О.А. Ганнибale и его братьях. Среди них большой интерес представляла прежде всего переписка Петербургской палаты гражданского суда по опеке над имением матери поэта Надежды Осиповны, урожденной Ганнибал. Из нее следовало, что Ганнибал выделил на содержание дочери четверть имения. Спустя некоторое время из-за интриги второй жены О.А. Ганнибала, новоржевской помещицы У. Толстой, возникло дело о возвращении залоговой части из выделенной доли. Крестьяне деревни Кобриной встали на защиту интересов матери поэта и оказали сопротивление У. Толстой, когда та пыталась вывезти хранившийся в амбараах хлеб и другое имущество. Переписка сохранила несколько собственноручных подписей деда А.С. Пушкина, а также И.А. Ганнибала, как и ценные сведения об истории Михайловского и округи — описи имения, составленные заседателем Опочецкого земского нижнего суда Наперстковым 12 августа 1788 года и 4 января 1789 года. Первая из них — список дворовых и крестьян, проживавших в Михайловском, вторая — описание хозяйственного положения Михайловского. Таким образом, указанные материалы позволяли уточнить историю деревень пушкинских мест и дополнить новыми сведениями биографии предков поэта¹⁸.

¹⁷ Малеванов Н. Новые материалы из прошлого села Михайловского // Псковская правда. 21.10.1955.

¹⁸ Малеванов Н. Новое о предках А.С. Пушкина // Псковская правда. 17.09.1960.

Так интерес к пушкинским местам и предкам поэта, зародившийся в Пскове, превратился для Н.А. Малеванова в одно из направлений его деятельности на годы. Уже в 1970-х годах в ленинградском литературном журнале появилась его большая статья о прадеде А.С. Пушкина — А.П. Ганнибale. «Разыскания последних лет убеждают, — писал Н.А. Малеванов, — что источники о жизни и деятельности прадеда А.С. Пушкина не только еще полностью не изучены, но и не выявлены». В основу статьи был положен выявленный в делах Сената (в Центральном государственном историческом архиве (ЦГИА) СССР) новый документ — копия доклада генерал-фельдмаршала Б.Х. Миниха императрице Анне Иоанновне от 30 апреля 1773 года, поменявшая многие традиционные знания о жизни и деятельности А.П. Ганнибала — о прибытии его в Россию, участии в Полтавской битве, сражениях при Доброй и Лесной и других. «Нетронутых документов, проясняющих незаурядные деяния заслуженного генерала, еще немало лежит в архивах Ленинграда, Москвы, Таллина и Тарту», — выражал в заключение уверенность Н.А. Малеванов, как бы призываая продолжать поиски, могущие привести к новым интересным открытиям¹⁹.

Пока же сделанное им в 1950-х годах существенно обогатило «псковскую пушкиниану», а выявленные документы становились отправной точкой для исследования темы другими авторами.

¹⁹ Малеванов Н. Прадед поэта // Звезда. 1974. № 6. С. 156–166.

«МИНУВШЕЕ ПРОХОДИТ ПРЕДО МНОЮ...»

Именно так определил тему для беседы во время нашей с ним встречи Павел Александрович Осипов, держа в руках книгу М.Е. Васильева «Минувшее проходит предо мною...» с дарственной надписью автора.

По сложившейся традиции сотрудники Заповедника обращаются к воспоминаниям старейших жителей поселка Пушкинские Горы, чтобы сохранить историческую память и ощутить живое общение с людьми, профессиональная деятельность которых была направлена на благо поселка.

Зимой прошлого года мне посчастливилось беседовать с очень интересным человеком, которого знают, пожалуй, все пушкиногорцы, особенно старшего поколения.

Павел Александрович Осипов приехал в Пушкинские Горы по распределению после Опочецкого педагогического училища. Был назначен учителем районного отдела народного образования. После расформирования Пушкиногорского района работал в Печанской школе, при этом заочно учился на историческом факультете педагогического института. Приезды в Пушкинские Горы способствовали знакомству с Людмилой Ивановной. В счастливом браке родился сын Владимир. Перенеся болезнь и операцию, Павел Александрович попросил устроить его воспитателем деревенских детей в среднюю школу. После восстановления Пушкиногорского района в 1968 году Осипову предложили работу в библиотеке райкома партии. Именно тогда и произошло его знакомство с С.С. Гейченко.

В парткомитете всегда проходили различные встречи: партхозактив, совещания с секретарями парторганизаций. Как правило, число присутствующих превышало 50 человек. С.С. Гейченко часто посещал конференции.

С 1968 года в штате редакции газеты «Пушкинский край» появилась должность организатора-корреспондента районного радиовещания. Ее занимал Федор Васильевич Дронов. Павла Александровича пригласили вести передачи районного вещания. Кабинет просвещения находился в библиотеке, там, где сейчас читальный зал. Венгерский переносной магнитофон «Репортер» чисто писал.

В преддверии Пушкинского праздника Павел Александрович поехал в Михайловское, чтобы взять интервью у С.С. Гейченко. В кабинете, уставленном стеллажами с книгами, Семен Степанович рассказал о ходе подготовки к празднику и о приглашенных гостях. Для Павла Александровича это был опыт радиоорганизатора.

Почти 10 лет, до марта 1978 года, работу в библиотеке Павел Александрович совмещал с работой на радио.

В районном узле связи выдавалась зарплата, там же принималась пленка (в ту пору радио было проводное, по динамикам).

За Павлом Александровичем было закреплено два раздела: промышленность и спортивная жизнь.

После ухода Ф.В. Дронова в райком Павел Александрович был назначен заместителем редактора, а на его место — Галина Павловна Петрова. В 1991 году главный редактор Александр Матвеевич Савыгин ушел на пенсию, а Павел Александрович на полгода, до 30 августа, стал исполняющим обязанности главного редактора. Актив районного совета народных депутатов и райкома партии совещался, выбирая между двумя кандидатурами: Галина Павловна или Павел Александрович. В тот момент поднялся Семен Степанович Гейченко и сказал: «Давайте

Коллектив типографии и редакция газеты «Пушкинский край». 1982 год.

Крайний слева в верхнем ряду — П.А. Осипов.

Третий справа в нижнем ряду — А.М. Савыгин.

Из коллекции П.А. Осипова

утверждать Осипова!» Все проголосовали за. Так Павел Александрович с августа 1991 и до 1996 года стал редактором газеты «Пушкинский край».

Период редакторства Павла Александровича приходится на начало 1990-х годов прошлого века. Время сложное и противоречивое, с проблемами — социальными и политическими, с трудностями финансирования.

Место его работы размещалось в средней школе. У редактора — почти целый класс с отделением для секретаря, корреспонденты сидели отдельно. Время было очень трудным. Проблемы в типографии были связаны с устаревшей техникой, с отсутствием финансирования, с перебоями в электроснабжении. До перехода на электронный вариант сохранялась технология печати XIX–XX веков: линотипы, горячий набор (матрица). Ответственный секретарь задавал шрифт и размер. Действовал так называемый электрический котелок: в него опускался металл, плавился и выливался в гранки, затем отливалась целая строка. Редактор, корректор и верстальщики набирали ночами. Денег не было, при обрывах электричества ехали либо в Опочку, либо в Новоржев. Сейчас верстка производится на компьютере, что позволяет ограничиться сравнительно небольшим штатом.

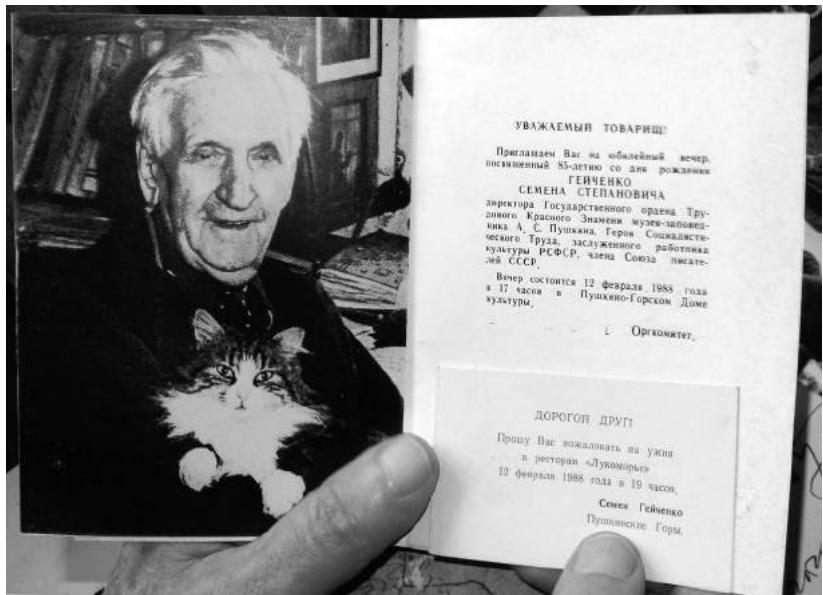
В журналистской работе есть свои тонкости; не всегда авторы подписывались своими именами — использовали инициалы, отчество трансформировалось в фамилию.

У Павла Александровича были разделы «Культура» и «Промышленность» (ПМК, ремонтстрой, льнозавод, пищекомбинат), кроме того — «Война» и письма читателей.

Заместитель редактора вел партийный отдел (партийное бюро, заседания райкома партии, конференции, семинары). Исполкомовские — в отделе писем.

В бюро райкома Семена Степановича Гейченко не было, но все конференции он посещал, будучи депутатом районного совета.

Семен Степанович ценил печатное слово, новизну, был самым близким внештатным корреспондентом. Бывая в Пушкинских Горах, он всегда заходил в редакцию; с шутками, с гостинцами заглядывал по-свойски к редактору и непременно в печатный цех, где получал свежую газету, раздавал конфеты. Редакция печатала его маленькие брошюры. Семен Степанович брал экземпляры из числа бракованных для друзей.

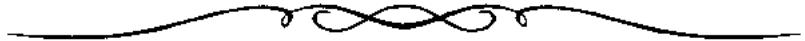
*Приглашение на юбилейный вечер, посвященный 85-летию С.С. Гейченко.
Из коллекции П.А. Осипова*

В 1991 году Вадим Валентинович Знаменов и Ирина Дмитриевна Новикова приехали вручать С.С. Гейченко диплом о присвоении звания «Почетный гражданин Петергофа». Семен Степанович в то время был уже тяжело болен. Гости пришли в редакцию.

Одним из самых ярких событий в бытность Павла Александровича на посту редактора стала встреча с главой Русской православной церкви патриархом Московским и всея Руси Алексием II. В газете «Пушкинский край» от 2 июня 1992 года опубликована статья «Пребывание патриарха Алексия II в Пушкинских Горах».

«В пятницу, 29 мая, пушкиногорцы торжественно встречали главу Русской православной церкви патриарха Московского и всея Руси Алексия II, прибывшего на Псковщину в связи с празднованием 750-летия Ледового побоища и посетившего Пушкинские Горы и пушкинское Михайловское.

К 10 часам утра широкая улица перед входом в Святогорский монастырь заполнилась людьми, ожидающими высокого гостя.

Во главе с патриархом встречавшие направились в Успенский собор, где состоялся благодарственный молебен. Святейший (...) на землю Псковскую привез священный огонь, который был зажжен от благодатного огня у гроба Господня.

Благословляя вновь возрождающийся Святогорский монастырь, патриарх передал в дар древнюю икону святителя чудотворца Николая.

На могиле поэта патриарх Алексий II совершил молитву об упокоении Александра Сергеевича Пушкина. Говоря о поэте, Святейший сказал: «Несмотря на сомнения, которые проявились и в его творчестве, очень большое место у Пушкина занимали вопросы веры, вопросы религиозные. Он завещал себя похоронить в Святогорском монастыре, где бы его праху сопутствовала молитва. На десятилетия эта традиция была прервана, монашеская жизнь прекратилась…»

С возвращением монастыря церкви, возвращается молитва об Александре Сергеевиче Пушкине на его могиле. Я верю, это место будет иметь великое значение для укрепления духовных и нравственных начал нашего народа».

Павел Александрович неоднократно освещал Пушкинские праздники поэзии.

В статье от 9 июня 1992 года «Мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы!» он пишет:

«Несмотря на трудности экономические, несмотря на нестабильность политическую, замечательная традиция отмечать в начале лета день рождения Александра Сергеевича Пушкина не прерывается. Да, праздник стал менее официальным, но он объединил тысячи, десятки тысяч людей в их стремлении ощутить светлое влияние поэзии Пушкина, обогатить свою душу прикосновением к прекрасному, вечному…»

Гостей — почитателей поэзии Александра Сергеевича Пушкина встречает Михайловская поляна. Их влечет сюда любовь к великому поэту, к неповторимым по красоте местам. Наверняка большинство нынешних гостей здесь уже не первый раз. Поляна эта хранит много интересных и удивительных воспоминаний, а пришедшие и приехавшие сюда сравнивают, как все было раньше и как стало теперь. По-прежнему выстроились в ряд торговые ларьки, хотя и нет тех длинных очередей — продукты и товары, книги сильно подорожали. Не видно, как прежде, разноцветных флагов — символов союзных республик — вокруг гостевой трибуны. Да, это приметы времени, которые нас уже не удивляют…

*Письма А.М. Гордина П.А. Осипову.
Из коллекции П.А. Осипова*

Как всегда, праздничное действие закончилось большим концертом, и долго еще в аллеях и в самых укромных уголках Михайловского можно было встретить гостей праздника. Они наслаждались сказочной красотой, дышали чистым воздухом, стремились надолго оставить в памяти места, что питали гения.

Неоднократно Павел Александрович обращался к теме воспитания и гражданской ответственности. В статье «Давайте уважать себя» от 26 ноября 1993 года он пишет:

«Газета не первый раз обращается к теме «Культура и мы», ведет разговор о мере воспитанности наших современников, проявляющейся в самых разных обстоятельствах.

Продолжить этот разговор меня заставил вот какой факт. Недавно повел гостю из так называемого ближнего зарубежья посмотреть Научно-культурный центр, решил провести по дорожкам, показать здание во всей его красе. Дескать, и мы не лыком шиты. Вон какой дворец украшает бывший пустырь на окраине поселка! Но от этой прогулки осталось чувство досады и стыда...

Почти половина фонарных шаров разбита. У части деревьев обломаны макушки...

Злоумышленники... покушались на буквы, сделанные под бронзу, на фасаде НКЦ...

Хочется спросить: так кто же мы такие? Почему наш родной дом, а поселок — общий дом, не можем содержать в порядке? Ломаем, корежим, мусорим. Зарастают бурьяном придомовые территории, и некому в руки взять кусы...

Сегодня многие вздыхают по заграничному житью-бытью. Действительно, есть там чему позавидовать. Но в Париже фонарей не бьют, утверждала одна уважаемая газета. Мы не Париж, но рядом, в соседней Прибалтике, тоже порядка несравненно больше. И чтобы нас уважали, давайте уважать себя».

18 июня 1993 года Павел Александрович в своей статье пишет:

«13 июня состоялась первая конференция краеведов, тема которой была определена так: «Слобода Тоболенец — Святые Горы — Пушкинские Горы».

Первая краеведческая конференция не была широкой по своему составу. Пришли на нее кроме сотрудников Заповедника несколько старожилов Пушкинских Гор, были двое преподавателей средней школы имени А.С. Пушкина и почти никого из юного поколения. А жаль. Сегодня, как никогда, встала проблема возрождения утраченного, в том числе и в духовной сфере. И, как сказал ведущий конференции М.Е. Васильев, «хранить память — наш долг перед Отечеством, перед потомками».

Высказано пожелание, чтобы первая конференция не стала последней».

С того памятного дня прошло 26 лет, и вот сегодня мы присутствуем на X круглом столе «Краеведение, история и археология», посвященном памяти М.Е. Васильева. Отрадно сознавать, что в Пушкинском

Заповеднике чтут традиции, заложенные десятилетия назад уважаемыми сотрудниками, посвятившими свою судьбу музею.

Павел Александрович по сей день принимает активное участие в жизни поселка, посещает выставки, торжественные мероприятия, концерты и встречи. Щедро делится своим опытом и знаниями с молодым поколением. Являясь активным блогером, выражает свою позицию на интернет-ресурсах и, хочется верить, будет и впредь публиковать свои актуальные статьи, вызывающие отклик у пушкиногорцев.

Игорь Лагунин

**ПРОГРАММА КОМПЛЕКСНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ,
РЕСТАВРАЦИИ, БЛАГОУСТРОЙСТВА
И МУЗЕЕФИКАЦИИ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ И ПАМЯТНЫХ МЕСТ
ПСКОВСКОГО КРАЯ**

*К 30-летию создания Генеральной дирекции
«Псковреконструкция»*

Участие Генеральной дирекции «Псковреконструкция» в подготовке пушкинских мест Псковского края к 200-летию со дня рождения поэта было предопределено задачами, возложенными на эту организацию постановлением Совета министров СССР № 816 от 4 июля 1988 года «О комплексной реконструкции и реставрации памятников истории и культуры в Новгороде и Пскове».

Исполнилось 30 лет со дня выхода постановления и создания Генеральной дирекции «Псковреконструкция» — организации-заказчика для реализации рабочей программы выполнения этого беспрецедентного для Псковской области постановления. Масштаб сравним только с послевоенным восстановлением Пскова.

Сама программа работ по реставрации объектов культурного наследия, регенерации достопримечательных мест Псковского края, развитию туризма и строительству инфраструктуры также разрабатывалась нами. Все замыслы, включая развитие туризма как механизма использования историко-культурного потенциала области, было задумано реализовать в рамках единого пакета мероприятий.

Перестройка, которая декларировалась как новый этап развития общества, зачеркнула многие планы и фактически разрушила производственную базу государства. Уже в 1993 году, вскоре после начала реализации мероприятий рабочей программы, началось свертывание финансирования, к 1997 году оно полностью прекратилось. Однако даже в такие короткие сроки Генеральная дирекция «Псковреконструкция» сумела собрать большой коллектив ученых, реставраторов, строителей, специалистов разных направлений, разработать концептуальную базу реставрации и регенерации памятников и исторических мест, разработать последнюю комплексную программу развития туризма в области

и развернуть работы на целом ряде объектов. Несмотря ни на что и в отличие от аналогичных организаций в других регионах, дирекция «Псковреконструкция» с ее выдающимся руководителем — заслуженным строителем РФ, почетным гражданином Пскова А.Т. Васильевым 17 лет продолжала работы, сознавая всю ответственность перед государством и псковским наследием, в том числе перед наследием А.С. Пушкина, М.П. Мусоргского и Н.А. Римского-Корсакова, С.В. Ковалевской и других наших великих земляков. Знаменитым музеям-заповедникам Псковского края уделялось особое внимание. Развитие отечественного и международного туризма рассматривалось в постановлении как стимул и средство для саморазвития исторических мест; пушкинским местам Псковской области отводилась роль одного из центров культурного туризма в регионе.

Документом было принято «решение о проведении в 1988–2005 годах работ по реставрации памятников истории и культуры, комплексной реконструкции исторических зон и сохранению выдающихся культурных ценностей в Новгородской и Псковской областях, а также по созданию на их основе крупных центров отечественного и международного туризма». Был установлен порядок организации и финансирования работ, определен общий план мероприятий по развитию отечественного и международного туризма на территории Новгородской и Псковской областей, который и был преобразован в рабочую программу. Текст постановления был опубликован в Собрании постановлений Правительства СССР (ст. 67, № 23, 1988) и подтвержден соответствующими решениями Правительства Российской Федерации, Новгородской и Псковской областей. В Постановлении Совета министров СССР от 4 июля 1988 года № 816 «О комплексной реконструкции и реставрации памятников истории и культуры в Новгороде и Пскове» говорилось буквально следующее:

«Совет министров СССР отмечает, что в условиях социального и духовного обновления общества проявляется живой интерес широких слоев населения к историческому наследию страны. В связи с этим важное социально-политическое и воспитательное значение приобретают сохранение и восстановление для настоящего и будущих поколений советских людей памятников истории и культуры прошлого. Особую ценность, общенациональное достояние представляют собой древнерусские города Новгород и Псков с их многовековой самобытной историей. Они являются колыбелью и гордостью отечественной культуры

и государственности, располагают огромным историко-культурным потенциалом. Здесь сосредоточены многочисленные памятники материального и духовного творчества народа. По количеству выдающихся памятников мирового значения эти города занимают одно из первых мест в Европе».

Эти слова, которые сегодня кажутся несколько политизированными, отнюдь не утратили ни содержания, ни актуальности. Псковскому краю и его достопримечательностям уделяется ныне достойное внимание, но комплексного подхода существенно не хватает. Постановления Правительства СССР, Российской Федерации, администрации Псковской области были направлены на развитие индустрии туризма как ведущей отрасли экономики Псковской области. Это особенно актуально в условиях резкого сокращения предприятий промышленности и сельского хозяйства. Одной из главных целей было определено всемерное сохранение, реставрация и использование историко-культурного и архитектурного потенциала, которым обладает один из древнейших русских городов и Псковский край в целом. Программа предложила создание механизма самофинансирования, необходимого для спасения, консервации, реставрации, а также современного использования историко-архитектурных объектов в контексте развитого современного отечественного и международного туризма. Об этом много говорилось и говорится, но реально это было предложено в рамках названного выше постановления впервые. Псковская область с ее рекреационным природным и историко-культурным потенциалом, выгодным географическим положением обладает всеми необходимыми для этого предпосылками.

Чтобы лучше представить цели и задачи программы, позволю себе процитировать выдержки из постановления, в том числе и те, где упомянут пушкинский край:

«Придавая большое социально-политическое и народнохозяйственное значение сохранению памятников истории и культуры Новгорода и Пскова, других населенных мест Северо-Западного района РСФСР, Совет министров СССР постановляет:

1. Признать необходимым осуществить в 1988–2005 годах развернутую программу работ по реставрации памятников истории и культуры, комплексной реконструкции исторических зон и сохранению выдающихся культурных ценностей в Новгородской и Псковской областях, а также по созданию на их основе крупных центров отечественного и международного туризма.

Поднять на принципиально новый уровень все работы по реставрации и реконструкции памятников истории и культуры, строительству и ремонту объектов социальной сферы, расположенных в исторической зоне. Выполнять эти работы комплексно и на высокой архитектурно-художественной и научно-технической основе. Обеспечить творческую преемственность архитектуры новых районов и древней застройки, сохранение исторического облика городов, других населенных мест и природы. Обсуждение проектов реконструкции памятников истории и культуры, важнейших градоформирующих объектов новой застройки проводить при широком участии населения и общественных организаций.

На втором этапе — в тринадцатой пятилетке обеспечить значительное расширение работ по реставрации памятников истории и культуры, реконструкции исторической застройки, развитию городского хозяйства в узловых точках туристских маршрутов — Старой Руссе, Торжке, Валдае, Чудове, Порхове, Печорах, Изборске, Пушкинских Горах, Гдове, Ивангороде и других населенных местах этого региона.

На третьем этапе — в 1996–2005 годах закончить в основном реконструкцию¹ древних городов и других населенных мест Новгородской и Псковской областей, а также завершить создание единой туристской маршрутной системы, включающей кольцо Новгород — Псков — Ленинград, связанной с историческими центрами Золотого кольца России, городами и поселениями Русского Севера, Прионежья и Советской Прибалтики».

Таким образом были заложены реальные основы для большого комплекса работ по сохранению и использованию псковского наследия. Пунктом 3 было предписано «воздложить на Новгородский и Псковский облисполкомы обязанности единых заказчиков по проектированию, реставрации памятников истории и культуры, комплексной реконструкции исторических зон городов и других населенных мест, а также по строительству туристских объектов. В этих целях Новгородскому и Псковскому облисполкомам создать в 1988 году генеральные дирекции по реставрации памятников истории и культуры, комплексной

¹ Термин «реконструкция» неточен и ныне употребляется в другом значении. Его следует читать как «регенерация» (что и выполнялось на самом деле на базе большого объема исследований).

реконструкции исторических зон, строительству и эксплуатации туристских объектов».

Далее пунктом 4 Госстрою СССР, Госкомархитектуры по заказу Новгородского и Псковского облисполкомов было предписано разработать в 1989–1990 годах с участием Минкультуры СССР, Советского фонда культуры, Союза архитекторов СССР и Всероссийского общества по охране памятников истории и культуры перспективную комплексную программу реставрации и использования памятников культуры и истории, реконструкции исторических зон городов, других населенных мест Новгородской и Псковской областей, а Совету министров РСФСР — утвердить эту программу. Обязанности по исполнению предлагалось возложить на Министерство строительства в северных и западных районах СССР с функциями генерального подрядчика по реставрации, реконструкции, ремонту и строительству объектов в городах Новгороде и Пскове с привлечением в качестве субподрядчиков организаций Министерства культуры СССР и Министерства культуры РСФСР, других министерств и ведомств. В связи с этим указанному министерству предписывалось создать строительно-реставрационные объединения «Новгородреконструкция» и «Псковреконструкция».

Как актуальны все перечисленные планы! Сегодня для ревнителей отечественной культуры и старины они звучат как светлая сказка.

Инициатива коллектива Пушкинского Заповедника 1995 года о реставрации пушкинских мест в преддверии 200-летия со дня рождения поэта закономерно вписывалась в намеченные планы. Она не только прямо соответствовала задачам постановления, но даже по срокам отвечала планам его реализации (которые без соответствующего финансирования постепенно приходилось сворачивать). Празднование пушкинского юбилея готовилось как крупное мероприятие в масштабах страны. Гендирекция не только откликнулась на призыв музейщиков, но и предложила оформить музейные планы в специальную программу, чтобы она смогла войти как составная часть в планы страны и быть утвержденной указом президента РФ в составе общего плана мероприятий.

Так и получилось. Дирекция обратилась к руководству музея-заповедника с просьбой изложить максимально полно все свои проблемы и планы. Совместными усилиями, с учетом музейных планов и планов развития инфраструктуры туризма в Заповеднике, накопившихся реставрационных проблем и практических забот в сложном хозяйственном комплексе Заповедника, а также следуя общему директивному

Дом в Петровском после реставрации

направлению комплексного ведения работ, был подготовлен программный план мероприятий. Коллектив и руководство дирекции постарались использовать весь накопленный к тому времени потенциал, научно-концептуальные наработки, приобретенный опыт реставрации и регенерации, чтобы план обновления, если не сказать возрождения, Пушкинского Заповедника максимально отвечал мечтам и чаяниям музеиного коллектива и задачам дальнейшего возрождения заповедного края. Задача облегчалась тем, что мемориально-литературный музей уже состоялся и концептуально требовал лишь реновации на новом этапе развития. План был своевременно направлен в Москву и в полном объеме утвержден указом президента Российской Федерации в составе программы подготовки к всероссийским торжествам, которые были назначены на 1999 год — год 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина. Таким образом, все наработки музеиного коллектива, плановые и финансовые расчеты, подготовленные дирекцией, были утверждены на государственном уровне. Программа оказалась столь масштабной, что далеко вышла за рамки юбилейной даты.

Началась увлекательная, сложная, многообразная работа по реализации грандиозных планов: подобное Пушкинский музей-заповедник испытывал впервые с послевоенного периода восстановления, кото-

Пушкинский ландшафт

рое проводилось под руководством Академии наук СССР с участием С.С. Гейченко. Концепция развития литературно-мемориального музея путем возрождения мемориальных ландшафтов, восстановления мемориальных усадеб, строительства экспозиций не только в закрытых помещениях, но и в самом поэтическом пространстве мемориальных мест оказалась единственно верной и жизнеспособной. Оставалось только следовать ей. Но новый этап развития науки, музеиного дела, реставрационных подходов требовал новых подходов и ответственных решений. Необходимо было провести огромный комплекс изыскательских, научно-исследовательских работ, разработать научно-проектные материалы и только потом приступать к реализации масштабных планов на заданном правительственныйной программой уровне. Ответственность высочайшая, а время ограничено.

Для этих целей был привлечен разносторонний коллектив исполнителей, включая ведущих специалистов страны, таких как назначенная научным руководителем проекта парковед В.А. Агалыцова

(«Центрлеспроект»). Особый акцент делался на максимальное привлечение местных научно-производственных сил — псковских строительных и изыскательских организаций, псковских реставраторов. Две пушкиногорские строительные организации получили государственную лицензию и титул реставраторов федерального уровня. С учетом последовательности восстановления пушкинских усадеб и их состояния была определена последовательность восстановления и вторичной реставрации мемориальных комплексов, разработан план конкретных действий.

Но рассказ о самой работе не является целью этой статьи. Ее цель — напомнить о том, как все это началось и какие предпосылки способствовали успешной реализации программы вторичной реставрации пушкинских мест в 1995–2005 годах. Работа, приуроченная к 200-летию А.С. Пушкина, растянулась на десять замечательных для реставраторов лет. Профессионалы хорошо знают, что какие бы оптимистичные краткосрочные цели ни ставились заказчиками, настоящая реставрация требует времени и глубокого осмыслиения. Объекты переживают, как правило, не один этап реставрации, и этот опыт используется новыми поколениями

Тригорское. Солнечные часы

Бугрово. Этнографическая деревня

ми. Только так. Спустя 30 лет с момента выхода постановления № 816, на наш взгляд, нелишне вспомнить, оценить и проанализировать обозначенные в программных документах цели сохранения наследия нашего края, которые позволили организовать столь масштабные работы и провести их на достойном уровне. Заявленные цели не утратили своей актуальности, и хочется думать, что именно такого подхода достойно наше псковское наследие. Успешная реализация программы по реставрации Пушкинского Заповедника — показательный пример.

Сегодня можно вспомнить о том, что форс-мажорные обстоятельства позволили лишь частично провести работу в масштабах всей области. Пушкинский Заповедник и ряд завершенных объектов реставрации и регенерации выглядят, скорее, исключениями. Работы в исторической части города Пскова были только начаты. Тем, что сегодня новостройки в историческом центре древнего Пскова и даже объекты туристического кластера у специалистов вызывают серьезную озабоченность, мы обязаны в том числе забвению тех проектов и концептуальных документов, которые были разработаны под руководством Генеральной ди-

рекции «Псковреконструкция» в 1990-е годы. Продвижение псковских объектов в Список Всемирного наследия и признание шедевров псковского зодчества мировым наследием накладывают на нас особую ответственность.

Пример пушкинских достопримечательных мест остается высоким образцом профессионального отношения к возрождению памятных мест и аутентичного подхода к проблеме развития современного туризма.

Напомним другие положения правительственного постановления, в русле которого работала Гендирекция. Вот выдержки из его заключительной части, которые характеризуют цели и масштаб поставленных задач:

«В целях создания благоприятных условий для приобщения советских людей к историческим богатствам Новгородской и Псковской областей признать необходимым осуществить комплекс мер по превращению этого района страны в крупный центр отечественного и международного туризма с развитой социально-бытовой инфраструктурой. При этом исходить из того, что средства от массового туризма должны стать существенным источником развития социальной сферы областей. Министерству строительства в северных и западных районах СССР, Новгородскому и Псковскому облисполкомам обеспечить в 1988–1995 годах строительство туристских комплексов, предприятий дорожного сервиса, жилых домов и других объектов социальной сферы согласно приложениям № 6 и 7.

Новгородскому и Псковскому облисполкомам обеспечить в 1988 году отвод земельных участков под строительство главных туристских комплексов в городах Новгороде и Пскове с проведением предварительноного общественного обсуждения вариантов их размещения. Утвердить в 1989 году технико-экономическое обоснование на строительство указанных туристских комплексов.

Принять предложения Министерства строительства в северных и западных районах СССР о строительстве и расширении в 1988–1995 годах объектов производственных объединений «Новгородреконструкция» и «Псковреконструкция» согласно приложению № 5. Госстрою СССР выделить в 1990 году Министерству строительства в северных и западных районах СССР для объединений «Новгородреконструкция» и «Псковреконструкция» по одному комплекту оборудования кирпичных

заводов мощностью по производству 5 млн штук кирпича в год. Указанному Министерству обеспечить их ввод в эксплуатацию в 1991 году.

Председатель Совета министров СССР Н. Рыжков».

Из перечисленного немало было сделано. Построена база Псковского реставрационного управления, созданы организации-генподрядчики. Проводились всероссийские конкурсы проектов реконструкции главных псковских гостиниц, конкурс на развитие всего гостиничного комплекса. Конечно, следует заметить, что сроки задавались порой малореальные, но и растягивать этот процесс было нельзя. В первые годы, пока финансирование осуществлялось, велась разработка концептуальной и проектной документации, которой на момент выхода постановления просто не было в готовом виде. Пример с кирпичным заводом из большого раздела по строительству гостиничных комплексов, предприятий обслуживания — ресторанов и прачечных, транспортных предприятий, включая развитие псковского аэропорта, приведен как показатель масштаба программных действий. Сегодня в ходе подготовки Пскова к приему гостей Ганзы² эти проблемы снова встали во весь рост — и стало очевидным, сколько времени потеряно.

Даже за короткие сроки финансирования программы по реализации постановления № 816 Гендирекции удалось немало сделать. В области был создан свой региональный институт «Спецпроектреставрация», новый импульс развития получили изыскательские, проектные и специализированные организации, силами Псковского управления реставрации были развернуты работы, собрана обширная свита участников программы (например, были привлечены зарубежные польские реставраторы-проектировщики). Основной упор делался на развитие местной научно-реставрационной школы и организации постоянной команды участников программы регенерации исторических поселений и городов Псковского края. Надо заметить, что это удалось. В ходе масштабной целенаправленной работы научно-исследовательский, проектный, реставрационный и производственный механизм был создан фактически заново. Наработан большой объем концептуальных и проектных решений. В общей сложности к работам по разным направлениям привлечен огромный коллектив специалистов. Концепции и проекты

² XXXIX Международные Ганзейские дни Нового времени в Пскове прошли 28–30 июня 2019 года. — Ред.

прошли жесточайшую профессиональную и общественную цензуру, получили немалый общественный резонанс. Часть проектов реализована, но большая часть осталась в проектной документации, на бумаге.

В ходе этой работы был приобретен неоценимый опыт. Можно назвать некоторые наиболее интересные примеры. Так, сотрудничество по линии Госстроя Российской Федерации и Министерства городского строительства Земли Северный Рейн — Вестфалия (Германия) принесло ценнейший опыт регенерации исторических застроек. Проекты регенерации Ольгинского берега на Завеличье напротив ансамбля Псковского кремля (фактически ганзейская территория древнего Пскова) дали толчок к восстановлению Ольгинской часовни, реконструкции некоторых объектов и возведению малоэтажной застройки по улице Горького.

Ближайшие к кремлю территории были выбраны не случайно. Эта часть исторического центра наиболее уязвима для новостроек, что сегодня вызывает особую обеспокоенность специалистов. Строительство здания районного суда и современный проект благоустройства Ольгинской набережной не только не учитывают проектные наработки международного масштаба, но просто не выдерживают критики.

Примеры привлечения партнеров-инвесторов для регенерации малоэтажных застроек исторических кварталов Пскова — Примостья (более известного как Золотая набережная), района «Петропавловский», квартала в районе Покровской башни — получили высокую оценку на всероссийских форумах градостроителей и еще получат достойную оценку специалистов.

Многое было начато и выполнено по реставрации Псковского кремля, псковских палат, монастырей и храмов, музеиных объектов. Впервые разрабатывались концептуальные проекты регенерации малых исторических городов (этот опыт был использован нами недавно для проекта регенерации застроек поселка Пушкинские Горы). Всероссийские конкурсы проектов и программа развития туризма, проект комплексной реконструкции исторического центра Пскова и проекты регенерации отдельных кварталов, программа сохранения наследия Псковской области и ряд проектов реставрации объектов культурного наследия — вот неполный перечень разработанных проектов, которые не утратили актуальности.

Спустя 30 лет можно сказать, что постановление 1988 года, которое не было отменено, но прекратило финансироваться в 1993–1997 го-

дах, сыграло немалую роль. Несмотря на сокращение целевого финансирования, за 17 лет работы под руководством специально созданной организации-заказчика, Генеральной дирекции «Псковреконструкция», с привлечением разных финансовых источников было сделано не так уж мало. Цели, определенные постановлением 1988 года, остаются актуальными для Псковской области по всем направлениям, определенным первой рабочей программой 1990 года (I этап был рассчитан на период 1988–1995 годов). Постановление стало стержнем в работе органов архитектуры и строительства в исторических местах, основанием и направлением для реализации инвестиционных проектов, в том числе независимых от принятой программ, например гостиничного комплекса «Старые кварталы» на улице Герцена в Пскове.

Однако после упразднения Гендирекции, которая находила возможности и поводы для ведения систематических работ в заданном направлении и поддерживала по мере возможности свиту участников, произошли печальные изменения. Фактически исчезает как самостоятельное явление псковская школа реставрации. Не только коллектив участников общей программы, но и наработанный концептуально-проектный потенциал по сохранению псковского наследия должным образом не вос требованы. В условиях, когда нет единого местного специализированного заказчика с соответствующим технадзором, даже такая хорошая и масштабная северо-западная программа, как «Сохранение наследия России», вызывает немало вопросов: исполнителями выступают случайные организации, привлеченные на тендерной основе. Попытки восстановления программного подхода (которые, кстати, поддерживали наши соседи — администрация Новгородской области) не увенчались успехом. Конечно, анализ состояния наших исторических богатств выявил необходимость огромных и многолетних затрат и усилий. В программу вошли преимущественно главные и наиболее известные памятники и места. Но программное направление оставляло шансы для малоизвестных и даже заброшенных объектов.

Жаль, что беспрецедентное начинание, задуманное накануне перестройки, не получает продолжения. Ведь наше наследие по-прежнему остается в опасности. Это сообщение — не только рассказ о минувшем, но и попытка привлечь внимание к тому, что уже было достигнуто, но так скоро оказалось позабытым.

Артемий Василевич

ВРЕМЯ МУЗЕЕВ

Человек много раз задумывался о машине времени, способной преодолевать неостановимый бег лет и столетий. А между тем подобная «машина» существует, ее изобрели тысячелетия назад хитроумные древние греки. Имя ей «мусейон», или в современной версии музей. Хочешь заглянуть в будущее — отправляйся в музей современной техники, в научно-познавательный экспериментальный центр. Хочешь отправиться в прошлое — вот тебе и природные заповедники с полями и лесами, не изрезанными автострадами, и мемориальные квартиры, где все осталось так, как было при знаменитых обитателях век, два или три назад, историко-краеведческие и исторические музеи, художественные галереи...

Музеи возникают постоянно. Сама жизнь способствует этому. Содружество разных музеев, больших и маленьких, старых и новых, с прославленными мировыми именами и только еще обретающих имена, — все они единое целое, вселенная культуры памяти. Музеи — это постоянный обмен опытом хранения и представления сокровищ быстро текущей жизни, это передача эстафеты музейной профессии из поколения в поколение. Содружество и обмен опытом — присущее музейному сообществу качество. Старшие по опыту и возрасту музеи становятся партнерами молодых, начинающих, новых музеев.

Такой музейный союз складывается сейчас у Музея истории Витебского народного художественного училища с Государственным историко-литературным и природно-ландшафтным музеем-заповедником А.С. Пушкина «Михайловское», одним из старейших музеев-заповедников России. Белорусский музей очень молод. Он открылся 9 февраля 2018 года в древнем и богатом традициями городе Витебске, в мемориальном здании по адресу улица Марка Шагала, дом 5, литер «А».

Столетие назад, в 1918 году, в этом доме, принадлежавшем до Великой Октябрьской революции витебскому банкиру Израилю Вульфовичу Вишняку, еще не парижский, а витебский художник Марк Шагал основал народное художественное училище. За пятилетие своего существования, в один из самых замечательных и трагических периодов XX века (с 1918 по 1923 год), Витебское народное художественное училище изменило судьбу города, превратив его из небольшого провинциального

городка еврейской оседлости на окраине Российской империи в родину и столицу русского авангардного искусства.

В училище директорствовали и преподавали М. Шагал, М. Добужинский, Ю. Пэн, К. Малевич, Эль (Лазарь) Лисицкий, В. Ермолаева, С. Юдовин, Р. Фальк, И. Пуни, К. Богуславская, А. Ромм, Д. Якерсон и другие. Выпускниками училища были советский художник-живописец, силуэтист Лев Юдин, мастер дизайна и графики Николай Суетин, один из ближайших учеников К. Малевича, последовательный супрематист И. Чашник, советский архитектор и педагог Л. Хидекель. Творческая деятельность этих мастеров, подчиняясь течению истории двадцатого века, прославила витебских художников, педагогов, скульпторов, вписала их имена в мировую художественную культуру.

На приграничной Псковской земле среди обширных пространств, обильных лесами, полями, реками, озерами, пахали землю, ладили быт, воевали, торговали и творчески переосмысливали свою жизнь в песнях, танцах, зодчестве поколения русичей-кривичей. Политики и воины, мастеровые и живописцы, композиторы и учёные, именитые и безвестные труженики строили и славили жизнь. Но одному из них, уроженцу древней Москвы, но псковитянину по праву его творческого подвига, Александру Сергеевичу Пушкину дано было воплотить, сохранить и обессмертить в художественном слове многообразие и красоту жизни Псковского края.

В самом центре Псковщины, в Святогорье-Пушкиногорье с 1899 года существует Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское» (Пушкинский Заповедник). Его территория — уникальный ландшафт, старинные усадьбы, городища, рощи, дороги, реки — это целый мир, страна, в которой живут пушкинские строки и образы, одухотворяя собой вечно перемеччивую и неизменно гармоничную природу. Несколько поколений музеиных работников посвятили свои жизни сохранению, изучению и прославлению этого литературного уголка с мировой славой. Сам музей-заповедник, прошедший горнила войн, лихолетий, испытаний на прочность, подобно фениксу возрождался из пепла преображенными и верным своему призванию.

В конце 2018 года два учреждения, Пушкинский Заповедник и Музей истории Витебского народного художественного училища, заключили договор о сотрудничестве на 2019 год, который позволил начать работу над совместными проектами. Они направлены на привлечение

внимания публики, на создание и укрепление культурных связей между Российской Федерацией и Республикой Беларусь, Псковской и Витебской областями.

Что может роднить два таких разных музея, как Пушкинский Заповедник и Музей истории Витебского народного художественного училища? Музей литературный, природно-ландшафтный — и музей истории зарождения «нового искусства», далекого от классических полотен Рафаэля или Васнецова? Их роднит стремление рассказать людям об их истории, о культуре, о ценностях, не связанных со стоимостным выражением или брендом одежды, поведать о ценностях духовных, о красоте и смысле жизни, о творческом ее выражении в произведениях искусства. На примере великих творцов и гениев, подмастерьев и мастеров музей учит тому, как создается культура, как усилиями народов ткутся цветные ковры их национальной жизни, как личность преображает и очеловечивает жизнь.

За этим-то и едут из разных уголков мира к Пушкину в его родное Михайловское, к Шагалу и Малевичу — в Витебск: за тем, чтобы разгадать и понять тайну связи человека и его родной земли, постичь преображение мастера в гения, понять, что такое вдохновение, в чем смысл жизни. Все мы разные, но есть имена, которые будут объединять нас вне зависимости от наших политических взглядов и социального положения. А музей — пространство поиска и обретения гармонии, которой часто недостает в повседневности.

За год в Пушкинский Заповедник приезжают около четырехсот тысяч человек, в Музей истории Витебского народного художественного училища — в десять раз меньше. Однако и в одном, и в другом музее мы увидим бабушек, приведших внуков, увидим школьников и студентов, группы паломников, людей, стремящихся из разных уголков света, чтобы на несколько часов оказаться в уникальной атмосфере исторического места.

Очень сложно дать точный портрет туриста, приезжающего к Пушкину; поэт всеобъемлющ. Пожалуй, нет человека, не знавшего имени Пушкин. Здесь и государственные деятели, и группы детского сада, у каждого свой Пушкин. Для кого-то он сказочник, для кого-то философ, создатель «Пророка» и «Евгения Онегина», но для каждого Пушкин — учитель и друг. Портрет посетителя Музея истории ВНХУ не менее сложен — отчасти потому, что музей еще очень новый: время еще не отсеяло тех, кто приходит сюда из любопытства не к сути музея,

а к его новизне. И все же спустя год можно представить себе человека, которому было бы интересно узнать о судьбе дома, где творилась судьба города и модернизация мирового искусства.

В Музее истории Витебского народного художественного училища 12 залов (не считая большого пространства-лофта для самостоятельной работы посетителей, изучения творческого пути и наследия основателей училища и его выпускников, и «Красной лестницы» — сохранившейся мемориальной лестницы, на которой гости музея оканчивают экскурсию). Первый зал рассказывает посетителям об истории дома и его первом хозяине — банкире И.В. Вишняке. Этот рассказ возможен только в контексте истории города, которой посвящен второй зал музея.

В конце XIX века приехавший в Витебскую губернию И.Е. Репин приобретает недалеко от города усадьбу Здравнево. Его переезд в Витебск вызвал непонимание со стороны друзей. На это художник отвечает, что Витебск — это русский Толедо и художнику здесь благодать. Чтобы убедиться в правоте Репина, достаточно взглянуть на старые фотографии города авторства С.М. Прокудина-Горского или других фотографов. Красивый провинциальный город, расположенный на холмах, с изящными православными храмами, хранящими в своей архитектуре следы разных эпох и стилей, где нет-нет да проглянут черты соседних костелов, синагоги красного кирпича, остроконечные шпили католических храмов.

Не уступал Витебск другим городам и в светской архитектуре. Парки, скверы, мощеные улочки и, конечно же, деревянные дома и знаменитые витебские заборы, заставившие когда-то воспарить над городом шагаловских героев. Все это было уничтожено, сожжено и разрушено в Великую Отечественную войну. Двенадцать дней над городом вместо воздуха висела огромная черная туча из дыма, гари, кирпичной пыли и ужаса. В освобожденном 26 июня 1944 года Витебске из более чем ста тысяч довоенного населения осталось 118 человек, а сам город был уничтожен на 98%. Тем важнее и дороже, что в разрушенном городе сохранился неповрежденным один-единственный особняк каменной постройки, и особняк этот — дом банкира Вишняка, где в 1918 году Шагал устроил свое училище.

Приходящим в музей горожанам интересно разглядывать большую фотографию Сергея Михайловича Прокудина-Горского, сделанную в 1912 году: люди пытаются в сплетении старинных улиц угадать сегодняшние проспекты и площади. Афишиные тумбы 1920-х годов, карта-план города 1922 года и проект фотографа Виктора Борисенкова, где на

сегодняшние фотографии города накладываются старые изображения прежнего Витебска, — все это вызывает большой интерес у жителей города. Людям нравится всматриваться в прошлое в поисках схожести и различий с сегодняшним днем. И не точно ли так гости Пушкина пытаются найти схожесть сегодняшнего Михайловского с тем, каким видел его поэт, каким место запечатлено на старинной литографии? Не этот ли интерес пробуждают последние предреволюционные годы Тригорского, запечатленные на фотографиях Ю.М. Шокальского?

Третий зал рассказывает о появлении в городе училища, о его создателе — Марке Шагале, о его преподавателях, в частности о Казимире Малевиче, отсылая нас дальше, к истории непростой жизни художественного училища. Четвертый зал — история УНОВИС («Утвердителей нового искусства»), творческого объединения, появившегося благодаря К. Малевичу и его сторонникам и навсегда разделившего историю училища на шагаловский и малевический периоды. Через зал с мозаичным полом с изображением «иконы» русского авангардного искусства — плаката Эль Лисицкого «Клином красным бей белых» поднимаемся на второй этаж и оказываемся в кабинетах и мастерских. Спокойный, тихий, дремлющий кабинет директора и основателя училища Марка Шагала с балконом, выходившим в зеленый раскидистый сад. Строгий, вычерченный кабинет Малевича, мастерские Ермоловой, Лисицкого, Якерсона. Каждая комната — своя история, свой герой, свой характер.

Приходить к Пушкину легко — ты знаешь его, кажется, с детства, ты приходишь к нему как к старому другу и многие цитаты из экскурсии узнаешь, как прежних знакомых и добрых друзей. Тема авангардного искусства непроста, да и — чего греха таить — интересна далеко не всем. Поэтому от экскурсовода требуется в первую очередь умение заинтересовать посетителя настолько, чтобы он, прия домой, захотел начать свое «исследование»: зайти в интернет, найти и открыть книги и понять наконец, что же такое этот авангард.

Немалую роль в «приручении» и привлечении внимания современника-экскурсанта играет современное экспозиционное оснащение Музея истории ВНХУ. На сегодняшний день приобретение полотен Шагала, Малевича, Лисицкого и других остается для музея главной, но трудновыполнимой задачей. Главным экспонатом музея является сам дом, старинный мемориальный особняк, помнящий великие события. Однако в самой экспозиции сегодня основную роль играет музейное мультимедийное оборудование. Оно позволяет не только передать, про-

илюстрировать все то, что рассказывает экскурсовод, но и привлечь внимание посетителя современной формой подачи информации, способами, привычными современному зрителю.

И все же дело, наверное, не в ультрафиолетовых чернилах на стенах и не в множестве проекторов, не в зеркале-экране, воссоздающем мгновения навсегда ушедшей жизни. Человек ищет соприкосновения с историей, с великими людьми, стремясь с их помощью обрести себя, развить в себе чувство единства и непрерывности жизни, ощутить связь творчества и миропонимания. Ведь не зря, заходя в кабинет Марка Шагала, комнату, согласно концепции музея наименее оборудованную современной медиатехникой, посетители умолкают и подолгу смотрят на сохранившийся паркет, по которому ступала нога мастера, смотрят на его мольберт. Неслучайно с таким нетерпением и трепетом ждут паломники той минуты, когда состоится их встреча с кабинетом А.С. Пушкина в Михайловском. Есть пространство, которое даже после того, как его покинули, сохраняет невидимый, но ощущимый след своего обитателя.

Пожалуй, лучше всего этот след ощущается в провинции, там, где урбанизация и время милосерднее к исторической памяти. Бродя сегодня по современным улицам городов среди бесконечных автомобильных пробок, стеклянных новостроек и светящихся вывесок, трудно себе представить проезжающего здесь в пролетке Пушкина, прогуливающегося задумчивого Гоголя. Глядя, как по Дворцовой площади разгуливают, разговаривая по мобильным телефонам, Петр I и В.И. Ленин, а у ограды Александрийской колонны устало курит, сдвинув парик, Екатерина Великая, в целом начинаешь сомневаться: а было ли то время?

Другое дело — русская провинция. Удивительное, непередаваемое ощущение покоя, вечности и преемственности времен. Зайди в лес — и вот они, липы, ели, дубы, сосны-великаны, многовековые свидетели событий великих, светлых и горьких. Летом разносит ветер по округе аромат нагретых зноем лугов. Нервно в камышах крякает утка, а вечером вместе с молочным туманом плывет по реке гулкий колокольный звон. Закрой глаза, да хоть и не закрывай, — можешь представить, как из-за поворота выйдет, легко опираясь на трость, Пушкин. И все те же деревья шумят над тобой под сереньким или сияющим небом, те же птички голоса будят тебя ранним утром, так же роса ложится на поля, те же цветы своими именами манят нас. Подойди к березе, обопрись на нее рукой: кто знает, может быть, ствол еще хранит память о прикосновении другой руки.

Витебск не Москва, не Санкт-Петербург и не Минск, но все же ста-ринный, исторический город. Непосвященному человеку сложно в его послевоенном облике, среди современных улиц, площадей и многоэ-тажных зданий отыскать следы ушедшего в прошлое «шагаловского» Витебска. Музей же как открытая в прошлое страница позволяет челов-еку забыть о реальности и на какое-то время отправиться в путеше-ствие на столетие назад.

Время идет. В феврале 2019 года Музей истории Витебского народ-ного художественного училища отметил свой первый день рождения. Впереди много планов, много интересной и непростой работы. Впереди организация первого пленэра — в Пушкинском Заповеднике, в гостях у Александра Сергеевича, первой научной конференции, время первых поисков и решений, которые постепенно сформируют коллекцию и свой стиль в новом музее. Начало пути к обретению музеем своей истории и имени в культурной жизни положено.

Для Пушкинского Заповедника и Музея истории Витебского народ-ного художественного училища обмен выставками в 2019 году, надеемся, станет началом плодотворного долгосрочного сотрудничества. Опыт многолетних художественных практик студентов российских художе-ственных вузов, пленэров с участием зарубежных мастеров-живописцев в Пушкинском Заповеднике — школа, к опыту которой внимательно от-носятся витебские коллеги. Методическая и экскурсионная, хранитель-ская, научная работа — всему этому мы готовы с благодарностью учить-ся. Вместе с тем молодой белорусский музей готов стать проводником проектиров Пушкинского Заповедника в белорусской музейной среде. Разные просветительные проекты успешно объединят Михайловское и Витебск. Темы истории, мемориальной памяти творцов, воспитания посредством культуры, художественного осмыслиения мира найдут во-площение в совместных планах двух музеев.

То, что объединяет Пушкинский Заповедник и Музей истории Ви-тебского народного художественного училища, — люди, посетители музея, те, кто возвращается в музей вновь как в родной дом, обраща-ется к нему в поисках ответов на новые и новые вопросы. Это друзья музея. Доброхоты и паломники в Пушкинском Заповеднике на про-тяжении десятилетий сформировали то неоценимо важное общество, в котором музей черпает силы и ищет опору в формулировании задач своей деятельности, вдохновение для новых проектов. Верится в то, что и Витебский музей Народного художественного училища на путях

обретения друзей: горожан, специалистов разных профессий, влюбленных в живую историю своего города. Дружба? Музейная солидарность? Желание делать общее музейное дело творчески, увлеченно, хорошо — таково основание, на которое опираются в своем служении витебские музейные работники.

«На речке Луговка, в деревне Бугры, в трех верстах от Святогорского монастыря стоит мельница, крытая тесом, для молотьбы монастырского хлеба...» На колесо мельницы по деревянному желобу бежит вода. До колеса — живая, пройдет через деревянные карманы-лопасти и падает за колесом мертвой. Эту воду не то что пить, входить в нее нельзя, «в ней жизни нет». Музей подобен мельнице. Время крутит его колесо. Только с музеем все наоборот: течет время, как вода, впадает в реку забвения, но пройдет оно сквозь музейное колесо — и оживает. И правда, музей подобен машине времени. Время музеев — время истории и вечности.

Наталья Осетрова

РАБОТА ПУШКИНОГОРСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РАЙОННОЙ БИБЛИОТЕКИ НАД КРУПНОФОРМАТНЫМ ПЕЧАТНЫМ ИЗДАНИЕМ «СОЛДАТЫ ПОБЕДЫ»

Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно: не уважать оной есть постыдное малодушие.

A.C. Пушкин (XI, 55)

Эти пушкинские слова невольно приходят на память, когда вспоминаешь тех, кто погиб в годы Великой Отечественной войны. Воистину «гордиться славою своих предков не только можно, но и должно». Те, кто сложил голову в жесточайшей из войн, покрыли себя неувядаемой славой, как и те, кому суждено было, разгромив гитлеровский фашизм, встретить День Победы. Память об их беспримерном подвиге должна жить вечно¹.

Работая над созданием муниципального (Пушкиногорский район) тома книги «Солдаты Победы», мы ставим перед собой следующие цели:

- увековечить память о защитниках Отечества, солдатах Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов (фронтовиках, участниках народного сопротивления, партизанских отрядов), проживающих на территории района, вернувшихся живыми с войны и ушедших из жизни до 1 апреля 2013 года;

- привлечь внимание общественности к знаменательным юбилейным датам в истории Пушкиногорского района: к юбилею образования района, к 75-летию освобождения района от немецко-фашистских захватчиков, а также к проблеме сохранения исторической памяти

¹ Степанов П.Е., Корнеев Н.П. и др. Книга Памяти. Псковская область. Новоржевский район. Пушкиногорский район. Историко-документальная хроника. К 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Т. 11. Псков, 1994. С. 343.

о пушкиногорцах — защитниках Отечества, внесших значительный вклад в победу;

- способствовать патриотическому воспитанию граждан через работу с историческими материалами, пополнение электронной Книги Памяти о тех, кто победил в Великой Отечественной войне, компьютерную реставрацию семейных фотоархивов, архивов общественных организаций;

- укрепить солидарность и преемственность поколений жителей Пушкиногорского района; укрепить родовую историческую память в семьях пушкиногорцев, обеспечить передачу патриотических традиций народа-победителя.

Задачи проекта:

- сохранить память о событиях, связанных с Великой Отечественной войной, о каждом солдате Победы; актуализировать информацию о событиях войны и ее участниках;

- сформировать у граждан понимание исторического значения победы советского народа в Великой Отечественной войне. Это способствует укреплению чувства патриотизма, осознанию необходимости хранить память о воинах, защитивших наше Отечество, — помнить всех поименно;

- активизировать поисковую и исследовательскую работу к 75-летию освобождения Пушкиногорского района от немецко-фашистских захватчиков, организовать восстановление фотографий воевавших родственников;

- вовлечь граждан в совместную поисковую и творческую работу с привлечением молодежи и старшего поколения пушкиногорцев;

- подготовить информацию, необходимую для издания муниципального (Пушкиногорский район) тома книги «Солдаты Победы».

Книги «Солдаты Победы» являются продолжением историко-документальной хроники «Книга Памяти».

Идея создания многотомника «Солдаты Победы» впервые прозвучала несколько лет назад на встрече губернатора Псковской области Андрея Турчака с ветеранами Великой Отечественной войны. Глава региона инициативу фронтовиков поддержал и лично возглавил редакционную коллегию по подготовке издания. Первый том издания о псковичах, здравствовавших на 1 апреля 2013 года, вышел в конце апреля 2015 года, в канун 70-летия Победы.

28 апреля 2016 года в Псковской областной универсальной научной библиотеке состоялась презентация второго тома книги памяти «Солдаты Победы»².

На открытии презентации Анна Анатольевна Бударина, заместитель председателя Государственного комитета Псковской области по культуре, выразила благодарность за проделанную работу и поздравила псковичей с выходом нового тома «Солдат Победы», пожелала успехов в дальнейшей работе. Она отметила, что реализация этого проекта вызвала живой отклик в сердцах жителей региона, и вручила приветственный адрес от В.В. Емельяновой, первого заместителя губернатора Псковской области.

Книгу представил Николай Васильевич Никитенко, главный редактор, краевед, историк, автор книг о героической истории нашей Родины, мужестве, таланте и трудолюбии ее жителей. На презентации присутствовали и почетные гости — герои книги «Солдаты Победы» ветераны Виктор Васильевич Иванов и Дмитрий Петрович Ваулин, а также родственники участников войны, члены редакционной коллегии, журналисты, читатели и библиотекари, воспитанники центра «Патриот» и представители областного Совета ветеранов³.

4 мая 2016 года в Пушкиногорской центральной районной библиотеке прошли презентация и вручение ветеранам Пушкиногорского района или их ближайшим родственникам второго тома книги «Солдаты Победы». Он посвящен 900 уроженцам Псковской области, участвовавшим в Параде Победы 24 июня 1945 года, а также ветеранам Великой Отечественной войны, проживающим на территории районов (тем, кто был жив по состоянию на апрель 2013 года). Представлены сведения о военном пути каждого из героев книги, их довоенной и послевоенной жизни, о наградах. Тираж второго тома — 1,5 тысячи экземпляров. Часть его направлена во все библиотеки Псковской области, в Пушкиногорскую центральную районную библиотеку в том числе. На момент вручения книги в нашем районе в живых оставалось 35 ветеранов, на апрель 2019 года — только девять человек. На презентации книги с благодарственной речью и поздравлениями с Днем Победы выступи-

² Презентация второго тома книги «Солдаты Победы» // Сайт Псковской областной универсальной научной библиотеки [Электронный ресурс: <http://www.pskovlib.ru/news/20387/>].

³ Там же.

ли заместитель главы Пушкиногорского района В.В. Иванов и председатель Совета ветеранов Т.Е. Михайлова. Презентацию книги провела директор библиотеки Н.А. Осетрова. Мероприятие сопровождалось песнями военного времени, а после вручения книг для ветеранов, расстрогавшихся и благодаривших за внимание, и всех присутствовавших прозвучала песня «День Победы».

«Работа над книгой продолжается. Обращаясь к жителям области и ветеранам, губернатор Псковской области Михаил Ведерников отмечает, что подвиг псковичей, которые вместе со всем советским народом защищали нашу Родину от германского фашизма и его сателлитов, освобождали свою землю и страны Европы от коричневой чумы, вписан золотыми буквами в историю Великой Отечественной войны. Он заверил, что работа по сбору материалов и выпуск книг будут продолжаться до тех пор, пока не будут названы все псковичи, завоевавшие Победу», — говорится в газетной публикации, последовавшей двумя годами позже описываемых событий⁴.

Пушкиногорская редакционная коллегия продолжает работу над материалами тома книги «Солдаты Победы» об участниках Великой Отечественной войны — уроженцах и жителях Пушкиногорского района, вернувшихся домой с победой. Возглавляет редколлегию заместитель главы района В.В. Иванов. Разработан план мероприятий по подготовке муниципального тома книги «Солдаты Победы», где отмечены основные направления работы, определены ответственные за сбор и оформление информации, а также указаны сроки выполнения работы.

Редколлегия инициировала и провела акцию «Они вернулись с Победой»; в газете «Пушкинский край» неоднократно печатались статьи с призывом к участию в поиске и сборе информации⁵. Всего обратились с материалами в районную библиотеку, где было предложено сделать пункт сбора и систематизации информации, 34 человека.

Раздел «Они вернулись с Победой» — основной, самый объемный. Он содержит краткие биографические сведения об участниках Великой Отечественной войны, которые родились или проживали на территории

⁴ Аргументы и факты — Псков. 22.04.2018 [Электронный ресурс: http://www.pskov.aif.ru/society/people/veteranam_pskovskoy Oblastivruchat_vtoroy_tom_knigi_soldaty_pobedy].

⁵ Положение о проведении районной патриотической акции «Они вернулись с Победой» // Пушкинский край. 7.02.2017.

района и здесь закончили свой жизненный путь. Статья иллюстрируется фотографией ветерана, и что особенно ценно, есть фотографии, относящиеся к периоду войны.

На заседании районной общественной коллегии по подготовке книги «Солдаты Победы» 14 июля 2016 года было решено поручить оформление учетных карточек и статей о ветеранах директору Пушкиногорской центральной районной библиотеки Н.А. Осетровой. Тогда же библиотека получила материалы от заместителя председателя редакционной коллегии, начальника отдела по социальным вопросам администрации района Т.Е. Михайловой, а также отсканированные Д.М. Виноградовым и членами клуба «Патриот» учетные карточки на участников Великой Отечественной войны Пушкиногорского района из архива Бежаницкого райвоенкомата (всего 676 учетных карточек).

24 ноября 2016 года Н.А. Осетрова и заместитель главы района В.В. Иванов участвовали в областном семинаре, посвященном опыту и практике подготовки муниципальных томов книги «Солдаты Победы», в городе Великие Луки. Встреча оказалась чрезвычайно полезной для всех ее участников.

На 6 декабря 2016 года работники Пушкиногорской библиотеки обладали следующей информацией. Общее количество участников войны, подлежащее увековечению в книге «Солдаты Победы» (без учета внесенных в первый и второй тома), составляло 701. Отсканированных единых учетных карт на участников войны в распоряжении библиотеки было 676. Было заполнено (от руки) 108 единых учетных карт на участников войны, подготовлено 108 неполных статей и выявлено 30 фотографий участников войны.

Первоначально работники библиотеки занимались составлением списка участников Великой Отечественной войны из нашего района — для дальнейшей корректировки информации. Сколько всего пушкиногорцев вернулись с победой? К сожалению, окончательной цифры нет, это предстоит выяснить в ходе работы над проектом. Ряд ценных документов военной и послевоенной поры обнаружен в муниципальном архиве Пушкиногорского района и в номерах газеты «Пушкинский край» за разные годы.

Динамику работы над материалами книги можно отследить, сравнив информацию по состоянию на 26 июня 2018 года с информацией от 27 марта 2019 года (*см. Таблицу 1*).

Таблица 1

№ п/п	Мероприятия	Январь 2018	Январь 2019
1	Общее количество участников войны, подлежащее увековечению в книге «Солдаты Победы» (без учета внесенных в первый и второй тома)	701	798
2	Отсканированные единые учетные карты из военкомата на участников войны	676	676
3	Заполненные в электронном виде и от руки единые учетные карты (анкеты) на участников войны	501	798
4	Подготовленные (сырые) статьи на участников войны	501	798
5	Выявленные фотографии участников войны	48	150
6	Подготовленные откорректированные анкеты	0	798
7	Подготовленные для отправки в Псков статьи, анкеты	0	532
8	Отправленные в Псков анкеты, статьи	0	336
9	Офицеров анкеты, статьи	0	39

Казалось бы, о вкладе пушкиногорцев в победу над фашизмом уже многое написано, трудно отыскать что-то неизвестное. Но это не так. В ходе работы над книгой открыты новые имена, далее один из таких примеров.

Андрей Иванович Чистяков родился 13 июня 1916 года в деревне Астахново Пушкиногорского района Псковской области. Окончил четыре класса начальной школы. Призван на действительную военную службу 15 октября 1937 года Пушкиногорским райвоенкоматом Псковской области. Уволен в запас 29 ноября 1939 года. Призван по мобилизации Гатчинским РВК Ленинградской области. Воевал в Великой Отечественной войне с 14 апреля 1944 по 9 мая 1945 года в составе 37-го стрелкового полка (стрелок), 223-го запасного стрелкового полка. Получил ранения:

Военный билет А.И. Чистякова

Благодарность Верховного главнокомандующего красноармейцу
А.И. Чистякову

Творческим коллективом специалистов районной библиотеки, среди которых А.Ю. Андреева, Е.Г. Иванова, Д.И. Литвинец, А.П. Ильина, С.Н. Смирнова и другие, привлечены многие источники, проведена большая поисковая и исследовательская работа, которая позволила полнее оценить вклад пушкиногорцев в Победу. Как известно, солдат войну не выбирает. У каждого была своя война: свои победы и поражения, своя судьба — порой невыразимо трудная, неповторимая. В книге наряду с архивными данными и документами будут представлены и воспоминания ветеранов.

Редакционная коллегия Пушкиногорского района сделает все, чтобы рассказать по возможности о каждом участнике Великой Отечественной войны, кто вернулся с победой. Работа над томом Пушкиногорского района продолжается. И только когда мы назовем имена всех наших земляков — творцов Победы от рядового до маршала, мы сможем с чистой совестью сказать: «Никто не забыт и ничто не забыто!»

II. Из научных изысканий сотрудников Пушкинского Заповедника

Эдуард Узенев

ОТ АЛЕКСАНДРА К АЛЕКСАНДРУ *О родственных связях предков А.С. Пушкина*

Интерес к своей родословной у А.С. Пушкина проявился еще в юности. В письмах, стихах, статьях он упоминает имена своих предков, гордится, встречая имена Пушкиных в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Поэт писал: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие. «Государственное правило», говорил Карамзин, «ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному» (XI, 55).

«Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим. И у нас потомок Рюрика более дорожит звездою двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, т. е. историей отечества» (XI, 162).

Интерес к истории своего рода у Пушкина — это и интерес к истории России, к ее общественно-социальному развитию (история боярских родов, возникновение дворянства, возвышение одних фамилий, исчезновение других), и интерес к отдельным представителям своего рода, славою которых обязан гордиться их потомок.

История рода Пушкиных предстает на фоне событий русской истории со времен седой древности. А.С. Пушкин в «Моей родословной» писал:

Мой предок Рача мышцой бранной
Святому Невскому служил...
(III, 1; 262)

В автобиографических заметках, писавшихся в 1834 году, Пушкин отметил: «Мы ведем свой род от прусского выходца Радши, или Рачи (мужа честна, говорит летописец, т. е. знатного, благородного),

выехавшего в Россию во время княжества св. Александра Ярославича Невского» (ХII, 311).

В ХХ веке исследования историков позволили уточнить и дополнить имеющиеся сведения о родословии поэта. Так, академик Степан Борисович Веселовский в своей работе «Род и предки А.С. Пушкина в истории» предположил, что Пушкин не знал, что его прямым предком был боярин Гаврило Алексич, который жил в XIII веке и именно «святому Невскому служил»¹. При этом исследователь указал, что прадед Гаврилы Алексича Радша (Ратша), вероятно, жил в первой половине XII века и не мог быть на службе у Невского. Возможно, Пушкин из летописей знал о соратнике великого князя Ратиславе, который в разных летописных списках назван Ратшей и Ратишкой, и ошибочно отождествил его со своим далеким предком Радшой.

Позднее знания об истории рода Пушкиных были существенно расширены благодаря колоссальному труду пушкиниста-генеалога, участника Великой Отечественной войны Андрея Андреевича Черкашина, составившего подробную схему родословного древа Пушкина из более чем двух тысяч имен². В результате исследования выяснилось, что в прямом родстве великий поэт состоял с самим великим князем, полководцем, святым Александром Ярославичем Невским, 800-летие со дня рождения которого будет отмечаться в следующем году (принято считать, что великий князь родился 13 мая 1221 года; согласно старой историографической традиции дата рождения великого князя — 30 мая 1220 года). По утверждению Черкашина, Александр Невский — прямой предок А.С. Пушкина в 21-м колене. Вслед за историком постараемся проследить родственные связи от великого князя до великого поэта в историческом периоде более чем пяти столетий.

В 1239 году Александр Невский женился на полоцкой княжне Александре Брячиславне. Его сыновья Дмитрий I и Андрей III Городецкий станут великими князьями владимирскими. Праправнучка одного из сыновей Андрея, Михаила Суздальского, Мария Дмитриевна Суздальская выйдет замуж за Николая (Микулу) Васильевича Вельяминова, боярина Дмитрия Донского. Род Вельяминовых также дал прямых предков поэта, поэтому М.Д. Суздальская и Н.В. Вельяминов считаются прямыми предками Пушкина в 15-м колене. От их брака родилась дочь (имя неиз-

¹ См.: Веселовский С.Б. Род и предки А.С. Пушкина в истории. М., 1990.

² См.: Черкашин А.А. Тысячелетнее древо А.С. Пушкина: корни и крона. М., 1998.

вестно). Ее мужем стал Иван Дмитриевич Всеволожский, боярин великого московского князя Василия II Темного. Внучка И.Д. Всеволожского Василиса Ивановна выйдет замуж за Даниила Дмитриевича Холмского, прямого потомка князя Юрия Долгорукого. Их дочь Анна Даниловна станет женой Ивана Владимировича Головы, родоначальника Головиных. К этому роду принадлежала прабабушка поэта Евдокия Ивановна Головина, в замужестве Пушкина. Она и соединила фамилии Вельяминовых, Всеволожских, Головиных с родом Ратши, родоначальника ветви Пушкиных.

Упоминавшийся выше правнук Ратши Гаврило Алексич имел самую большую воинскую славу в роду. Он был храбрым витязем, дружиным и верным соратником Александра Невского и погиб в 1241 году в битве с немцами под Копорьем. Один из его сыновей, Иван Гаврилович Морхиня, приходился по мужской линии прямым предком Пушкину в 16–17-м коленах. Он имел единственного сына — Александра Ивановича Морхинина, который сначала вместе с отцом служил у Ивана Калиты, затем, после смерти великого князя, перешел на службу к сыну последнего Семену Ивановичу Гордому. Сын Александра Морхинина Григорий, прозванный Пушкой, и положил начало фамилии Пушкиных. Поэту он приходился предком в 14-м и 15-м коленах.

У Григория Пушки было семеро сыновей. Пятый сын Константин — прямой предок А.С. Пушкина в 13-м и 14-м коленах. К этой линии относился Гаврила Григорьевич Пушкин, принадлежавший, по словам поэта, «к числу самых замечательных лиц в эпоху самозванцев» (XII, 311), т. е. во время Смуты. В пушкинской трагедии «Борис Годунов» он выведен в число действующих лиц. В царствование Лжедмитрия I Гаврила Пушкин возвысился и стал думным дворянином. После падения самозванца перешел на сторону его противников. Брат Гаврилы воевода Григорий Пушкин по прозвищу Сулемша был также сторонником Лжедмитрия I, позже — царя Василия Шуйского. Недаром в уста Годунова поэт вложил слова: «Противен мне род Пушкиных мятежный» (VII, 45), а в «Моей родословной» читаем:

Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин.

(III, 1; 262)

Известно, что семеро Пушкиных в числе других бояр «руку приложили» к грамоте об избрании на царство Михаила Романова. Одним из них был Федор Семенович Пушкин, стряпчий на Земском соборе 1613 года. Его родной брат Тимофей Семенович — прямой предок А.С. Пушкина в 8-м колене.

Сын Тимофея, дворянин Петр Тимофеевич, был женат на Елене Григорьевне Сунбуловой, и от этого брака родился сын Петр Петрович Пушкин. Он был стольником, принимал участие в торжествах по случаю бракосочетания царя Алексея Михайловича с Марией Милославской. В браке с Анастасией Афанасьевной Желябужской в 1644 году

у него родился сын Петр Петрович Пушкин-младший. Женившись на Федосье Юрьевне Есиповой, он стал отцом пятерых сыновей и дочери. Через старшего сына Александра П.П. Пушкин-младший стал пропрадедом поэта по мужской линии и одновременно через младшего сына Федора — пропрадедом по женской. В начале 1720-х годов женой Александра Петровича Пушкина стала вышеупомянутая Евдокия Ивановна Головина. В числе родившихся от этого брака детей был дед поэта Лев Александрович. Женатый на Ольге Васильевне Чичериной, он имел четырех детей, включая отца поэта Сергея Львовича Пушкина.

Неизвестный художник.

Герб рода Пушкиных. 1801 год

Род

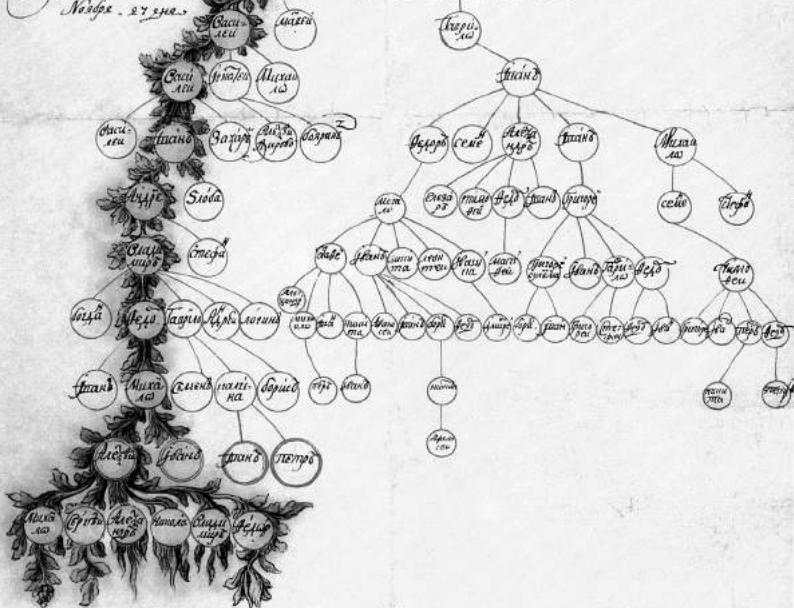
РАД
ША

Пушкінъ

Води Благородиша
Селиша Ізя Альбакира
Нелсона Прінчаль Срессід
М'єспенб Айненб
Райша.

Успіша Ізя Альбакира Барослава
Ізя Фредре Ізя: Гарімб Альбакира
шахри Гашін Томасіта Намані
Бернса і Гарімб і сини Успіша Венса
ізя Уїлб Германістера Альбакира
Радштаснупо: Віната Кра російські
Ізя: Ізя 3: ізя 3.

Веліши Ізя Альбакир
Нелсна Прінчанске Райша
Бланжеска мур. 6771. с.
Лодре. 27 зида

Неизвестный художник. Родословное древо рода Пушкиных. Конец XVIII века

Таким образом, рассмотрев лишь часть множества родовых нитей, тянувшихся от А.С. Пушкина в глубь веков, можно убедиться, что его генеалогическое древо — это, по сути, срез отечественной истории. «Род мой один из самых старинных дворянских» (XI, 160), «...корень дво-рянства моего теряется в отдаленной древности, имена предков моих на всех страницах Истории нашей» (VIII, 1; 42), «наша благородная чернь, к которой и я принадлежу, считает своими родоначальниками Рюрика и Мономаха» (VIII, 1; 42), писал поэт. Несомненно, если бы Пушкин знал о своем родстве со своим великим тезкой — Александром Невским, его подвиги и героические деяния были бы воспеты в гениальных поэтических творениях.

ТРИ СОЛОНКИ, ИЛИ РЕАБИЛИТАЦИЯ «БЕЛОЙ СМЕРТИ» *Рассказы о вещах*

В пушкинское время никто не называл соль «белой смертью». Напротив, соль была некоронованной царицей любого крестьянского, да и барского стола. Она придавала вкус еде. Поэтому отсутствие соли сравнивали с отсутствием силы воли («Без воли — силы нет, без соли — вкуса нет»), отсутствием денег («Без денег торговать как без соли хлебать»), отсутствием священника («Без попа что без соли»). Подростку говорили: «Еще пороху не нюхал», — а ребенку: «Еще соли не пробовал».

Любое застолье было немыслимо без соли на столе: «Без соли, без хлеба за стол не садятся». Даже состояние и «выправка» стола зависели от наличия или отсутствия на нем соли: «Без соли и стол кривой».

В музее «Пушкинская деревня» экспонируются три солонки: в виде чашки, бутылки и ларца с крышкой. Зачем нам сразу три солонки? Затем, что одна из них находится на столе, в центре зрительского внимания, а две другие — в бабьем куту на кухонной полке. Про запас, для будущих экспозиций. К тому же, как говорится, соли и солонок много не бывает!

У каждой солонки свой нрав и свои наклонности. Кстати о наклонностях. Например, из солонки в форме бутылки удобно посыпать белыми кристалликами гречневую

*Солонки в виде бутылки и чаши.
Музей «Пушкинская деревня»*

кашу. Но чтобы наполнить солонку через узкое горлышко, следует запастись воронкой. Иначе потерять дорогостоящей приправы не избежать.

Рядом — другая солонка, напоминающая маленькую берестяную корзинку. В отличие от первой, в такую солонку соль можно засыпать хоть из мешка. Не за раз, конечно, а постепенно. В нашей солонке может поместиться около 300 граммов соли. А чтобы узнать друг друга, надо, согласно русской поговорке, «съесть пуд соли». В пуде чуть больше 16 килограммов. Путем нехитрых арифметических действий выясняется, что для полного взаимопонимания и дружбы партнерам необходимо опорожнить содержимое около 53 наших солонок.

Есть у такой солонки недостаток: ее опасно наклонять, так как сыплющему трудно просчитать, какое количество соли потребно для улучшения вкусовых качеств каш и щей. Дрогнет рука — пересол. Замрет — недосол. Вот и посыпай голову пеплом после этого! «Полусолов» в таком деле не бывает. Из таких солонок соль доставали щепотью, пальцами, сжатыми так, как это делает дирижер, размахивающий своей волшебной палочкой. Потом деревенские «дирижеры»сыпали соль в пищу, потирая при этом кончиками своих не всегда чистых пальцев. Особенно этим в крестьянских семьях грешило «племя младое», которое «и жить торопится, и чувствовать спешит».

Если способ «оптового» опрокидывания солонки в пищу не принес желаемого результата, едоки действовали по принципу «если соль не идет к еде, еда сама идет к соли». Они просто обмакивали огурцы, редиску, хлеб в солонку. Однако после подобных погружений на поверхности соленых «дюн» оставались огуречные семечки или хлебные крошки. А это порицалось народной моралью. Отсюда пошло выражение: «Грех куском макать в соль».

Макать хлеб в соль — нехорошо. Но во всех других случаях хлеб и соль за столом закадычные друзья-товарищи. Об этом гласят народные поговорки: «Просим к нашему хлебу и соли», «Без соли и хлеб не естся», «Без соли невкусно, без хлеба несытно», «Без соли, без хлеба — половина обеда», «Без соли, без хлеба — худа беседа». Почетных гостей издревле встречали на Руси хлебом-солью. В стихотворении «Послания к Юдину» Пушкин писал:

...Но вот уж полдень. — В светлой зале
Весельем круглый стол накрыт;
Хлеб-соль на чистом покрывale,

Дымятся щи, вино в бокале,
И щука в скатерти лежит.

(I, 169)

Самая интересная и «словоохотливая» солонка — это та, что стоит на столе. В частности, от нее самой мы узнали, сколько «старушке» лет. Оказалось — 169! Дату ее рождения выцарапал на крышке то ли ее создатель, то ли крестьянин, купивший изделие на ярмарке, может быть, даже Святогорской. Той же, на которой бывал А.С. Пушкин. Появление «свидетельства о рождении» нам привелось видеть лишь однажды, в краеведческом музее эстонского города Раквере. Но наша солонка старше эстонской soolatops лет на двадцать. Кроме того, на нашей выцарапана не только дата рождения солонки, но и счет: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10. С помощью его можно было поздравлять друг друга с новым годом, а солонку-«старушку» — с очередным днем рождения. Зная счет, можно было безошибочно рассчитать количество едоков за столом, чтобы соблюсти закрепленное в поговорке правило: «Тринадцатый за стол не садится», отобрать необходимое количество приборов на столе, чтобы не ошибиться: «Троица троицей, а трех свечей на стол не ставят».

Знающего счет трудно было обмануть во время ярмарочного торга, определения величины оброка, как в «Сказке о попе и о работнике его Балде», то есть того, что на Псковщине называли «торговлей и менкой».

Солонка. Музей «Пушкинская деревня»

*Солонка. На крышке вырезаны цифры — год и счет от одного до десяти.
Музей «Пушкинская деревня»*

Кто-то очень остроумно на века «вычеканил» цифры начального счета именно на солонке. Во время обеда все, в том числе дети и подростки, обязательно тянулись за солонкой. Взяв ее в руки, они, вольно или невольно, подтверждали педагогическую истину: «Повторение — мать учения». Из таких-то семей, где дети съзмальства учились всяким премудростям, вырастали свои Ломоносовы.

Есть в нашей солонке еще один секрет. Среди цифр есть две, девятка и единица в десятке, изображенные в зеркальном отражении. Так, как правило, пишут дети. Поэтому, возможно, цифры были начертаны ребенком, которого его отец-«большак» решил выучить счету. Но известно также, что в зеркальном отражении писали не только дети, но и гении, например Леонардо да Винчи. Впрочем, известно, что все мы в детстве — гении, но что происходит потом...

Скажем спасибо нашим солонкам хотя бы за то, что мы смогли поговорить и о них, и о музее. «Соли нет, так и слова нет»; мы же в нашем рассказе только о соли и вспоминаем! Вот и нацарапали тысяч шесть печатных знаков. Кроме того, вспомнили народные пословицы. А то ж: «Речь без пословицы, что суп без соли».

Алексей Коржов

«...НА ГРАНИЦЕ ВЛАДЕНИЙ ДЕДОВСКИХ... ТРИ СОСНЫ СТОЯТ...»

В сентябре 1835 года, находясь в Михайловском, А.С. Пушкин написал стихотворение «Вновь я посетил...» (III, 1; 399–400). Позднее поэт готовил его для публикации в «Современнике» под названием «Сосны»:

...На границе

Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят — одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко, — здесь, когда их мимо
Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал. По той дороге
Теперь поехал я и пред собою
Увидел их опять. Они все те же,
Все тот же их, знакомый уху шорох —
Но около корней их устарелых
(Где некогда все было пусто, голо)
Теперь младая роща разрослась,
Зеленая семья; кусты теснятся
Под сенью их как дети. А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ,
Как старый холостяк, и вокруг него
По-прежнему все пусто...

25 сентября 1835 года в письме к жене Пушкин отметил, что «...около знакомых старых сосен поднялась, во время моего отсутствия, молодая, сосновая семья, на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, на которых уже не пляшут...» (XVI, 50).

В феврале 1837 года Александр Иванович Тургенев, после похорон Пушкина посетив Михайловское, «осмотрел... и две любимые сосны

поэта, кои для русских будут то же, что дерево Тассо под Ватиканом для Италии и для всей Европы»¹.

В 1859 году литератор К.Я. Тимофеев увидел тоже две сосны. Как объяснил ему настоятель Святогорского монастыря, вероятно иеромонах Гавриил, «третья [сосна] уже давно срублена. Дерево понадобилось для монастырской мельницы»².

В 1866 году Михаил Иванович Семевский писал: «...одну [сосну] лет пять назад срубил староста села Михайловского и продал ее за 5 руб. на мельницу. Он уверял, что имеет на это полное право, так как дерево стояло на самой меже земли сел Тригорского с Михайловским; причем, будто бы и полдерева стоит на земле сельца Михайловского. Осиroteльные две сосны стоят еще: одна из них разветвлением своих стволов совершенно походит на лиру»³.

Известен рисунок с изображением двух сосен, вероятно, сделанный псковским художником И.С. Ивановым⁴.

В 1874 году газета «Новое время» сообщила, что «в Михайловском в живых осталась только одна пушкинская сосна, но и эта смотрит настоящим инвалидом, сучья все уничтожены, зелени — ни веточки, только один большой ствол, дряхлый-предряхлый, покрытый толстой корой»⁵.

¹ А.И. Тургенев — А.И. Нефедьевой, 9 февраля 1837, Санкт-Петербург. В оригинальном тексте: «...я съѣздила въ деревню Пушкина, за $\frac{1}{4}$ часа по дорогѣ отъ нихъ, а прямо и ближе, осмотрѣла домикъ, садъ, гульбище и двѣ любимыя сосны Поэта, кои для Русскихъ будуть тоже, что дерево Тасса надъ Ватиканомъ для Италии и для всей Европы» (цит. по: Пушкин и его современники: материалы и исследования. Вып. 6. СПб., 1908. С. 73).

² Тимофеев К.Я. Могила Пушкина и с. Михайловское // Журнал Министерства народного просвещения. 1859. Т. 103. Т. VIII. Отд. II. С. 104.

³ Семевский М.И. Прогулка в Тригорское // Любовный опыт пушкинской эпохи. М., 1994. Т. 1. С. 206.

⁴ Иванов Илья Степанович (1797–1846) — ученик чертежного училища межевого департамента при Сенате, с 1821 года — землемер Гдовского уезда, с 1830-го — псковский губернский землемер. В 1837 году открыл в Пскове собственную литографическую мастерскую, в которой были выпущены созданные им две тетради литографий с видами Пскова и его окрестностей. Летом 1837 года по поручению псковского губернатора А.И. Пещурова выполнил рисунок могилы А.С. Пушкина и вида домика в Михайловском. Более ранние виды пушкинской усадьбы неизвестны, а в 1860 году домик поэта был сломан, поэтому рисунок Иванова стал настоящим раритетом.

⁵ Гейченко С.С. У Лукоморья. Л., 1981. С. 233.

Весной 1899 года Юлию Михайловичу Шокальскому, внуку А.П. Керн, «случилось... быть в деревне и заехать к Григорию Александровичу [Пушкину]»⁶. Ю.М. Шокальский отмечал, что «перед Михайловским дорога взбирается на небольшую возвышенность, где еще не так давно стояли «три сосны»; из них последнюю я особенно хорошо помню: толстая, слегка наклоненная, со сломанною верхушкою, она долго жила в таком виде, пока в июле 1895 года ее не сломало окончательно бурею»⁷.

*Последняя из «трех сосен», воспетых А.С. Пушкиным
в элегии «Вновь я посетил...».
Фото А.К. Красуского. 1890-е годы.
Из фондов Пушкинского Заповедника*

⁶ Пушкин Г.А. Личные воспоминания Ю.М. Шокальского // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. IV. СПб., 1906. С. 194.

⁷ Там же.

Летом 1898 года в Михайловском у Г.А. Пушкина побывал поэт, прозаик, публицист Степан Гаврилович Скиталец (Петров). Г.А. Пушкин рассказал ему о судьбе последней сосны: «Когда буря сломала ствол последней сосны и остался только ее высокий остряк, я увидел, что она сделалась опасной для людей, и с болью в сердце приказал срубить ее, а ствол сохранить у себя в кабинете. Перед тем как все это проделать, я пригласил фотографа и заказал ему сделать снимок»⁸.

Было сделано «несколько отпечатков снимка: один остался в Михайловском, другой подарен Осиповым в Тригорское, третий послан в Академию наук, а четвертый в 1899 году, в день празднования столетия со дня рождения Александра Сергеевича, был подарен Пскову»⁹. Речь идет о фотографии 1890 года, сделанной А.К. Красуским¹⁰.

Художник В. Максимов, находясь в Михайловском в конце XIX века, создал рисунок «Пушкин у трех сосен». Как указывает Ф.А. Васильев-Ушкуйник в своей работе «Пушкинские уголки Псковской губернии» (1924), «нет оснований полагать, что это точное изображение знаменных сосен. Скорее это фантазия художника, так как уже в 80-х годах о соснах имелись только воспоминания».

Когда в июле 1895 года погибла последняя из «трех сосен», сын поэта Григорий Пушкин, живший в то время в селе Михайловском, позаботился о том, чтобы сохранить о них память.

В 1899 году была опубликована статья журналиста А. Яблоновского «Поездка в Михайловское. У Григория Александровича Пушкина», где сын поэта признается: «...я храню ствол одной из старых, сломанных бурею сосен, о которых он [А.С. Пушкин] писал»¹¹.

После продажи родового имения, переезжая в Маркучай¹², сын поэта взял с собой и часть ствола сосны, до того хранившуюся в его

⁸ Гейченко С.С. У Лукоморья. С. 234.

⁹ Там же.

¹⁰ Об А.К. Красуском подробнее см.: Ступина Е. Александр Константинович Красуский: к биографии автора фотографий из собрания Пушкинского Заповедника // Михайловская пушкиниана. Вып. 76. Сельцо Михайловское, 2019. С. 200–235.

¹¹ Яблоновский А. Поездка в Михайловское. У Григория Александровича Пушкина // Сын Отечества. 1899.

¹² Подробнее об усадьбе Маркучай, или Маркутье, в которой жил Г.А. Пушкин: Коницкая М. Культурное наследие русской усадьбы в Литве // Михайловская пушкиниана. Вып. 78. Сельцо Михайловское, 2020. С. 137–143.

кабинете. Правда, большой кусок ствола сосны он оставил Псковскому Пушкинскому комитету, в ведение которого Михайловское перешло в 1899 году.

В начале XX века кусок сосны, который остался в Михайловском, находился в Домике няни. Как отмечал Г.Я. Есипович, автор брошюры «На родине поэта» (1902), «в домике находится обрубок пня от одной из трех сосен, упоминаемых Пушкиным в элегии «Опять на родине» (III, 1; 399). Такой же обрубок взял с собою в Вильну сын поэта, Григорий Александрович Пушкин. Обрубок этот от времени значительно истлел и также подвергается ампутации со стороны немилосердных посетителей и представляет собою обструганный со всех сторон кусок соснового дерева».

Гаррис в книге «Уголок Пушкина» (1923) подтверждает: «...в одной из этих комнаток [Домика няни] стоял на подоконнике обрубок сосны, высотой около полуаршина, который все называли частью «Пушкинской сосны». Насколько он был подлинный, удостовериться невозможно, но с этим связана трогательная история. Рассказывали, что раньше эта реликвия хранилась в прежнем барском доме, и вот, когда дом загорелся, сын местного помещика, некий Княжевич, молодой человек, страстный поклонник Пушкина, который прискакал на пожар в Михайловское, бросился, рискуя жизнью, в пылающий дом, чтобы спасти этот обрубок».

Вероятно, обрубок сосны из Домика няни действительно был спасен во время пожара в селе Михайловском 23 июля 1908 года и, возможно, Сергеем Александровичем Княжевичем, жившим в соседнем селе Петровском. По мнению В.Г. Никифорова, «...именно он 13-летним мальчишко... прискакал на лошади из Петровского в Михайловское, с риском для жизни бросился в горевший дом поэта, вынес кусок сосны... Пожар произвел на него большое впечатление, и, став взрослым, он возглавил пожарную дружину в своем сельце Петровском»¹³.

О фрагменте сосны также упоминает Леонид Иванович Софийский: «На одном из подоконников [Домика няни] лежит лишь кусок срубленной лет 17 тому назад сосны из числа оставшихся тогда тех трех сосен,

¹³ Никифоров В.Г. Владельцы сельца Петровского — Моллеры, Компанионы, Княжевичи // В.Г. Никифоров. Земли родной минувшая судьба. История усадеб Пушкинского уголка и судьбы их обитателей / Михайловская пушкиниана. Вып. 17. Сельцо Михайловское — М., 2001. С. 248.

которые находились близ дороги от с. Михайловского по направлению к с. Тригорскому»¹⁴.

Вероятно, этот же фрагмент имеет в виду Петр Митрофанович Устимович в книге «Михайловское, Тригорское и могила Пушкина» (1927), отмечая, что «небольшой чурбанчик от сосны имеется и в музее в Михайловском».

В Пушкинском Заповеднике хранится «кусок сосны из Михайловского (остаток одной из трех сосен, любимых Пушкиным)»¹⁵. Это вырез (часть) ствола с большим круглым неровным наплытом, длиной 62 см, диаметром ствола 30 см.

Об этом же куске сосны писал С.С. Гейченко: «...большой, округлой формы, напоминающий нарост, какие бывают на ствалах очень старых сосен. Он весь оципан паломниками, отдиравшими щепотки древесины себе на память еще в те годы, когда эта реликвия была чуть не единственным экспонатом музея»¹⁶.

Другая часть ствола одной из старых, сломанных бурей сосен, которую Г.А. Пушкин вывез в Литву, в имение своей жены Варвары Алексеевны Мельниковой, долгое время хранилась в господском доме. Около 1934 года фотограф В. Добровольский сделал снимок этого куска сосны.

Позже некий П. Шмаков вывез «2-метровый ствол» в неизвестном направлении, оставив расписку от руки, датированную 16 октября 1939 года.

*Кусок сосны из села Михайловского (?).
Остаток последней из «трех сосен».
Фото Н.В. Алексеевой. 2005 год*

¹⁴ Софийский Л.И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914). Псков, 2004. С. 195.

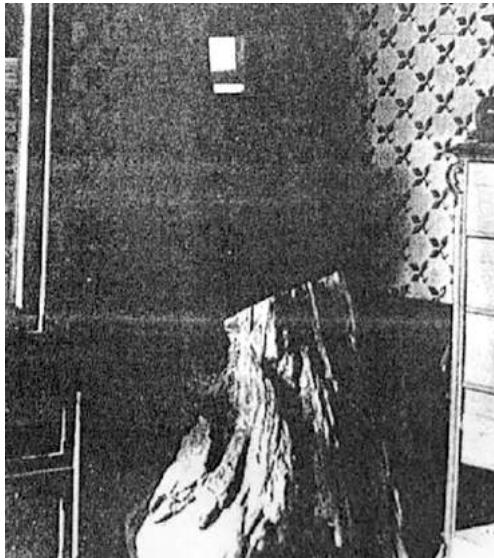
¹⁵ Фондовый отдел Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское». ПЗ-393-осн. ф.

¹⁶ Гейченко С.С. Приют, сияньем муз одетый. М., 1986. С. 233.

В ней идет речь об имуществе, взятом «временным управлением гор. Вильнюса из имения «Маркуте» по ул. «Субочь», 118 для пополнения Пушкинского музея СССР». Наряду с другими предметами в расписке П. Шмакова под № 3 упоминается «сосновый пень — 1 (один)»¹⁷.

Кроме того, Г.А. Пушкин оформил несколько фрагментов сосны в виде небольших прямоугольных прессов с прикрепленными к ним серебряными пластинами.

На верхней пластинке выгравированы строки:

*Сосновый пень последней из «трех сосен».
Маркучай (Литва).*

*Фото В. Добровольского. Около 1934 года.
Литературный музей А.С. Пушкина (Вильнюс)*

На границе
Владений дедовских,
на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят — одна поодаль, две
другие
друг к дружке близко...
(III, 1; 400)

¹⁷ Архив Литературного музея А.С. Пушкина (Вильнюс). Список Шмакова. Из письма главного хранителя фондов Дайноры Аукштакене автору (Коржову А.О.) от 18.08.2005.

На нижней серебряной пластине надпись: «Часть последней сосны, сломанной бурей 5-го июля 1895 года. Село Михайловское».

По мнению С.С. Гейченко, было сделано «несколько маленьких брусков-сувениров» и Г.А. Пушкин «послал их своему брату Александру, сестре Наталье — графине Меренберг, жившей в Германии, своему племяннику — сыну сестры жены Н. Волоцкому, Ю.М. Шокальскому, М.А. Филофьевой — сестре жены Григория Александровича, а также Академии наук, Лицею и поэту К.К. Случевскому»¹⁸. Таким образом, С.С. Гейченко пишет о восьми адресатах, которым был доставлен данный сувенир.

В.М. Русаков считает, что «точное количество изготовленных сувениров неизвестно, поскольку из ствола сосны сын поэта нарезал около десятка брусков...»¹⁹

В 1899 году Г.А. Пушкин признался журналисту А. Яблоновскому: «Посадил я на месте трех известных сосен другие сосны — кричат: ван-

Пресс-папье из куска последней из «трех сосен», сломанной бурей 5 июля 1895 года.

Дар Я.М. Лебедевой
Пушкинскому Заповеднику.
Фото Н.В. Алексеевой. 2007 год

¹⁸ Гейченко С.С. У Лукоморья. С. 234–235.

¹⁹ Русаков В.М. Рассказы о потомках А.С. Пушкина. Л., 1982. С. 84.

Клеймо «М. Овчинников». Фрагмент верхней серебряной пластины
с пресс-папье из куска последней из «трех сосен».
Дар Я.М. Лебедевой Пушкинскому Заповеднику.
Фото Н.В. Алексеевой. 2007 год

дал, он не ценит памяти отца, он посадил какая-то чахлыя, ни на что не похожия сосны!»²⁰

Сохранилось несколько преданий о судьбе деревьев, посаженных Г.А. Пушкиным: «Одно из них говорит, что долго стояли сосны, привлекая внимание посещающих Уголок. А так как они росли «на границе владений дедовских», то у сына поэта Григория Александровича вышел спор с соседом — кому же принадлежат сосны: каждому хотелось иметь их на своей земле. Видя, что правда на стороне Пушкина, сосед поджог их, и сосны погибли»²¹.

²⁰ Яблоновский А. Поездка в Михайловское. У Григория Александровича Пушкина.

²¹ Васильев-Ушкуйник Ф.А. Пушкинские уголки Псковской губернии. М., 1924. С. 61–62.

Другая легенда гласит, что «сосны сожжены пастухами, разводившими костер под ними». Это предание бытовало в начале XX века в различных интерпретациях. В.В. Тимофеева (Починковская) в записной тетради под 19 февраля 1918 года отмечала, что «три сосны» были сожжены «когда-то не то пастухами, не то голодными пахарями, в надежде извлечь для себя новый клочок земли для посева». Далее В.В. Тимофеева (Починковская) пишет:

«...я возвращаюсь... мимо потомства тех самых сосен, о которых так задушевно и грустно мечтал поэт в родном своем «уголке»:

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучий поздний возраст
...
И обо мне вспомянет...

Листок этих стихов, переписанных мною по поручению председателя Пушкинского комитета, С.И. Зубчанинова, в мае 1914 года для столба с доской (а потом и для гравировки на камне) возле «Трех сосен», так и остался мне на память...»

Петр Митрофанович Устимович писал, что «здесь по правую сторону небольшая сосновая рощица — потомство «младого незнакомого племени», «старый холостяк» давно погиб. Остатки его много лет тому назад погибли в огне костра, забытого у его корней пастухами»²².

Эти же сведения приводит и Ольга Владимировна Ломан: «Сосен уже нет, они давно погибли от неосторожно оставленного пастухами костра»²³.

Третья легенда «вмешала в историю сосен народ. Мужики очень интересовались, почему это «господа» всегда спрашивают про три сосны, и решили, что под ними есть клад. И несколько смельчаков решились добыть его. Копали, копали, подкопали под соснами ямы: клада не нашли, а сосны упали»²⁴.

Версию гибели трех сосен приводит и Константин Георгиевич Паустовский в рассказе «Михайловские рощи» 1937 года: «...еще до

²² Устимович П.М. Михайловское, Тригорское и могила Пушкина. Л., 1927. С. 36.

²³ Ломан О.В. По пушкинским местам. Калинин, 1937. С. 65.

²⁴ Васильев-Ушкуйник Ф.А. Пушкинские уголки Псковской губернии. М., 1924. С. 62.

революции две сосны сожгла молния, а третью спилил ночью мельник-вор из сельца Зимари»²⁵.

Итак, в каком году и по какой причине погибли три сосны, посаженные в конце XIX века Г.А. Пушкиным, точно неизвестно. Согласно наиболее распространенной версии, три сосны погибли в огне.

В 1936 году «на месте любимых пушкинских сосен» были «подсажены три молодые сосны так, как они были при Пушкине»²⁶. Этому событию предшествовала работа директора Пушкинского Заповедника Василия Захаровича Голубева и работников Заповедника, которые, опираясь на Геометрический специальный план сельца Михайловского 1786 года и, «собрав все имеющиеся материалы... (высказывания Пушкина, зарисовки художников, фотографии 1890 года А.К. Красуского), дополнили их опросом местных старожилов и установили довольно точно место давно исчезнувших трех сосен»²⁷.

По мнению В.З. Голубева, место трех сосен находилось «по дороге из Михайловского в Тригорское, почти на самой границе бывших владений деда Пушкина О.А. Ганнибала, тригорского помещика А.М. Вынandomского и других смежных владельцев... На Геометрическом плане 1786 года на месте, где произведена посадка трех сосен [в 1936 году], показана деревня Рысцова. Местные старожилы не помнят такой деревни, поэтому, вспоминая о месте трех сосен, они ни словом не обмолвились о деревне Рысцовой... По другую сторону от трех сосен теперь поднялся молодой лес. При внимательном осмотре площади, занимаемой этим лесом, мы обнаружили под толстым слоем земли, мха прямугольные очертания площадок изб и хозяйственных построек, ямы, очевидно бывших погребов, камень и кирпич. Но все это закрыто плотно растущими соснами, кое-где возле дороги сохранились пни старых сосен, сфотографированных в 90-е годы прошлого века.

Все это дает основание утверждать, что три сосны, посаженные крепостными Ганнибала, росли, как часто бывает в деревнях, возле крестьянских изб, но вот по воле барина крепостных людей вместе с их избами переселили в другое место, деревни не стало, а три сосны

²⁵ Паустовский К.Г. Михайловские рощи. М., 1966. С. 259.

²⁶ Ломан О.В. По пушкинским местам. Калинин, 1937. С. 65.

²⁷ Голубев В.З. Из истории Пушкинского заповедника // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 6. М. — Л., 1941. С. 391.

*Место трех сосен по дороге из села Михайловского в село Тригорское.
Фотография 2000-х годов*

осиротельные остались стоять — «одна поодаль, а две другие друг к дружке близко», и около них «все было пусто, голо»²⁸.

Галина Гернет, посетившая Пушкинский Заповедник в 1937 году, отмечала, что «на песчаном косогоре посадили новые молоденькие сосенки. Вокруг сделана изгородь из тонких дощечек. Дощечки были связаны белыми и красными тряпочками. Красные привязывали для отпугивания коров»²⁹.

В 1937 году М.Н. Муравейский сфотографировал место трех сосен. Сами сосны, посаженные в 1936 году, на фотографии не видны. Однако хорошо видны две дороги, по одной из которых (вероятно, в направлении Тригорского) идет женщина. Эти три сосны погибли в годы Великой Отечественной войны (1941–1945).

Существующие ныне «Три сосны» были высажены в 1947 году в возрасте двенадцати лет. Это уже четвертые по счету сосны, и располагаются они как у Пушкина: «Одна поодаль, две другие друг к дружке близко...»

²⁸ Голубев В.З. Из истории Пушкинского заповедника. С. 391.

²⁹ Гернет Г. Три дня в Михайловском // Мир Паустовского. 1999. № 14. С. 116.

Алексей Коржов

ИСТОРИЯ ЗАХОРОНЕНИЙ СВЯТОГОРСКОГО МОНАСТЫРЯ: МОГИЛА А.С. ПУШКИНА И НЕКРОПОЛЬ У АЛТАЯ СВЯТО-УСПЕНСКОГО СОБОРА

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

А.С. Пушкин. «Два чувства дивно близки нам...»
1830 (III, 1; 242)

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.

А.С. Пушкин. «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»
1829 (III, 1; 195)

29 января (10 февраля) 1837 года в 14 часов 45 минут А.С. Пушкин умер в Санкт-Петербурге.

Литературный критик, публицист М.Н. Катков позднее напишет: «Смерть постигла Пушкина на высоте его творчества, в полноте его сил. Жизнь его не кончилась, она была прервана, как прерывается музыка, когда порвется струна»¹.

3 (15) февраля в полночь гроб с телом Пушкина, сопровождаемый А.И. Тургеневым, Н.Т. Козловым² и жандармским полковником

¹ Катков М.Н. О Пушкине. М., 1900. С. 102.

² Козлов Никита Тимофеевич (1758 — не ранее 1854) — «дядька» поэта, служивший Пушкину на протяжении всей его жизни. Исполнял самые разные поручения, в том числе относил рукописи в цензуру и в типографию. На долю его выпала печальная участь — перенести раненого на дуэли Пушкина из кареты в квартиру. «Грустно тебе нести меня?» — спросил его Пушкин. В ночь с 9 (13) на 9 (14) февраля 1837 года Никита Козлов вместе с А.И. Тургеневым выехал с телом Пушкина в Святогорский монастырь и не покидал своего «доброго барина» до самой могилы. Пушкин называл своего дядьку «благообразный служитель».

Ракеевым, был тайно отправлен из Петербурга в Свято-Горский монастырь.

Позднее Ракеев рассказывал: «Я препровождал... Назначен был шефом нашим препроводить тело Пушкина. Один я, можно сказать, и хоронил его. Человек у него был... что за преданный был слуга! Смотреть даже было больно, как убивался. Привязан был к покойнику, очень привязан. Не отходил почти от гроба: ни ест, ни пьет»³.

4 (16) февраля в 9 часов вечера гроб с телом Пушкина доставлен в Псков.

В ночь с 4 на 5 февраля гроб с телом поэта отправлен из Пскова в Свято-Горский монастырь.

Вечером 5 (17) февраля траурный поезд прибыл в Свято-Горский монастырь XVI века (по дороге заехав в Тригорское).

6 (18) февраля 1837 года, рано утром, в 6 часов, состоялась панихида и захоронение тела А.С. Пушкина в присутствии А.И. Тургенева, двух дочерей хозяйки села Тригорское Прасковьи Александровны, Н.Т. Козлова и крестьян из Михайловского и Тригорского, «но так как в это время земля была мерзлая, то, по спешности дела, смоляной ящик просто зарыли в снег, и уже весною,

Ф.А. Бруни. Пушкин в гробу.

30 января 1837 года

А. Наумов. Траурный возок несет гроб с телом А.С. Пушкина в обитель. 1894 год

³ Михайлов М.И. Из дневника // Русская старина. 1906. Т. 127. С. 391.

когда земля оттаяла, он был закопан в землю; может быть, тогда же и построен кирпичный склеп. Рассказывали, что когда рыли могилу, то найден был труп неизвестного человека, погребенного ранее, труп этот оставили на месте, а могилу несколько отодвинули вбок...»⁴

В феврале 1837 года тринадцатилетняя барышня из села Тригорское Екатерина Осипова (как и ее сестра, Мария Осипова) оказалась свидетельницей похорон Пушкина в Святых Горах. Это событие запомнилось ей на всю жизнь. Позднее, в 1898 году, Е.И. Осипова (в замужестве Фок) рассказывала:

«В ту зиму морозы стояли страшные. Такой же мороз был и 15 февраля 1837 года. Матушка недомогала, и после обеда, так часу в третьем, прилегла отдохнуть.

Вдруг видим в окно; едет к нам возок с какими-то двумя людьми, а за ним длинные сани с ящиком. Мы разбудили мать, вышли на встречу гостям: видим, наш старый знакомый, Александр Иванович Тургенев.

По-французски рассказал Тургенев матушке, что приехали они с телом Пушкина, но, не зная хорошенъко дороги в монастырь и перезябши вместе с везшим гроб ямщиком, приехали сюда. Какой ведь случай! Точно Александр Сергеевич не мог лечь в могилу без того, чтобы не проститься с Тригорским и с нами.

Матушка оставила гостей ночевать, а тело распорядилась везти теперь же в Святые Горы вместе с мужиками из Тригорского и Михайловского, которых отрядили копать могилу. Но ее копать не пришлось: земля вся промерзла, — ломом пробивали лед, чтобы дать место ящику с гробом, который потом и закидали снегом.

Наутро, чем свет, поехали наши гости хоронить Пушкина, а с ними и мы обе — сестра Маша и я, чтобы, как говорила матушка, присутствовал при погребении хоть кто-нибудь из близких. Рано утром внесли ящик в церковь, и после заупокойной обедни всем монастырским клиром, с настоятелем, архимандритом, столетним стариком Геннадием во главе, похоронили Александра Сергеевича в присутствии Тургенева и нас, двух барышень.

Уже весной, когда стало таять, распорядился Геннадий вынуть ящик и закопать его в землю уже окончательно.

⁴ Васильев И.И. Следы пребывания А.С. Пушкина в Псковской губернии. СПб., 1899. С. 10.

Склеп и все прочее устраивала сама моя мать, так любившая Пушкина, Прасковья Александровна. Никто из родных так на могиле и не был. Жена приехала только через два года, в 1839 году»⁵.

А.И. Тургенев, который сопровождал гроб с телом Пушкина от Санкт-Петербурга, вспоминал: «...часу в 7 утра мы опустили его в землю. Я взял несколько горстей сырой земли и несколько сухих ветвей растущего близ могилы дерева для друзей и для себя, а для вдовы — просвиру...»⁶

В стихотворении «Памяти Пушкина» Е.П. Зайцевский запишет:

...Я мысленно перед могилой
Твоей колени преклонил
И прах святой, России милый,
Слезами скорби оросил...

Неизвестный автор 7 февраля 1837 года в Санкт-Петербурге напишет «Думу на смерть Пушкина», где есть такие строки:

...Он спит под сенью благодатной!
Да будет Мекко для нас
Святой Горы песок отрадный!..

Один из первых рисунков могилы А.С. Пушкина был создан П.А. Осиповой⁷. 31 декабря 1839 года ей пишет Г.А. Строганов:

«Милостивая государыня Прасковья Александровна. Вдова Александра Сергеевича Пушкина, желая воздвигнуть надгробный памятник над могилою его, поручила мне, как родственнику и опекуну детей ее, собрать описание и хотя очерк места могилы Александра Сергеевича, — дабы сообразно тому можно было сделать приличнее самый памятник.

Так как нам известны дружественные Ваши отношения к Александру Сергеевичу, которые сохранял он в течение всей жизни своей, то

⁵ См.: *Фок Е.И.* Рассказы о Пушкине, записанные В.П. Острогорским.

⁶ А.И. Тургенев — А.И. Нефедьевой. Санкт-Петербург, 9 февраля 1837 года // Пушкин и его современники: материалы и исследования. Вып. 6. СПб., 1908. С. 73.

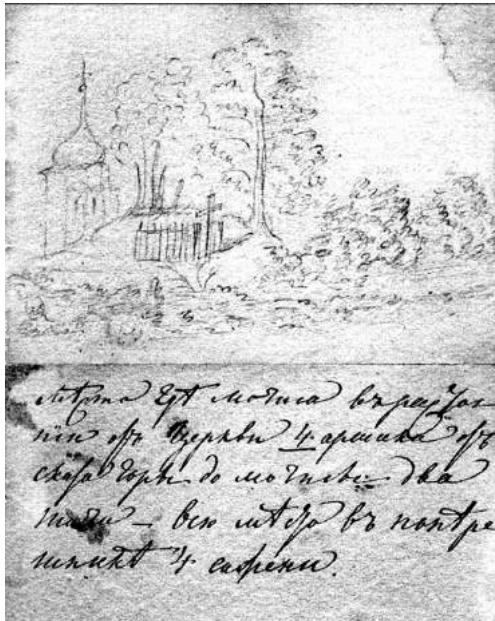
⁷ В наши дни копия рисунка представлена в комнате П.А. Осиповой в доме-музее Осиповых — Вульф села Тригорского.

я в полной уверенности на содействие Ваше к совершенению последнего долга покойному до- зволяю себе обратиться к Вам с покорнейшею просьбою сообщить мне хотя поверхностный ри- сунок с кратким описанием места, где ныне по- коятся бренные остатки Александра Сергеевича. В случае затруднения, рисунок сей может быть сделан даже очерком в ка- рандаше.

С совершенным по- чтением и таковою же преданностию имею честь пребыть...»⁸

В 1837 году П.Ф. Соколов, «известный живописец, родоначальник русской акварельной живописи»⁹, создал рису- нок могилы Пушкина, где также виден православный крест и алтарь Свято-Успенского собора.

В начале 1837 года землемер Илья Степанович Иванов (1797–1848) открыл в Пскове собственную литографию. Летом 1837 года он был послан губернатором Пещуровым (выполнившим просьбу близ- ких А.С. Пушкина) снять два вида могилы поэта и домика в Михайловском. Два графических листа в числе восьми, «снятых с натуры»

⁸ Летописи Государственного Литературного музея. Кн. 5. Архив опеки Пушкина. М., 1939. № 21. С. 299.

⁹ Русский биографический словарь / изд. под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А.А. Половцова. СПб., 1909. Т. 19. С. 66.

Вид могилы А.С. Пушкина при Святогорском монастыре, вскоре после погребения.

По рисунку П.Ф. Соколова (1837).

Из собрания П.А. Ефремова¹⁰

сторы (с автопортретом художника), сельцо Михайловское (с изображением А.С. Пушкина верхом, П.А. Осиповой в карете) и другие изображения.

Поэт и критик П.А. Плетнев, один из друзей Пушкина, навестивший его могилу в 1838 году, описал ее так:

¹⁰ Острогорский В.П. Пушкинский уголок: альбом. М., 1899. С. 104–105.

¹¹ Антипова Р.Н., Лагунин И.И. Иванов Илья Степанович / Псковский биографический словарь. Псков, 2002. С. 198–199.

¹² Галерея видов города Пскова и его окрестностей, снятых с натуры, издаваемая псковским губернским землемером Ивановым. 1838. С. 6.

и переведенных на камень литографом П.А. Александровым, были отпечатаны в собственной литографии Иванова.

В 1837–1838 годах вышли в свет две тетради литографий «Галерея видов города Пскова и его окрестностей». Тексты описаний, сопровождающих листы, также были составлены Ивановым, использовавшим материалы Е. Болховитинова¹¹.

В первую тетрадь вошло изображение и описание Святогорского монастыря с могилой Пушкина, где видна «с большим черным крестом близ церковного алтаря… могила сильнейшего из наших поэтов, Александра Сергеевича Пушкина»¹².

Во вторую тетрадь вошли Печерский мона-

стырь (с автопортретом художника), сельцо Михайловское (с изображе-

Акварель А.С.Пушкина

Свято-Успенский монастырь.

Составлен в 1837 году с оригинальных акварелей А.С.Пушкина.

Свято-Успенский монастырь с изображением могилы А.С. Пушкина. 1837 год.

Галерея видов города Пскова и его окрестностей, снятых с натуры,
издаваемая псковским губернским землемером Ивановым. 1837. С. 5

«Площадка — шагов в 25 по одному направлению и около 10 по другому.

Она похожа на крутой обрыв. Вокруг этого места растут старые липы и другие деревья, закрывая собою вид на окрестность.

Перед жертвеником есть небольшая насыпь земли... Она укреплена дерном. Посредине водружен черный крест, на котором из белых букв складывается имя «Пушкин».

Рисунок с надписью внизу «Могила Пушкина. 1840» хранится в Российской национальной библиотеке.

Но могила Пушкина на рисунке просматривается с трудом. Видна лестница, ведущая к Свято-Успенскому собору, и среди деревьев — могила поэта.

В 1853 (?) году И.А. Клюквин с оригинала художника П.Ф. Соколова создал литографию «Могила Пушкина при монастыре Свято-горском». На литографии изображена могила поэта в монастыре в ее

первоначальном виде, до установки памятника. Принято считать, что в сидящем у могилы путнике художник П.Ф. Соколов изобразил самого себя¹³.

Мысль о надгробном памятнике была высказана через две недели после гибели Александра Сергеевича.

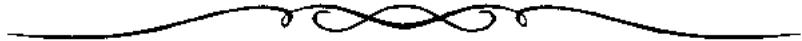
Н.А. Полевой писал: «Неужели же не сделаем ничего для почтения памяти поэта? Наш долг — ознаменовать воспоминание о Пушкине памятником, достойным его славы и русской чести... Пусть каждый из нас, кто ценил гений Пушкина, будет участником в сооружении его гробового памятника! Наши художники вспыхнут вдохновением, когда мы потребуем от них труда, достойного памяти поэта. И в мраморе или в бронзе станет на могиле монумент — свидетель того, что современники умели его ценить. И сильно забьется сердце юноши при взгляде на этот мрамор, на эту бронзу. И тихо задумается странник, зашедший в ветхие стены уединенной Святогорской обители, где почнет незабвенный прах первого поэта нашей славной Русской земли!»¹⁴

*Могила А.С. Пушкина
в ее первоначальном виде при монастыре
в Святогорске. Слитографии
И.А. Клюквина (1840 или 1853)
по рисунку П.Ф. Соколова (1837)*

¹³ Портреты, мысли, имена... Мир Пушкина в гравюрах и литографиях коллекции Я.Г. Зака. М., 2005. С. 20.

¹⁴ Полевой Н. Очерки русской литературы. СПб., 1839. Ч. 1. С. 229.

В 1840 году памятник был заказан Н.Н. Пушкиной «в Петербурге каменных дел мастеру А. Пермагорову». Материал — итальянский мрамор.

В ноябре 1840 года посмотреть монумент к мастеру приезжали Наталья Николаевна, графы М.Ю. Виельгорский и Г.А. Строганов. Памятник всем понравился, и было решено отправить его в Святые Горы.

Согласно Счету по сооружению и отправке Псковской губернии в монастырь Святые Горы надгробного, покойному Александру Сергеевичу г. Пушкину мраморного памятника от 31 декабря 1840 года, «С.-Петербургскому монументальному цеху мастеру Александру Пермагорову по условию 1-го марта 1840 года заплачено за дело и укупорку в ящик памятника 2 300 рублей,

Подрядчикам Гусеву и Семенову за доставку памятника в Монастырь Святые Горы 491 рубль 50 копеек.

Служителю Михаилу Калачникову выдано на расходы по постановлению того памятника на месте 75 руб[лей], на содержание его (Калачникова) в пути на месте и при обратном проезде в Петербург (на два месяца) 60 р[ублей], на платеж за подводу при проезде обратно в Петербург 15 р[ублей], итого 150 рублей»¹⁵.

10 декабря все детали были упакованы в несколько ящиков и погружены на семь подвод. Сопровождали обоз уже упомянутые подрядчики — Сергей Гусев и Антон Семенов. Вместе с ними ехал и бывший «михайловский управляющий» Михаил Калашников.

Он вез письмо Натальи Николаевны на имя псковского губернатора Ф.Ф. Бартоломея. Вдова просила его содействия при установке памятника, так как не была уверена, что зимой, в морозы, это не будет затруднительно.

«Не лучше ли подождать весны будущего года?» — спрашивала совета госпожа Пушкина. Далее она сообщала, что в 1841 году намерена посетить псковское имение покойного мужа и рада будет встретиться с его превосходительством.

В ответном письме губернатор любезно заверил, что почитает выполнение просьбы за честь. Он также советовал отложить установку памятника до весны и пообещал всяческое свое содействие. Псковскому губернскому архитектору Ябсу, ремонтировавшему в то время святогорские древности, было дано соответствующее поручение.

¹⁵ Щеголев П.Е. Пушкин и мужики. М., 1928. С. 234–235.

Счет

О деньгах, следующих от Опеки над имением и детьми покойного А. С. Пушкина по отправке надгробного ему памятника в Монастырь Святых Горы.

	Вес пуды ф.	Цена	На сумму руб. ко.
5 Ящиков с 5 мраморными досками	190 15		
Две каменные плиты . . .	80		
		270 15	по 45 ^{б/7} к. 123. 60 серебр.
За подводу с кибиткой для Служителя Калачникова . . .	— —	13. 85 ^{б/7}	
За перевозку ящиков от мастера и за весовое . . .	— —	4. 40	
Всего . . .	— —	141. 85 ^{б/7}	

(Составляет на Ассигнации 491 руб. 50 к.).

В счет сей суммы получено нами ниже подписаннми на платеж извозчику 296 р. 60 к. ассигнациями, а остальные 203 р. ассигнациями же предоставляем ему получить от служителя Калачникова по исправной доставке на место клади. С. Петербург 10-го Декабря 1840 года. Подписали: Подрядчик, за Сергея Гусева и Антона Семенова Алексей Осипов.

По сому расчету остальные деньги 200 р. ассигн. на платеже извозчикам получил 10 декабря 1840 г. Михайло Калачников.

Счет под № 2

№ 3

1840 года Декабря 10 дня Получено мною из Опеки над детьми и имением покойного Александра Сергеевича Пушкина, на расходы по постановлению на месте могилы его памятника, на содержание мое в пути, на месте и при обратном проезде в С. Петербург и на платеж извозчикам при проезде моем из Псковской Губернии в Петербург всего Сто пятьдесят рублей ассигнациями.

Подпись: Служитель Г-на Пушкина Михайло Калачников.

Расписка под № 3

Наталья Николаевна приехала с детьми в Михайловское 19 мая 1841 года. Узнав об этом, губернатор немедленно нанес ей визит. Он привез ей в подарок литографии И.С. Иванова и стихи собственного сочинения, предварительно отлитографированные и напечатанные в псковской губернской типографии:

В тени дерев, в Святых Горах,
Близ храма скромная могила
Любимого поэта прах
Покоем вечным осенила.
И крест без надписи стоит,
Зарос травой в забвеньи диком.
Но сердцу что-то говорит
Здесь о родном и о великом...
И скоро гордый мавзолей,
Украсив холм уединенный,
Укажет, где в тени ветвей
Лежит поэт наш вдохновенный.
Пройдут века! В Святых Горах
Истлеет мрамор белоснежный,
И, Пушкин! твой исчезнет прах,
Как призрак жизни безнадежной...
Но не страшится, не умрет
В твоих твореньях дивный гений,
Он быстрый свой свершит полет
До самых праздных поколений...¹⁶

Памятник на могиле Пушкина был установлен в августе 1841 года благодаря Наталье Николаевне.

По чьему проекту установлен памятник, неизвестно. Возможно, по эскизу кого-либо из друзей поэта, например В.А. Жуковского.

В этот же год (в июле 1841 года) прошли похороны М.Ю. Лермонтова, автора стихотворения «Смерть поэта». Запись в метрической книге Пятигорской Скорбященской церкви за 1841 год гласила: «Тенгинского

¹⁶ Романов А. История пушкинских мемориалов у Черной речки и в Свято-Троице // История. 2001. № 5.

пехотного полка поручик Михаил Юрьев Лермонтов 27 лет убит на дуэли 15-го июля, а 17 погребен».

Обелиск на могиле Пушкина сделан из белого мрамора; стоит он на мраморном своде, под которым урна с наброшенным покрывалом. Свод покоятся на массивном черном цоколе высотой 40 сантиметров. На нем надпись:

Александръ Сергѣевичъ
Пушкинъ
родился въ Москвѣ 26 Маія 1799 года,
скончался въ С. петербургѣ 29 Января 1837 года

Памятник украшает древневосточная символика: вверху обелиска, ниже небольшого золоченого креста — шестиконечная звезда диаметром 4 сантиметра, пониже звезды — изображение двух скрещенных и угасающих факелов, в центре — лавровый венок. На арке под нишей изображена лира, а справа и слева — по пять маленьких звездочек диаметром 2 сантиметра.

Железная ограда (ее высота 87 сантиметров) была поставлена не ранее 1841 года. В 1902 году площадку со стороны склона холма обнесли

Надпись на монументе могилы А.С. Пушкина. Фотография 2019 года

Могила А.С. Пушкина. Фотография 2000-х годов

мраморной балюстрадой по проекту псковского архитектора В.Л. Назимова¹⁷.

Начиная с 1841 года, после установки памятника на могиле Пушкина, он неоднократно появится на фотографиях и рисунках разных авторов.

В 1848 году в журнале «Иллюстрация» появляется работа Ф.Д. Стадитского (сельцо Михайловское и Свято-Троицкий монастырь), К.А. Тимофеева (могила Пушкина в селе Михайловское).

В 1853 году в «Русском художественном листке» В.Ф. Тимма¹⁸ (1820–1895) были изображены могилы русских писателей: Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, И.А. Крылова и Н.И. Гнедича, Н.А. Полевого и Н. В. Гоголя¹⁹.

¹⁷ Васильев М.Е. Музей «Свято-Троицкий монастырь». Л., 1984. С. 26.

¹⁸ Василий Федорович Тимм (1820–1895) — русский живописец и график, создатель батальных и жанровых сцен, академик Академии художеств. Издатель «Русского художественного листка».

¹⁹ Русский художественный листок. 1853. № 31.

Могилы русских писателей: Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина (вверху в центре), В.А. Жуковского, И.А. Крылова и Н.И. Гнедича (слева внизу две могилы на одном изображении), Н.А. Полевого, Н.В. Гоголя. Лист 52 х 33,7 см²⁰

В 1848 году в газете «Северная пчела» Д.И. Мацкевич опубликовал «Путевые заметки. Святогорский монастырь и сельцо Михайловское»:

«...Ганнибалы и Пушкины, жившие с давних времен в окрестностях Святогорского монастыря, усердием и пожертвованиями на монастырские церкви приобрели исключительное право погребать близ них умерших из рода своего; ветхие, полуразрушенные могилы их рассеяны вокруг Успенской церкви.

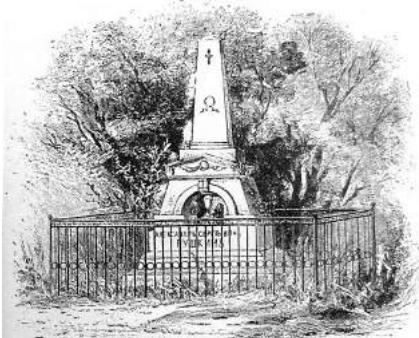
Над могилой Пушкина, близ церковного алтаря, возвышается простой изящный саркофаг из белого мрамора, осененный золоченым крестом. Надпись указывает время рождения и кончины поэта»²¹.

²⁰ Иллюстрация: Русский художественный листок. 1853. № 31.

²¹ Мацкевич Д.И. Святогорский монастырь и сельцо Михайловское. Путевые заметки // Северная пчела. 5.11.1848 (№ 249).

Могила А.С. Пушкина

Могила Пушкина въ Святохорскомъ Успенскомъ монастырѣ.

Могила А.С. Пушкина²²

*В.Ф. Тимм. Могила А.С. Пушкина
в Святохорском монастыре²³*

Сохранилось письмо М.П. Розберга, профессора русской словесности в Дерптском университете, «писанное в августе 1856 года, где, между прочим, находится описание могилы Пушкина»²⁴.

«Место его упокоения, — говорится в письме, — находится против главного алтаря и украшено, впрочем, очень скромным памятником из бело-сероватого мрамора, представляющим обелиск, в сажень высоты, над небольшой аркой, завершенный бронзовым, вызолоченным крестом...»

Могила Пушкина, осененная со всех сторон развесистыми деревьями, растущими в диком беспорядке, находится на самом краю обрыва горы, откуда открываются прелестные виды в неизмеримую даль, на окрестные поля и леса; вблизи, справа и слева, врастают в землю подернутые мохом каменные плиты, с едва уже заметными надписями, а между ними, местами, явственные выступают черты, обозначающие фамилию Ганибала, родовую матери поэта...»²⁵

²² Иллюстрация: Русский художественный листок. 1853. № 31.

²³ Иллюстрация: Русский художественный листок. 1853. № 31. С репродукции 1887 года.

²⁴ Могила Пушкина в 1856 году // Исторический вестник. Т. LXXVI. СПб., 1899. С. 751.

²⁵ Могила Пушкина в 1856 году. С. 753.

В 1873 году художник А.К. Саврасов (1830–1897), один из учредителей Товарищества передвижников, нарисовал могилу поэта.

26 мая 1880 года в связи с открытием в Москве памятника А.С. Пушкину «по распоряжению преосвященного Павла... отправлено здесь [т. е. в Свято-Троицком монастыре] соборное заупокойное богослужение о рабе Божием Александре, а на могиле его, украшенной предварительно зеленью, цветами и венками, торжественно отслужена большая панихида.

Псковское же общество 23 июля приспало в монастырь через духовную консисторию на поминование А.С. Пушкина во дни его памяти: 29 января, 26 мая и 30 августа две облигации 1-го Восточного займа: одну с 15 купонами, в 100 рублей, и одну с шестью купонами, в 50 рублей, всего на 150 рублей»²⁶.

А.К. Саврасов. Могила А.С. Пушкина в Свято-Троицком монастыре. 1873 год.
Холст, масло (?).

Государственная Третьяковская галерея

²⁶ Иоанн, игумен. Описание Свято-Троицкого Успенского монастыря Псковской епархии. П., 1899. С. 138.

26 мая 1885 года Святогорский монастырь и могилу А.С. Пушкина посетил «Его Императорское Высочество, Благоверный Великий Князь Владимир Александрович²⁷ со своей свитой»²⁸.

Сопровождавший его К.К. Случевский запишет:

«Часам к 6 вечера... увидели мы купол и колокольню Святогорского монастыря, где похоронен Пушкин... Наш поэт, как известно, родился 26 мая 1799 года, и Великий Князь поклонился его праху в самый день его рождения... тысячи народа, расположившиеся по крутым скатам Святогорских холмов... неумолкаемым «ура» и киданием шапок приветствовали Августейшего Гостя; колокола гудели неумолчно. Его Высочество, выйдя из коляски, приблизился к монастырским воротам.

Тут, на носилках, готовая к походу, обставлена блестящими хоругвями, стояла икона Одигитрии и пред ней в полном облачении, окруженный монашествующими, архимандрит Николай...

Прослушав краткое приветственное слово, приложившись к иконе и осеня себя крестным знамением, Его Высочество, по обычаю народному, прошел под нею и направился в монастырь. Подъем по лестнице к церкви крут и высок; он идет все время под навесом и, так сказать, направляет идущего прямо в церковь.

Отслушав молебен, Великий Князь посетил могилу Пушкина, находящуюся снаружи церкви со стороны алтаря, подле самой кручи монастырского холма... Панихида по рабе Божией Александре, пропетая всем собором, в присутствии Великого Князя и многих тысяч непокрытых голов людских, в самый день рождения поэта, была величественная»²⁹.

«Пушкин, как известно, за год до своей смерти подготовил себе могилу в монастыре. Когда-то заказывал он в этом самом монастыре обедню и панихиду по боярине Георгии — это значило по лорду Байрону. Пушкин несомненно молился, как молился и Байрон, потому что в конце концов без молитвы все-таки нельзя»³⁰.

²⁷ Великий князь Владимир Александрович (1847–1909) — третий сын императора Александра II и императрицы Марии Александровны (урожденная принцесса Августа София Мария Гессенская); младший брат императора Александра III (годы правления 1881–1894).

²⁸ Иоанн, игумен. Описание Святогорского Успенского монастыря... С. 83.

²⁹ Там же.

³⁰ Случевский К.К. По Северу России. М., 2009.

*Великий князь Владимир
Александрович. Фотография
Л. Городецкого. 1910-е годы*

К.К. Случевский³¹

Очерк К.К. Случевского о посещении великим князем Владимиrom Александровичем Святогорского монастыря, опубликованный в 1886 году, был украшен изображением обители с видом на «крест на могиле Пушкина до постановки памятника». Однако младший брат императора Александра III, Владимир Александрович Романов, видел на могиле поэта мраморный памятник.

17 июля 1895 года могилу А.С. Пушкина посетили вице-президент Императорской академии наук, тайный советник Леонид Николаевич Майков и попечитель Харьковского учебного округа, тайный советник Иван Петрович Хрущев.

³¹ Песни из Уголка. СПб., 1902.

Они «вложили прекрасный венок на могилу поэта» (лавровый металлический венок) с надписью «От Леонида Майкова и Ивана Хрущова»³² и заказали «панихиду над его бренными останками»³³.

В год столетия со дня рождения А.С. Пушкина (1899) «многие посетившие Святые Горы обратили внимание на опасное положение его могилы и стоящего на ней надгробного памятника»³⁴.

Журналы и газеты опубликовали изображения Михайловского, Тригорского, Святых Гор и могилы Пушкина. Среди них — журнал «Живописное обозрение», газета «Новое время» и другие.

На празднике присутствовали сыновья поэта — Григорий Александрович и Александр Александрович Пушкины.

Сохранилась фотография группы почетных гостей в Святых Горах. В первом ряду стоит старший сын поэта, Александр Александрович, рядом со своим двоюродным братом Л.Н. Павлищевым (1834–1915)³⁵.

Перед началом торжества поблизости от Святогорского монастыря был сооружен большой деревянный помост вместимостью до 400 человек, выстроено специальное здание для заседания в честь А.С. Пушкина. Украшением здания занимался художник К.В. Изенберг совместно с местным землевладельцем Л.Л. Назимовым.

Здание с внешней стороны (простенки между окнами) было украшено картинами, изображавшими сюжеты из произведений А.С. Пушкина: «Полтава», «Скупой рыцарь», «Евгений Онегин», «Руслан и Людмила», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Капитанская дочка», «Русалка», «Сцена у фонтана» — всего восемь картин, по которым с произведениями поэта должен был знакомиться простой народ.

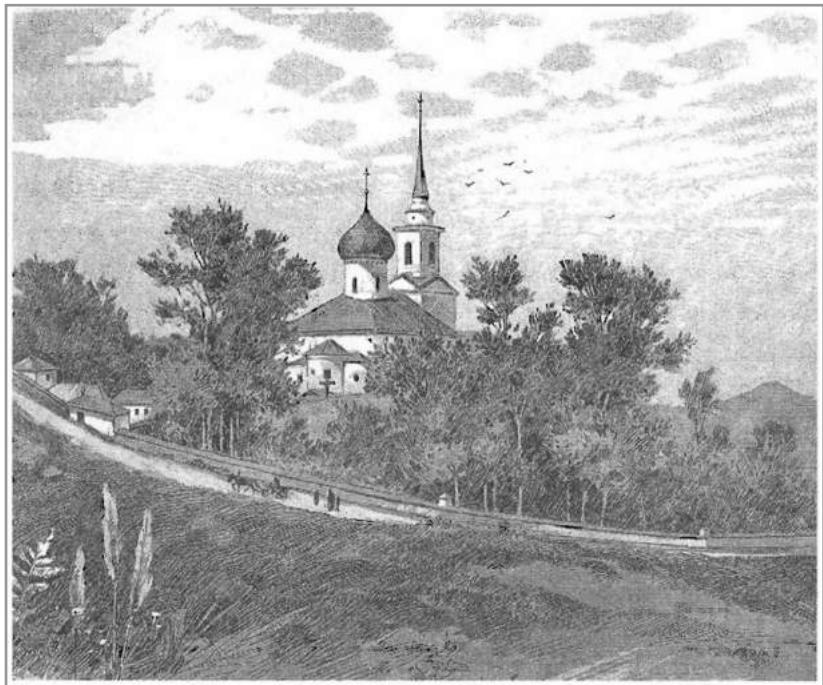
К моменту открытия торжества комиссия по приему гостей имела у себя список приезжающих, адреса квартир для их размещения, разослала программу торжеств, в которой содержалась также информация о стоимости проезда, билетов для входа на эстраду, расписание движения транспорта и другая информация.

³² Острогорский В.П. Пушкинский уголок: альбом. С. 100.

³³ Иоанн, игумен. Описание Святогорского Успенского монастыря... С. 85.

³⁴ Водовозов В.В. Обнажившийся гроб Пушкина // А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. 6. СПб., 1915. С. 336.

³⁵ Лев Николаевич Павлищев (1834–1915) — племянник А.С. Пушкина, сын Ольги Сергеевны Пушкиной (в замужестве Павлищевой), родной сестры поэта.

*Святогорский монастырь.
Крест на могиле Пушкина до установки памятника³⁶*

Количество гостей превзошло все ожидания. Они начали прибывать 24 мая, а 26 мая Святые Горы оказались переполненными. Для охраны и поддержания порядка было собрано большое число полицейских, жандармов, урядников, приставов.

Утро 26 мая 1899 года — дня официальных торжеств — выдалось дождливым. В Святогорском монастыре состоялась литургия. В собор пропускали только по специальным билетам, контролем пропусков занимался лично один из организаторов торжеств граф П.А. Гейден. Присутствовали на литургии сыновья поэта, Александр и Григорий, его племянник Л.Н. Павлищев.

³⁶ Иллюстрация: Святогорский монастырь, где покоятся прах Пушкина. Рисунок В. Полякова, автотипия Ангерера и Гешля // К.К. Случевский. По Северу России. Т. 1. СПб., 1886.

Группа почетных гостей в Святых Горах. 100-летие со дня рождения А.С. Пушкина. 1899 год. В первом ряду старший сын А.С. Пушкина – Александр Александрович Пушкин, Л.Н. Павлищев³⁷

А.А. Пушкин (1833–1914)

*Г.А. Пушкин (1835–1905).
1860-е годы*

³⁷ Иллюстрация: Февчук Л. Портреты и судьбы. Из ленинградской Пушкинианы. Л., 1990.

Л.Н. Павлищев (1834–1915)

Затем состоялась панихида на могиле А.С. Пушкина, которую украстили полевыми цветами. Для тех, кто не смог присутствовать на первой панихиде, специально организовали вторую (с участием до 300 учащихся народных школ и представителей различных делегаций, простого народа).

В 14 часов в специально выстроенном здании открылось торжественное заседание с ограниченным числом присутствовавших. Открыл его председатель комиссии Н.И. Новосильцев, выступил поэт К.К. Случевский, сравнивший А.С. Пушкина с Петром Великим, секретарь Петербургского Пушкинского комитета К.И. Арабажин, зачитавший отзывы русских писателей о Пушкине. По поручению министра просвещения Ковалевский вручил Г.А. Пушкину диплом почетного члена Румянцевского музея.

«На эти празднества, — вспоминал один из ведущих актеров Александринского театра Ю.М. Юрьев, — выехало большое количество представителей литературы, профессуры, общественности и артистического мира.

Приглашен был и я для участия в спектаклях — я должен был играть Дон Гуана из «Каменного гостя» и Самозванца из «Бориса Годунова».

Моей партнершей была весьма популярная тогда артистка Л.Б. Яворская.

Путь до Святых Гор в то время был довольно сложный: нужно было проехать поездом до станции Остров, а дальше верст около пятидесяти на лошадях...

Нам был любезно предоставлен псковским губернским предводителем дворянства графом Гейденом его экипаж, в котором разместились Л.Б. Яворская, Т.Л.Щепкина-Куперник, драматург В.В. Баратинский (муж Яворской) и наш покорный слуга.

Погода благоприятствовала, был солнечный весенний день. К вечеру мы были уже на месте назначения и застали там ранее прибывших.

Монастырское духовенство во главе с настоятелем Святогорского монастыря встретило всех и проводило к могиле поэта. Скромный, небылокий мраморный обелиск его памятника, стоящий близ церкви, отличался благородной простотой.

Мы пробыли некоторое время у могилы Александра Сергеевича, а затем, по приглашению местного духовенства, направились в так называемую трапезную, где нас ждал роскошный обед, специфически монастырский, преимущественно из рыбных яств.

А вечером, в специально для этого случая построенном деревянном театре, состоялся спектакль, где вначале выступали профессора

Могила А.С. Пушкина. Съ картин худ. Г. П. Кондратенко,
правирована Найдорф.

Могила А.С. Пушкина³⁸. Справа виден белый памятник на могиле архимандрита Геннадия II (он совершил панихиду перед погребением поэта)

³⁸ Иллюстрация: Живописное обозрение. 23.05.1899 (№ 21).

Выезд из села Михайловского

Въезд в село Михайловское³⁹

с анализом пушкинского творчества, за ними — поэты, читавшие как пушкинские, так и свои произведения. Л.Б. Яворская продекламировала лермонтовское стихотворение «На смерть поэта», В. Барятинский прочитал некоторые пушкинские произведения, переведенные им на французский язык, а в заключение нами были сыграны две сцены из «Каменного гостя» и «Бориса Годунова».

На другой день мы отправились в Михайловское... У подъезда поджидали нас хозяева: оба сына поэта, их родственники и близайшие друзья вместе с представителями псковской общественности.

Сыновья Пушкина — Александр Александрович и Григорий Александрович — были в чине генералов — один штатский, другой военный (по внешности они напоминали своего отца, чему способствовало то, что оба носили бакенбарды)...»⁴⁰

³⁹ Иллюстрации: Живописное обозрение. 23.05.1899 (№ 21).

⁴⁰ Юрьев Ю.М. Записки / ред. и вступ. ст. Е.М. Кузнецова, подгот. текста Л.И. Гительмана, примеч. Л.И. Гительмана и А.А. Штейнман. Л. — М., 1963. Т. 2. С. 91–92.

Настоятель Святогорского монастыря игумен Иоанн у могилы А.С. Пушкина. 1899 год. Справа от могилы А.С. Пушкина виден белый памятник на могиле архимандрита Геннадия⁴¹

⁴¹ Иллюстрация: Иванова В.К. «Мы въезжаем в монастырскую слободу...» Слобода Тоболенец (Святые Горы) глазами паломников и путешественников XIX — начала XX века // [Электронный ресурс: <https://vk.com/@-187048914-my-vezzhaem-v-monastyrskuu-slobodu>].

Участники юбилейных торжеств, посвященных 100-летию со дня рождения
А.С. Пушкина, в Святогорском монастыре. 1899 год⁴²

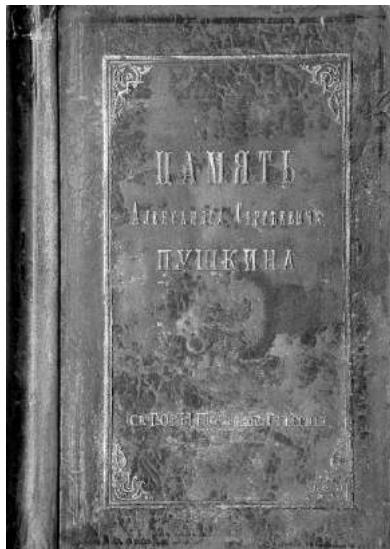
Специально организованная для народа программа на открытой сцене из-за дождливой погоды была перенесена на 27 мая. Празднества закончились 27 мая в 12 часов ночи⁴³.

В музейном фонде Пушкинского Заповедника хранится книга регистрации посетителей могилы А.С. Пушкина «Память Александра Сергеевича Пушкина. Св. Горы Псковской губернии» (1897–1926).

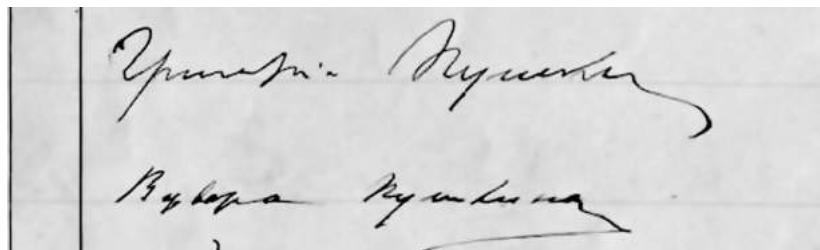
Первая запись о посещении могилы поэта, сделанная в книге епископом Псковским и Порховским Антонием, относится к 17 июля 1897 года, последняя — к сентябрю 1926-го.

⁴² Иллюстрация: Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГАКФД СПб.).

⁴³ Кузыченко А.С. Юбилейные даты и благотворительность на Северо-Западе России в конце XIX — начале XX века // Псков. 2007. № 26.

Обложка книги регистрации посетителей могилы А.С. Пушкина «Память Александра Сергеевича Пушкина. Св. Горы Псковской губернии» (1897–1926)

Автографы сына поэта (Григорий Пушкин) и его жены (Варвара Пушкина) в Книге регистрации посетителей могилы А.С. Пушкина

⁴⁴ Карл Карлович Булла (1855–1929) — портретист, мастер документальной фотографии, «отец российского фоторепортажа».

⁴⁵ Книга регистрации посетителей могилы А.С. Пушкина // Официальный сайт Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское» [Электронный ресурс: <http://pushkinland.ru/museum/vexh10/v1.php>].

Один из старожилов Пушкинских Гор, Иван Михайлович Михайлов, участвовавший в празднике со своим отцом, рассказывал: «После торжественной службы в Успенском соборе, в которой принимал участие хор Архангельского, у ограды монастыря сыновьями поэта были организованы поминки, на которых взрослым давали рюмку водки и полседедки, а детям — конфеты и книжки с сочинениями А.С. Пушкина»⁴⁶.

Памятник Пушкину на его могиле в Святогорском монастыре⁴⁷

«Вънки возложенные на могилу А.С. Пушкина 26-го мая 1899 года и хранящіеся теперь въ земской школѣ въ сель Михайловскомъ. Съ фот. I. Германовичъ въ Вильнъ»⁴⁸

⁴⁶ Васильев М.Е. Музей «Святогорский монастырь». Л., 1984. С. 40.

⁴⁷ Каспийский М.И. Похороны Пушкина и его могила // Исторический вестник. Т. LXXVI. СПб., 1899. С. 629.

⁴⁸ Иллюстрация: Новое время. 1899. № 8355.

К столетнему юбилею А.С. Пушкина художником Василием Максимовичем Максимовым, приезжавшим в Святые Горы в 1898 году с писателем Виктором Петровичем Острогорским, был написан этюд «Свято-горский монастырь». На этюде изображена каменная лестница, ведущая к собору, в воротах — фигуры настоятеля и Пушкина.

В.М. Максимов и В.П. Острогорский — авторы изданного в юбилейном 1899 году альбома «Пушкинский уголок». Художник иллюстрировал издание, вошел в книгу и этот этюд. В.П. Острогорский оставил воспоминание о поездке:

«У составителя текста настоящего издания и художника-академика Василия Максимовича Максимова явилась мысль съездить летом в те

*V.M. Maximov. Свято-горский монастырь. Этюд.
Внизу подписано: «Св. Гор. В. Максимов. 1899»⁴⁹*

⁴⁹ Иллюстрации: Пушкинский уголок: альбом / сост. В.П. Острогорский; с ил. академика живописи В.М. Максимова, лучшими портретами поэта и его автографами. М.: К.А. Фишер, [1899]. В альбоме под этюдом подпись: «Лестница к могилам предков А.С. Пушкина».

места, которые так любил поэт, где он так много жил и перечувствовал, где за два года ссылки в Михайловское так расцвел и окреп его дивный гений и где, наконец, в Святогорском монастыре в уготованной им са-
мим могиле покоится его прах.

Хотелось самим повидать эти дорогие каждому русскому места; узнать, сохраняется ли здесь память о поэте, жив ли еще кто-нибудь из знативших его, знает ли его грамотный народ, как содержится могила...

Но вот, наконец, показались из-за лесу скромная колокольня и голубой купол...

Тотчас же, вправо от лестницы, первая могила с небольшим мраморным памятником, с образом Воскресения Христова и надписью: «Здесь покоится тело незабвеннего строителя Святогорского монастыря архимандрита Геннадия»: ни года рождения, ни смерти — нет. При этом настоятеле был обнесен монастырь крепкой оградой; славился архимандрит святой жизнью и умер в сороковых годах более чем столетним старцем. Он-то и напутствовал в могилу тело поэта в утро его погребения 6-го февраля 1837 года.

Рядом с Геннадием... могила Пушкина. Прежде над ней был только черный простой крест с лаконическою надписью «Пушкин», весь заросший травой и покосившийся. Терпешний памятник — небольшой простенький белый обелиск, выветрившийся и тоже покосившийся от времени, с кирпичным, порастающим травой, подножием, окруженный простой железной решеткой...

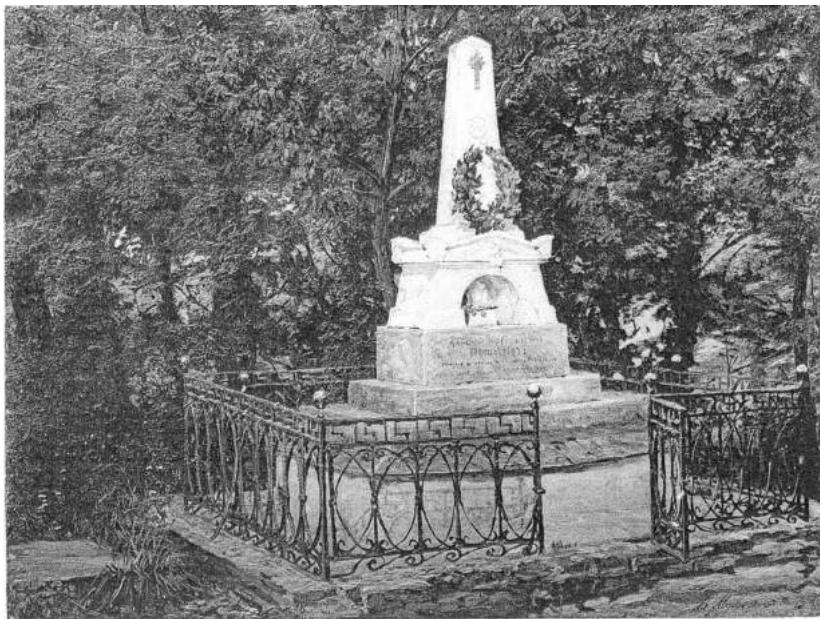
Когда поставлен он, неизвестно, но он уже стоял в 1859 году. Ничья заботливая рука, как видно, не прикасается к памятнику. Обелиск порастает травой, грязен и испещрен надписями посетителей, которые даже отметили на памятнике свои имена.

Впрочем, часть надписей на днях смыта по просьбе художника В.М. Максимова.

Он приехал сюда с студентом-сыном фотографировать и снимать виды Пушкинского уголка, и мы встретили его тут же, у могилы, за рисунком с нее»⁵⁰.

Интерес В.М. Максимова к Пушкинскому уголку не случаен и вызван не только юбилейной датой. Эта поездка и серия написанных пейзажей пушкинских мест были заключительным аккордом всей жизни художника. До конца своих дней он оставался певцом печальной кре-

⁵⁰ Острогорский В.П. Пушкинский уголок: альбом. С. 100.

*В.М. Максимов. Памятник на могиле А.С. Пушкина.
Холст, масло. 1898 год⁵¹*

стянской доли. В альбоме «Пушкинский уголок» воспроизведено двенадцать пейзажных этюдов пушкинских мест, выполненных маслом. На всех можно разобрать подпись художника, название места и дату. Большинство из них выполнено в 1898 году. Художник ездил туда дважды. В.М. Максимов запечатлел и сам памятник на могиле А.С. Пушкина.

В.П. Острогорскому удалось во время поездки побеседовать с обитателями имения Голубово Вревскими, с Екатериной Ивановной Фок. Как ему рассказал хозяин имения Вече (в 45 верстах от Острова) Павел Федорович Карпов, «здесь из знавших Пушкина... остается в живых только одна последняя из обитательниц Тригорского, младшая из дочерей Прасковьи Александровны Осиповой от второго брака, вдова — помещица Екатерина Ивановна Фок, живущая в своем имении Лысая Гора, рядом с Тригорским».

⁵¹ Острогорский В.П. Пушкинский уголок: альбом.

Псковский комитет, обсуждая способы чествования памяти Пушкина в 1899 году, принял решение укрепить откос Святой горы и «заменить попортившийся кирпичный цоколь надгробного памятника — гранитным»⁵².

«Прошли Пушкинские дни, и Святые Горы опустели. Главный интерес святогорцев теперь составляет судьба могилы Пушкина и села Михайловского. Боясь большого скопления народа и непрочности грунта горы, на которой расположена могила Пушкина, устроители торжества соорудили очень прочный деревянный помост в этом месте. До шести сот больших бревен, множество досок, железных болтов и прочее употреблено на это дело. Помост может выдержать тысячечную толпу, но он деревянный, и им, конечно, навсегда удовлетвориться нельзя; необходимо с этой стороны вокруг могилы укрепить гору каменными контрфорсами и стенками. Кто этим займется? Когда? И на какие деньги?»⁵³

Проект работ был составлен в 1901 году инженером В.Л. Назимовым.

С 1 июня 1902 года приступили к исполнению проекта:

«Прежде всего пришлось позаботиться о предотвращении обвала места погребения поэта. Для этого в откос горы были заложены основания каменных стен... После этого приступили к подведению под памятник нового гранитного цоколя, и тут нечаянное обстоятельство дало возможность... увидеть собственными глазами и осязать своими руками гроб Пушкина, 65 лет пролежавший в земле... Сквозь образовавшееся при обвале отверстие обнажилась часть гроба Пушкина. Произошло это, по-видимому, 10 августа 1902 года.

В это самое время «счастливый случай повелел» журналисту В.К. Фролову заехать погостить к своему знакомому земскому начальнику барону Г.В. Розену, имение которого расположено в 30 верстах от Святых Гор»⁵⁴.

Впоследствии В.К. Фролов в петербургской газете «Новое время» расскажет:

«Подойдя к передней решетке могилы Пушкина, мы увидели около нее груды кирпичей, бочки с известью, покерневшие гнилые доски, тут

⁵² Водовозов В.В. Обнажившийся гроб Пушкина. С. 336.

⁵³ Пушкинский уголок // Новое время. 1899. № 8382. С. 6.

⁵⁴ Водовозов В.В. Обнажившийся гроб Пушкина. С. 336.

же валявшиеся, и над всем этим хаосом высоко приподнятую переднюю чугунную решетку, из-под которой в беспорядочном виде торчали обломки старых могильных сводов и новые кирпичи, вделанные в стены могильного склепа.

Небольшая группа рабочих в пять-шесть человек, во главе с десятником, копошились возле этих сводов. Еще момент, и мы увидели на глубине не более одного аршина от поверхности земли переднюю (головную) часть дубового гроба с прахом гениального поэта! Рабочие уже начали накладывать доски на новые кружала, стоявшие над гробом, чтобы по ним производить кладку кирпичей для новых сводов»⁵⁵.

Сохранились и другие фотографии могилы А.С. Пушкина начала XX века.

На одной из фотографий в центре — могила А.С. Пушкина, у которой сфотографировались семь человек. Как рассказала сотрудник Пушкинского Заповедника В.А. Елисеева, она видела эту фотографию (предположительно оригинал, который в наши дни утрачен), на ее обороте было написано: «Назимовы на могиле поэта». Год фотографии с обратной стороны не был указан.

В истории Псковской земли представители рода Назимовых играли заметную роль: к этому роду принадлежали известный общественный деятель, декабрист Михаил Александрович Назимов (1801–1888), герой войны 1812 года полковник Евгений Петрович Назимов (1785–1868), приятель А.С. Пушкина Гаврила Петрович Назимов (?–1850), председатель Псковской уездной земской управы Владимир Владимирович Назимов (1851–?), архитектор Владимир Леонидович Назимов (автор проекта по укреплению холма и благоустройству площадки некрополя Ганнибалов — Пушкиных в Святогорском монастыре в 1902 году)⁵⁶.

В книге регистрации посетителей могилы А.С. Пушкина сохранились записи о посещении Назимовыми могилы поэта: Т. Назимова

⁵⁵ Новое время. 1902. № 9518.

⁵⁶ Владимир Леонидович Назимов (1876 (?) – после 1917) — гражданский инженер, из псковских дворян. В 1901 окончил Институт гражданских инженеров в Санкт-Петербурге, с 1903 по 1906 год — псковский епархиальный архитектор, с 1907 — старший инженер Псковского губернского земства. В 1908 году Назимов определен на службу смотрителем зданий Министерства Императорского двора.

Слева: «Памятникъ на разрытой могиль А.С. Пушкинавъ Святогорскомъ монастыръвъ моменъ прозводства работъ 12-го августа»⁵⁷

Справа: «Снимокъ съ открытой могилы А.С. Пушкина и передней (головной) части его гроба въ глубинъ могилы. Фотографія снята въ наклонномъ положени камеры въ то время, когда исправлялись внезапно обвалившіеся своды старого склепа при подведеніи нового цоколя подъ чугунную рѣшетку памятника»⁵⁸

и Е. Назимова — 30 августа 1898 года; Марианна Владимировна, Андрей Владимирович, Гали Владимировна Назимовы — 25 мая 1899 года; а также Е. Назимова, «уч. Колом. женск. гимназ.» (?), Леонид Назимов и Т. Назимова.

⁵⁷ Иллюстрация: Новое время. 1902. № 9519. С. 8. В подписи: «Рисунокъ къ статье «Гробъ Пушкина» въ 9518 № «Нов. Бр.». Фот. Барона Г.В. Розена*». В сноске: «*На этотъ снимокъ и на помещенный на 9-й странице заявлено право художественной собственности авторомъ ихъ бар. Розеномъ».

⁵⁸ Иллюстрация: Новое время. 1902. № 9519. С. 9. В подписи: «Къ статье «Гробъ Пушкина». Фот. Барона Г.В. Розена. Заявлено право худ. собств. на нег.».

Назимовы на могиле поэта (надпись на обороте фотографии).
Год не указан. Оригинал фотографии утрачен⁵⁹

Между 27 и 28 мая 1899 года Е. и Т. Назимовы вновь посетили могилу поэта.

Справа от могилы (на переднем плане) видно огороженное захоронение с белым мраморным памятником. Слева огорожено еще одно захоронение («с правой стороны могила настоятеля монастыря архимандрита Геннадия», который был настоятелем Святогорского монастыря с 1827 по 1848 год).

Под памятником и бетоном находятся могилы поэта, его матери Надежды Осиповны и отца Сергея Львовича, умершего в 1848 году; с левой стороны памятника, у самых могил Ганнибаловых, до 1924 года был небольшой памятник на могиле родственницы местного помещика Карпова, с надписью «Нюния»⁶⁰.

Рассказывая об этом в своем очерке, П.М. Устимович сопровождает

⁵⁹ По информации В.А. Елисеевой, сотрудника Пушкинского Заповедника.

⁶⁰ Устимович П.М. Михайловское, Тригорское и могила Пушкина. Л., 1927. С. 26.

Могила А.С. Пушкина.
Фотография В.М. Федорова⁶¹

текст фотографией В.М. Федорова, где видны могила Пушкина и алтарь Свято-Успенского собора.

Еще Острогорский в 1899 году вспоминал, что «рядом с Ганнибалом маленький новый каменный крестик с надписью «Нюня» — умерла 8 июля 1889 года, а за «Нюней», уже у самого обрыва, древняя, совсем покосившаяся плита над бабушкой Пушкина, Марьей Алексеевной...»⁶²

П.М. Устимович, упомянув «местного помещика Карпова», наверно, имел в виду хозяина имения Вече — Павла Федоровича Карпова, «земского начальника, выбранного от псковского дворянства в комиссию по чествованию столетия Пушкина»⁶³.

К П.Ф. Карпову в июле 1898 года заезжал В.П. Острогорский.

До 1914 года⁶⁴

⁶¹ Иллюстрация: Устимович П.М. Михайловское, Тригорское и могила Пушкина.

⁶² Острогорский В.П. Пушкинский уголок: альбом. С. 100.

⁶³ Острогорский В.П. Пушкинский уголок: альбом. С. 86.

⁶⁴ Иллюстрация: Софийский Л.И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914). Псков, 1912; репринтное издание: Псков, 2004.

В начале XX века Л.И. Софийский поместил в своей книге фотографию, где хорошо просматриваются могильные плиты деда и бабушки Пушкина, а с левой стороны — каменный могильный памятник с крестом.

Чья это могила? «Родственницы местного помещика Карпова, с надписью «Нюнja», о чём позднее, в 1927 году, писал П.М. Устимович?

Если присмотреться к фотографиям, то можно увидеть, что захоронения совершенно разные. На фото слева могила огорожена каменными столбами и виден длинный крест. На фото справа, рядом с могилами дедушки и бабушки Пушкина, крест небольшой на каменном постаменте и виден один из столбов ограждения могилы на фотографии слева. Возможно, «второе» захоронение более позднее, так как на фотографии слева небольшой каменный крест рядом с могилами деда и бабушки поэта не просматривается.

В 1922 году А. Гладкий, описывая путь к могиле Пушкина, отметил: «Рядом с могилой поэта, слева — ветхая плита с почти стертой надписью над могилами деда и бабушки Пушкина — Иосифа (Осипа) Абрамовича и Марии Алексеевны Ганнибалов. Ни матери, ни отца Пушкина могил не сохранилось. Здесь похоронена и няня поэта Арина Родионовна, но могилы ее тоже найти нельзя. Направо от могилы поэта покоятся

Слева: часть фотографии «Назимовы на могиле поэта».

Справа: часть фотографии из книги Л.И. Софийского

Мемориальная доска на южном приделе Свято-Успенского собора

Святогорского монастыря в Пушкинских Горах.

Фотография 2000-х годов

прах игумена Геннадия, современника Пушкина: он похоронил тело поэта»⁶⁵.

Ни о каких захоронениях слева от могилы Пушкина А. Гладкий не пишет.

Как можно понять из упоминания А. Гладкого в 1920-х годах, в Святых Горах⁶⁶ была похоронена Арина Родионовна.

⁶⁵ Гладкий А. Пушкинский уголок в Псковской губернии. Псков, 1922. С. 7.

⁶⁶ Святые Горы были переименованы в Пушкинские Горы в 1925 году.

Однако автор ошибался.

Арина Родионовна умерла в 1828 году, семидесяти лет от роду, и была похоронена на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга.

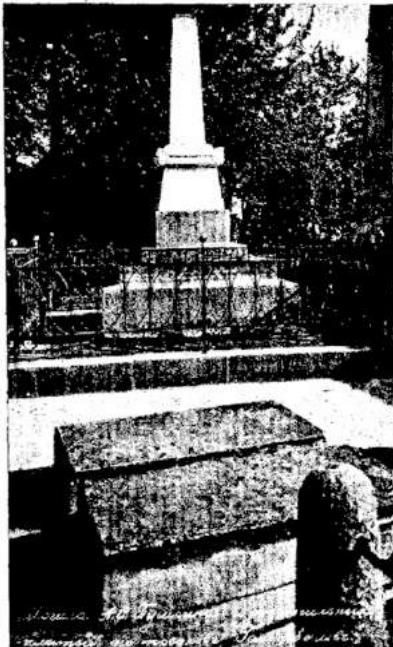
О месте захоронения Арины Родионовны ничего не было известно сыну Ольги Сергеевны Павлищевой, умершей в 1868 году, — Льву Николаевичу Павлищеву, к которому И. Щеглов в свое время обращался по этому поводу.

На кладбищах к могилам незнатных особ, тем более крепостных, не проявляли никакого внимания, и оставленная без присмотра могила няни оказалась вскоре затерянной.

Только потеря могилы вскоре после погребения няни могла привести к тому, что не был воздвигнут ей памятник еще при жизни поэта, а тем более в дальнейшем⁶⁷.

Спустя год после выхода в свет книги А. Гладкого, в 1923 году, вышла книга Гаррис «Уголок Пушкина», где на фотографии видны две могильные плиты — деда и бабушки А.С. Пушкина.

На фотографии Карла Буллы «Торжества в честь столетнего юбилея со дня рождения поэта, 1899 год» виден небольшой памятник с крестом, но рядом с ним, где стоят гости праздника, нет могильных камней деда и бабушки поэта, Иосифа Ганнибала

Фотография из книги Гаррис «Уголок Пушкина»⁶⁸. Внизу фотографии надпись: «Могила А.С. Пушкина и намогильные плиты его предков, Ганнибалов»

⁶⁷ Ульянский А.И. О могиле Арины Родионовны // М. Филин. Арина Родионовна. М., 2008. С. 191–192.

⁶⁸ Иллюстрация: Гаррис. Уголок Пушкина. М., 1923. С. 63.

и Марии Ганнибал. Хотя на фотографии из книги Софийского, сделанной до 1914 года, могильные плиты за памятником с крестом отлично просматриваются.

Получается, что в 1899 году могильных плит деда и бабушки Пушкина не было? И они появились после 100-летия поэта (и будут запечатлены на фотографии в книге Л.И. Софийского)? При этом на фотографии М.И. Каспийского и других иллюстрациях и изображениях слева от монумента на могиле Пушкина видна по крайней мере одна могильная плита. Значит, каменные надгробия деда и бабушки поэта были и в 1899 году. Но если сравнить фотографии, то по какой-то причине могильные плиты деда и бабушки Пушкина в период празднования столетия поэта закрыли дощатым настилом.

Торжества в честь столетнего юбилея со дня рождения поэта.

Фотография К. Буллы. 1899 год

*Могильные плиты И.А. Ганнибала (справа) и М.А. Ганнибала (слева).
У алтаря Свято-Успенского собора. Фотография 2000-х годов*

В наше время на могильной плите деда Пушкина написано: «Здесь погребено тело Иосифа Абрамовича Ганнибала, родившегося 1744 года декабря 20 дня; скончавшегося 1806 года октября 12 дня».

На могильном камне бабушки поэта: «Здесь погребено тело Марии Алексеевны Ганнибала, урожденной Пушкиной, родившейся 1745 года января 20 дня; скончавшейся 1818 года июня 27 дня».

В «Описании Святогорского Успенского монастыря» 1899 года игумен Иоанн в XXIII главе с названием «Кладбище, А.С. Пушкин и другие здесь погребенные» укажет: «На Святой Горе погребены: 1) высокочтимый настоятель сего монастыря архимандрит Геннадий, много потрудившийся для святой обители Святогорской, которому архимандритом Николаем с братией в 1884 году поставлен приличный памятник из белого мрамора»⁶⁹.

⁶⁹ Иоанн, игумен. Описание Святогорского Успенского монастыря... С. 82.

Несколько далее в «Описании...» игумен Иоанн повторится: «В 1884 году умершему архимандриту Геннадию поставлен на его могиле памятник белого мрамора с железною решеткою, на средства настоятеля архимандрита Николая и братии»⁷⁰.

Напомню слова упомянутого уже В.П. Острогорского: «...вправо от лестницы, первая могила с небольшим мраморным памятником, с образом Воскресения Христова и надписью: «Здесь покоится тело незабвеннего строителя Святогорского монастыря архимандрита Геннадия»: ни года рождения, ни смерти — нет...»⁷¹.

Геннадий II (с 21 мая 1827 по 1833 год — игумен, с 1833 по 1848 год — архимандрит), «по рассказам старожилов... происходил из хохлов, одевался в простой овчинный полушубок, сам работал вместе с братией, был всеми любим и был настоятелем деятельным»⁷².

За 21 год управления Святогорской обителью архимандрит Геннадий II «перестроил вокруг монастыря каменную, на извести, ограду... выстроил Никольскую кирпичную церковь с железною крышей... настоятельский дом и каменные братские кельи»⁷³.

Далее игумен Иоанн продолжает, что в обители погребены: «2) жена — главноуправляющего канцелярией Псковских Дворцовых Вороницких волостей, Двора его Императорского Величества комиссара Василия Алексеевича, Евдокия Петровна, умершая 7 января 1759 года, как о том свидетельствует надпись, сделанная на особой медной доске, хранящейся ныне особо в Покровской церкви»⁷⁴, и многие другие из не принадлежащих к монастырскому братству»⁷⁵.

Фамилия Евдокии Петровны и Василия Алексеевича не указана. Медная доска не сохранилась. Но жена «главноуправляющего канцелярией», скорее всего, похоронена была у алтаря Свято-Успенского собора.

⁷⁰ Иоанн, игумен. Описание Святогорского Успенского монастыря... С. 139.

⁷¹ Острогорский В.П. Пушкинский уголок: альбом. С. 99.

⁷² Иоанн, игумен. Описание Святогорского Успенского монастыря... С. 111–112.

⁷³ Иоанн, игумен. Описание Святогорского Успенского монастыря... С. 112.

⁷⁴ Вероятно, имеется в виду южный (Покровский) придел Свято-Успенского собора.

⁷⁵ Иоанн, игумен. Описание Святогорского Успенского монастыря... С. 82–83.

Никакого упоминания о «могиле родственницы местного помещика Карпова с надписью «Нюня», о чем пишет П.М. Устимович в 1927 году, нет.

К сожалению, игумен Иоанн не описал подробно, кто эти «многие другие из не принадлежащих к монастырскому братству».

В 1781 году «в октябре месяце из Пскова было привезено, в осмолненном ящике, тело коллежского асессора — Ивана Большова Львова и погребено в Святогорском монастыре на кладбище, где покоятся и все его родственники»⁷⁶.

В 1844 году «в мае месяце было привезено в монастырь тело умершей вдовы титулярного советника Евфросинии Негоновской, для погребения»⁷⁷.

Хоронили и внутри Свято-Успенского собора: «Некоторые настоятели и благодетели обители погребены даже под храмом; строитель

*Внутренний вид Святогорского монастыря.
Церковь во имя Святителя Николая Чудотворца (Никольская церковь)⁷⁸*

⁷⁶ Иоанн, игумен. Описание Святогорского Успенского монастыря... С. 116.

⁷⁷ Иоанн, игумен. Описание Святогорского Успенского монастыря... С. 134.

⁷⁸ Иллюстрация: Альбом видов Святогорского монастыря (изданный по случаю 100-летнего юбилея А.С. Пушкина). Фототипия К.А. Фишера, 1899.

же Покровского придела сего храма, помещик Максим Иванович Карамышев, погребен под алтарем сего придела в особом семейном склепе»⁷⁹.

Игумен Иоанн называет коллежского асессора помещика М.И. Карамышева «главным благотворителем Святогорского монастыря и вкладчиком». Он «выстроил при Успенском соборе на свой счет особый каменный придел»⁸⁰ и «обеспечил обитель и братию особым вкладом, в количестве 1 500 рублей». На самом деле в 1783 году вклад Карамышева составил 2 000 рублей, но «опекунский совет» решил из них 500 рублей передать в пользу Великолуцкого Сергиева монастыря⁸¹.

В 1902 году могилу Пушкина посетил Б.Л. Модзалевский:

«Заручившись предварительным письменным согласием на мой приезд со стороны нынешних владельцев Тригорского и Голубова — баронессы Софии Борисовны и барона Александра Борисовича Вревских, я выехал из Петербурга... в село Вече к любезно обещавшему мне свое руководительство и содействие Павлу Федоровичу Карпову, местному земскому начальнику, известному своими энергичными трудами по устройству в Святых Горах и в Михайловском юбилейных торжеств 1899 года.

Проехав через Мясо́во и у деревни Горохиной-Горы вступив в границы Опочецкого уезда, я в 3 часа дня 26-го же числа доехал до села Веча (в 45 верстах от Острова), где был встречен любезными хозяевами — Павлом Федоровичем и Марию Александровну Карповыми и их дочерью Надеждою Павловной Назимовою, супругой инженера-архитектора Псковского губернского земства Владимира Леонидовича Назимова, по проекту и под наблюдением которого производятся в настоящее время работы по укреплению в Святогорском монастыре горы с могилою Пушкина»⁸².

⁷⁹ Иоанн, игумен. Описание Святогорского Успенского монастыря... С. 81.

⁸⁰ Северный (Покровский) придел Свято-Успенского собора.

⁸¹ Иоанн, игумен. Описание Святогорского Успенского монастыря... С. 86.

⁸² Модзалевский Б.Л. [Отчет Отделению русского языка и словесности Императорской академии наук: Поездка в село Тригорское в 1902 году] // Пушкин и его современники: материалы и исследования. Вып. 1. СПб., 1903. С. 4–5.

Сопровождаемый П.Ф. Карповым, Б.Л. Модзалевский заехал в Святогорский монастырь «на могилу Пушкина, вокруг которой кипела работа по укреплению монастырской горы, производимая под бдительным надзором В.Л. Назимова».

В сноске Б.Л. Модзалевский укажет:

«С левой стороны от памятника Пушкина — могилы его деда и бабки, на которых с большим трудом, но с полной несомненностью можно прочесть: Марья Алексеевна Ганнибал, род. 20-го января 1745, ум. 27-го июня 1818 г.; Иосиф Абрамович Ганнибал, род. 20-го января 1744, ум. 12-го октября 1806 г. (а не в 1797 г., как говорит Пушкин: Соч., т. V, стр. 152). Могилы отца поэта — Сергея Львовича (ум. в С.Пб. 29-го июля 1848 г.) и матери — Надежды Осиповны (ум. в С.Пб. 29-го марта 1836 г.) не сохранились, или они погребены в одном склепе с сыном.

Тут же погребена мать уважаемого П.Ф. Карпова — Шарлотта Григорьевна Карпова, рожд. Гросман (ум. 14-го ноября 1882 г.)»⁸³.

Может быть, одна из сохранившихся на фотографиях могил — это могильный памятник Шарлотте Григорьевне Карповой с надписью «Нюня»?

В год смерти матери (1882) «помещиком Павлом Федоровичем Карповым пожертвовано в пользу монастыря 100 рублей»⁸⁴.

Таким образом, можно прийти к определенным выводам.

Справа от могилы Пушкина белый памятник с небольшим крестом сверху — это могила настоятеля Святогорского монастыря архимандрита Геннадия (*см. фото A на с. 174*). Вероятно, это захоронение упомянул Л.И. Софийский: «По правую сторону могилы поэта стоит каменный крест, под которым, как передают, покойится прах старушки няни Арины Родионовны». Возможно, Л.И. Софийский имеет в виду именно могилу архимандрита Геннадия или другое захоронение с крестом, которого нет на изображениях.

Опираясь на документы, «можно сделать вывод, что памятник на могиле архимандрита Геннадия был сознательно разрушен между июнем 1925 и июлем 1926 года»⁸⁵.

Захоронения слева от могилы Пушкина: 1) две могильные плиты И.А. Ганнибала и М.А. Ганнибал, здесь же захоронены и родители

⁸³ Модзалевский Б.Л. [Отчет...]. С. 17.

⁸⁴ Иоанн, игумен. Описание Святогорского Успенского монастыря... С. 139.

⁸⁵ Степанова Т.В. Материалы к истории Святогорского монастыря (советский период) // Михайловская пушкиниана. Вып. 5. М., 1999. С. 52.

А

Б

В

поэта; 2) небольшой памятник с крестом — захоронение «родственницы местного помещика Карпова с надписью «Нюня» (вероятно, Шарлотты Григорьевны Карповой (*см. фото В*)); 3) захоронение, огороженное каменными столбами, с длинным высоким крестом — неизвестно (*см. фото Б*).
Вероятно, как и памятник на могиле архимандрита Геннадия и другие надгробные памятники, кресты были разрушены в 1920-х годах. В этот же период памятник на могиле А.С. Пушкина был сброшен с постамента: «В годы гражданской войны... группой бандитов обелиск с могилы Пушкина был сброшен под откос (он был вновь поставлен на свое место в 1922 году под руководством срочно прибывшего из Петрограда архитектора К.К. Романова)»⁸⁶.

⁸⁶ Гейченко С.С. У Лукоморья. Л., 1981. С. 141.

В 1927 году «в результате сильного ливня... на протяжении более чем 20 метров произошел обвал каменной из больших булыжных камней подпорной стены... Мраморный памятник на могиле А.С. Пушкина дал небольшой уклон в восточную сторону»⁸⁷.

В 1944 году при отступлении фашистов «могила поэта найдена сильно захламленной... Площадка вокруг могилы Пушкина завалена мусором, щебнем, обломками иконных досок, кусками листового железа. Плиты на могилах дедушки и бабушки поэта (Осипа Абрамовича и Марии Алексеевны Ганнибалов) совершенно засыпаны мусором и землей. Дощечки с надписями сломаны и брошены в груду обломков... Сам памятник отклонился в восточную сторону на 10–12 градусов вследствие оползания холма после бомбардировок и взрывов фугасных бомб, заложенных немцами... памятник на могиле Пушкина грубо и наспех обшил досками. Установлено, что обшивка памятника произведена немцами с целью скрыть его минирование... немцы подготовляли взрыв

Разминирование могилы А.С. Пушкина. 1944 год

⁸⁷ Степанова Т.В. Материалы к истории Святогорского монастыря (советский период). С. 53.

могилы Пушкина, Святогорского монастыря и самого холма, на котором находится могила поэта»⁸⁸.

В 1953 году были проведены работы по реставрации надгробного памятника А.С. Пушкина.

В 1987 году «разрушительный ураган... сломал огромное старое дерево, которое только чудом не разрушило памятник на могиле поэта.

5 июня 1992 года на могиле А.С. Пушкина совершил молитву об упокоении души великого поэта патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

В 2018–2019 годах литию на могиле Пушкина совершал митрополит Псковский и Порховский, наместник Псково-Печерского монастыря Тихон (Шевкунов). В 2019 году митрополит Тихон у могилы поэта сказал, что «Александр Сергеевич из немногих людей, который смог не только увидеть поэзию мироздания и спасения человека, он смог передать ее через поколения. Сегодня для нас нет более прекрасного собеседника, чем Александр Сергеевич Пушкин»⁸⁹.

*Митрополит Псковский и Порховский,
наместник Псково-Печерского монастыря Тихон (Шевкунов). 2018 год*

⁸⁸ Степанова Т.В. Материалы к истории Святогорского монастыря (советский период). С. 61–62.

⁸⁹ Лития прошла на могиле Пушкина в Святогорском монастыре // Псковская лента новостей [Электронный ресурс: <https://pln-pskov.ru/church/chne/347101.html>].

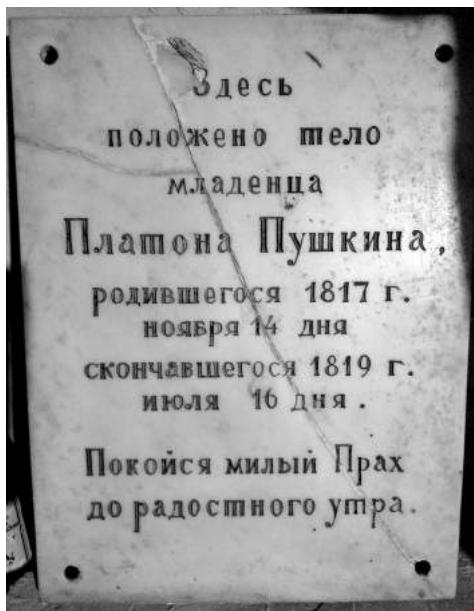

Лития на могиле А.С. Пушкина. 2019 год

* * *

В 1819 году в сельце Михайловском умирает родной брат поэта Платон. Ему было два годика. 13 июля 1819 года А.С. Пушкин приезжает в Михайловское из Петербурга, а уезжает 11 (12?) августа 1819 года. В день смерти брата, 16 июля, поэт был в Михайловском и, вероятно, присутствовал на похоронах Платона в Святогорском монастыре.

Точное место погребения младшего брата А.С. Пушкина неизвестно. Долгое время его могильная плита находилась внутри Свято-Успенского собора, в алтаре, в левой апсиде, где и была обнаружена.

Пушкинские (Святые) Горы. Колокольня Свято-Успенского собора.
Могильная плита Платона Пушкина.
Фотография 9 июня 2020 года

Могильная плита была найдена работниками Пушкинского Заповедника уже после Великой Отечественной войны, во время реставрационных работ в соборе⁹⁰. Надпись на плите гласит:

Здесь
положено тело
младенца
Платона Пушкина,
родившегося 1817 г.
ноября 14 дня
скончавшегося 1819 г.
июля 16 дня.
Покойся милый Прах
до радостного утра

В 2000-х годах, когда внутри Свято-Успенского собора клали напольную плитку, его мраморная плита была перенесена. В настоящее время могильная плита Платона находится на колокольне собора в тайнике левого столпа, в нише, где располагается придел Макария Египетского.

* * *

29 марта 1836 года скончалась мать поэта Надежда Осиповна (1775–1836).

8 апреля Пушкин выехал из Петербурга с гробом матери, чтобы похоронить ее в Святогорском Успенском монастыре.

А.Н. Вульф ехал с Пушкиным от самого Петербурга! В тот момент, когда у Пушкина умерла мать, Вульф был в Петербурге. «И вдвоем, — рассказывал он Семевскому, — поехали хоронить и похоронили...» Еще два раза Семевский направлял воспоминание Вульфа к этой поездке. Все новые и новые подробности добавлял к ней, вспоминая, Вульф, и постепенно из его рассказов вырисовывалась картина прощания сына с матерью.

С момента смерти Надежды Осиповны до похорон, которые состоялись только 13 апреля, прошло больше двух недель. Когда ее перевозили, стояла, по выражению Вульфа, «теплынь, теплынь», и «труп» везли не без известных сложностей. Доехали до Синска — это следующая по-

⁹⁰ Васильев М.Е. Музей «Святогорский монастырь». Л., 1984. С. 23.

сле Острова почтовая станция, раскинувшаяся на двух сторонах реки Великой. Друзья оказались на правом, северном берегу реки. До «Синьской станции» они ехали на почтовых лошадях, а здесь стали ожидать своих из Голубова.

Это ожидание запомнилось Вульфу особыми переживаниями Пушкина. Он, как вспоминал Вульф, «горевал без преувеличения». Может быть, плакал? Через реку Великую Пушкин и Вульф переправляться не стали и в сторону Михайловского и Тригорского не поехали. Дождавшись лошадей, они направились прямо в Голубово. Много во время этой поездки говорил Вульфу Пушкин: «О том, как журнал издавать, о матери говорил...»⁹¹

«Пушкин, между прочим, сказал, что, когда рыли могилу для его матери в Святогорском монастыре, он смотрел на работу могильщиков и, любуясь песчаным, сухим грунтом, вспомнил о Войныче⁹² (так он звал его иногда): «Если он умрет, непременно его надо похоронить тут; земля прекрасная, ни червей, ни сырости, ни глины, как покойно ему будет здесь лежать»⁹³.

Впоследствии В.А. Нащокина вспоминала: «Часто между моим мужем и Пушкиным совершенно серьезно происходил разговор о том, чтобы по смерти их похоронили рядом на одном кладбище, и один раз поэт, приехав из своего любимого имения Михайловского, с восторгом говорил Павлу Войновичу: «Знаешь, брат, ты все болеешь, может, скоро умрешь, так я подыскал тебе в Михайловском могилку сухую, песчаную, чтобы тебе было не сыро лежать, чтобы тебе и мертвому было хорошо, а когда умру я, меня положат рядом с тобой»⁹⁴.

В 1848 году умер отец поэта Сергей Львович Пушкин (1767–1848): «В августе месяце привезено в монастырь из С.-Петербурга, для предания земле, тело чиновника 5-го класса (статского советника) Пушкина. Из имеющегося в деле свидетельства причта С.-Петербургской

⁹¹ Семевский М.И. Прогулка в Тригорское: Биографические исследования и заметки о Пушкине / вступ. ст., сост. и примеч. С.В. Березкиной. СПб., 2008.

⁹² Павел Воинович Нащокин (1801–1854) — друг А.С. Пушкина последних лет.

⁹³ Москва, [разговор с В.А. Нащокиной]. П.В. Нащокин по записи П.И. Бартенева.

⁹⁴ Нащокина В.А. Воспоминания о Пушкине и Гоголе // Новое время (ил. приложение). 1898. № 8115. С. 6.

Владимирской церкви, от 31 июля 1848 г., видно, что это был Сергей Львович, скончавшийся в С.-Петербурге 29 июля того 1848 года, следовательно — отец великого поэта»⁹⁵.

Могильные плиты матери и отца А.С. Пушкина не сохранились.

Были ли они вообще?

Известно, что около алтарной стены Успенского собора находится три надгробия: ближе к краю площадки надгробие над могилой поэта, подальше от нее — две плиты (рядышком) над могилами его деда Иосифа Абрамовича Ганнибала и бабки Марии Алексеевны Ганнибала.

Известно и другое: там же, где захоронены Ганнибала, лежат и родители поэта, причем отдельных надгробных плит над ними нет и никогда не было.

Но где же лежат родители Пушкина? С какой стороны покоится Сергей Львович? С какой Надежда Осиповна? Видимо, Семевского этот вопрос также интересовал, и он задал его Марии Ивановне Осиповой. Она была участницей похорон Сергея Львовича, который был большим ее поклонником.

В 1880 году Осипова рассказывала Семевскому, как летом 1848 года привезли Сергея Львовича хоронить и положили, как она выразилась, «тут же под камнем Ганнибаличевым». «Камень» здесь означает плиту, под которую, приподняв ее, положили гроб с телом Сергея Львовича.

Но какую плиту имеет в виду Осипова? Судя по форме употребленного ею слова, речь идет о надгробии Осипа Ганнибала (муж — «Ганнибалич», жена — надо полагать, «Ганнибалиха»).

Значит, Сергей Львович похоронен со стороны своего тестя, под его плитой. В таком случае Надежда Осиповна должна лежать с другой стороны — под надгробной плитой своей матери Марии Алексеевны, рядом с ней.

Еще Пушкин удивлялся тому, как упокоились на монастырском кладбище его дед и бабка: «Тридцать лет они жили ровно... Смерть соединила их. Они покоятся друг подле друга в Святогорском монастыре» (XII, 314). С Сергеем Львовичем и Надеждой Осиповной все получилось как раз наоборот. В могиле им не довелось лежать рядом, хоть и сравнивали их при жизни с Филемоном и Бавкидой. Они покоятся по сторонам — слева и справа — могил родителей Надежды Осиповны.

⁹⁵ Иоанн, игумен. Описание Святогорского Успенского монастыря... С. 134.

*Некрополь Ганнибалов — Пушкиных. Могила А.С. Пушкина.
Могилы М.А. и И.А. Ганнибалов. Фотография 2000-х годов*

Странно, что нам приходится ломать голову над тем, где лежит отец и где лежит мать поэта. Путаница эта возникла оттого, что их могилы на монастырском кладбище безымянны. Но почему это произошло? Может быть, здесь крылся какой-то замысел, связанный с волей родителей поэта или же их родных?

Да нет. Это произошло из-за недостатка попечения о родных могилах. То, что над прахом Надежды Осиповны не было никакой надписи, тревожило Марию Ивановну Осипову, и после того, как Сергей Львович был положен «под камнем Ганнибаличевым», она, судя по записи Семевского, напоминала родным, чтобы он «на нем не остался незаписанным».

Видимо, с самого начала предполагалось, что надгробные плиты родителей Надежды Осиповны будут то ли заменены на другие, то ли просто дополнены.

На немаленьких по размерам ганнибаловых плитах могли быть записаны имена родителей поэта! Об имени Надежды Осиповны должен был позаботиться муж, переживший жену на двенадцать лет, а о его имени — сын, Лев Сергеевич, или же дочь, Ольга Сергеевна. Однако сделано это не было. Как тут не вспомнить сетования Александра Сергеевича по поводу неустройств в семействе Пушкиных: «Ох, семья, семья!» (XV, 158)⁹⁶.

В первые советские годы посетители Пушкинского уголка делали предположения о том, что некоторые захоронения рядом с могилой поэта — это, возможно, могила матери Пушкина:

«Монастырь на довольно высокой горе; по снимкам и картинкам акад[емика] Максимова мы были знакомы немного с расположением кладбища и монастыря, но как приятно было увидеть это своими глазами. С искренним благоговением склонили мы колена перед могилой Пушкина. Он выбрал себе чудесное место для вечного отдыха. Его могила, чрезвычайно скромный памятник (белый мраморный обелиск на сером граните, окруженный решеткой), находится в образцовом порядке, вблизи храма...

Площадь около него залита асфальтом, сзади и по бокам идет низенькая изящная мраморная балюстрада, слева 2 плиты с полуистертшейся надписью, на которой можно прочесть «Ганнибалъ» и «Марья Алекс. Ганнибалъ»; справа от памятника Пушкину грубый гранитный крест без надписи, наполовину ушедший в землю. Как знать — б[ыть] может это могила его матери?»⁹⁷

⁹⁶ Семевский М.И. Прогулка в Тригорское.

⁹⁷ Письмо Е.А. Садовой М.Я. Майхровской. 9 августа 1921 года // Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 666/2. № 24. Цит. по: Провальская Е.Р. Из прошлого Пушкиногорья. Лето 1921 года.

К.К. Гампельн. Портрет С.Л. Пушкина. 1824 год.
Бумага, итальянский карандаш, 30,7 x 24,4

Неизвестный художник. Н.О. Ганнибал,
урожденная Пушкина. 1820-е годы

История некрополя Святогорского монастыря — это история осмысления значения А.С. Пушкина для русской культуры. Память о нем помогает прикоснуться к истокам, к живой красоте и силе русской души. Поднимаясь по крутой лестнице к могиле, мы так же полны трепета, окидываем взглядом прошлое и вглядываемся в будущее, как и те, кто это делал в первые годы после гибели поэта.

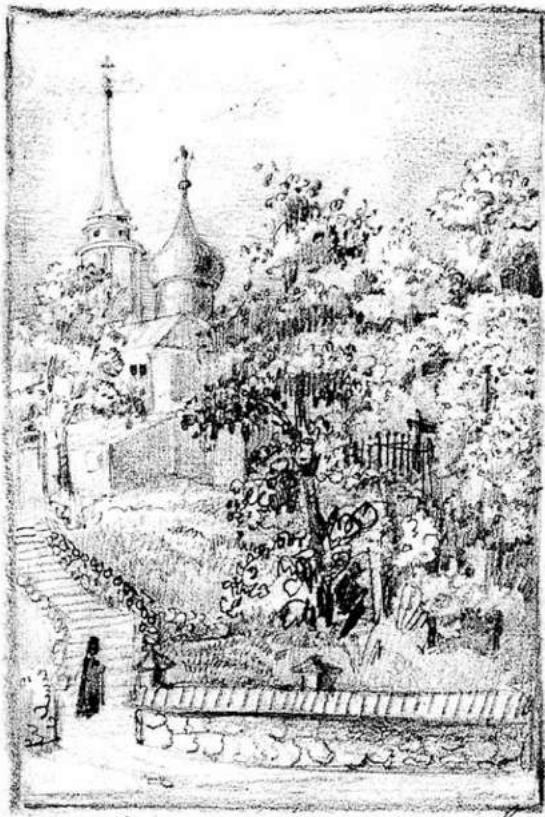
Благодаря людям, которые провожали А.С. Пушкина в последний путь, обустраивали последнее прибежище его на земле и оставляли свидетельства об этом в словах и изображениях, мы знаем, как это было.

Сменяются эпохи, люди, надгробия, но деревья все так же осеняют место захоронения на Святой горе, и поток посетителей, идущих на поклон поэту, не иссякает.

Мы не знаем, как будет выглядеть некрополь сто, двести лет спустя, какие свои секреты раскроет потомкам. Наша задача — бережно хранить память о том, что было, и фиксировать то, что есть сейчас.

Приложение

**Святогорский монастырь и некрополь у монастыря
в разные годы: иллюстрации, фотографии,
документальные свидетельства**

Могила Пушкина в 1840

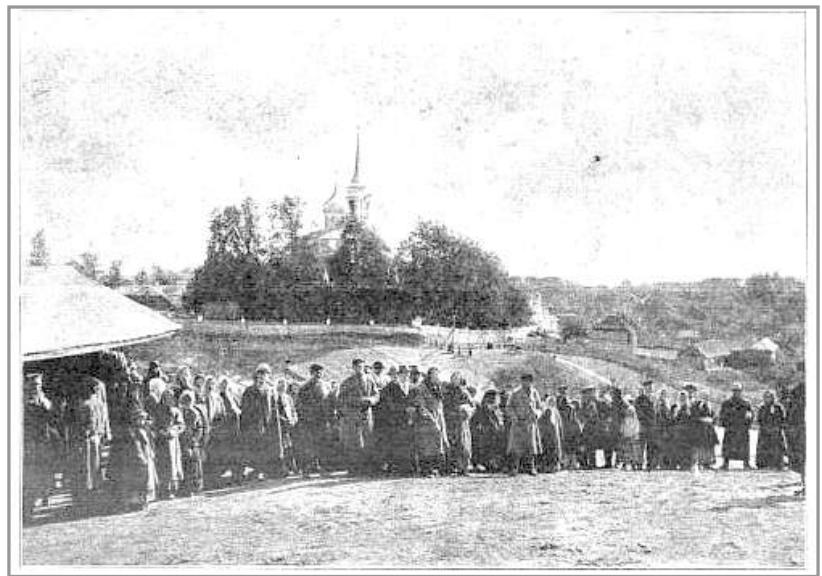
Неизвестный автор. Могила А.С. Пушкина. 1840 год.

Бумага, итальянский карандаш. 16,8 x 11,9 см. Внизу листа надпись
чернилами: «Могила Пушкина въ 1840». Российская национальная библиотека
(РНБ). Ф. 712. Собр. рисунков № 1485. От М.Б. Карповой.

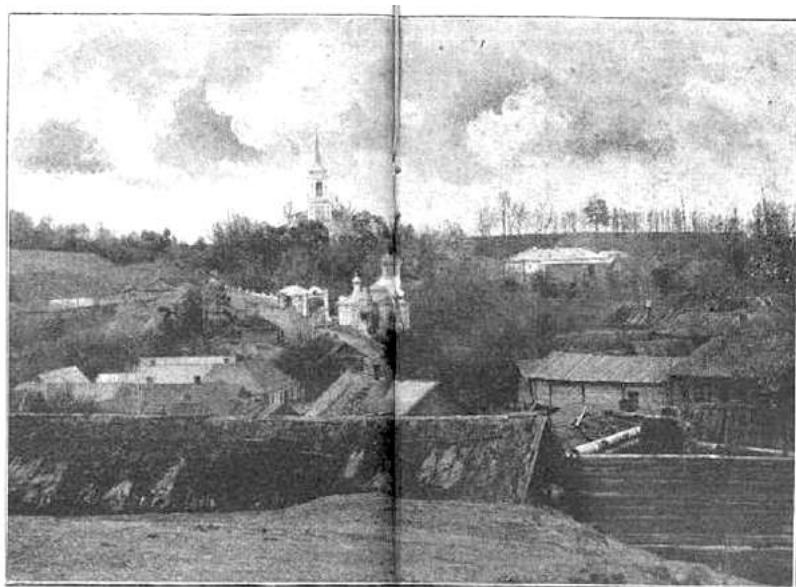
См.: Гейченко Т., Шпинева Е. Ранние рисунки могилы Пушкина.
Михайловская пушкиниана. Вып. 57. Сельцо Михайловское, 2012

*Вид из селения Тоболенец на Святогорский монастырь.
Острогорский В.П. Пушкинский уголок: альбом. С. 100–101*

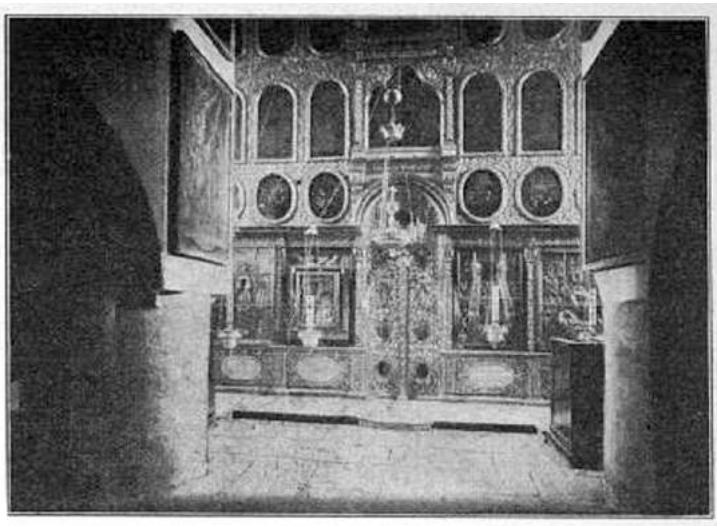
*Видъ Святогорскаго монастыря.
Живописное обозрение. 13.06.1899 (№ 24)*

*Святогорский монастырь.
Живописное обозрение. 06.06.1899 (№ 23)*

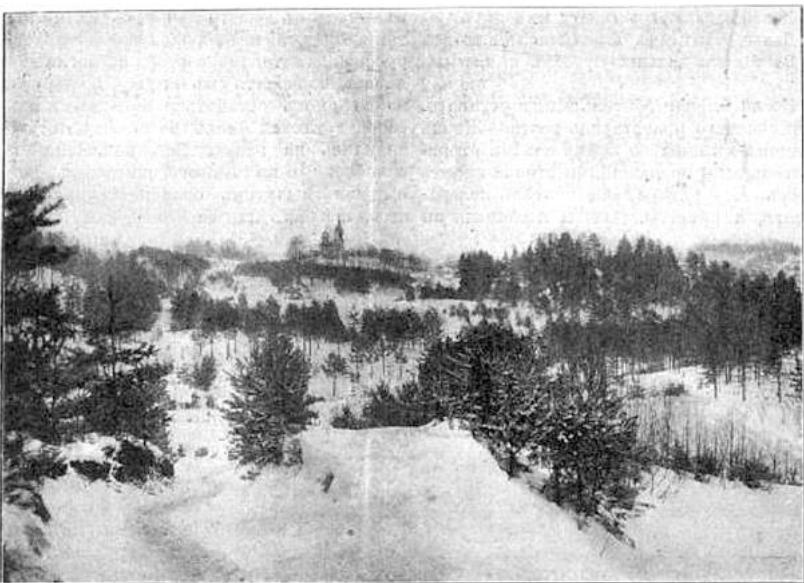
*Въездъ въ Святогорский монастырь.
Живописное обозрение. 06.06.1899 (№ 23)*

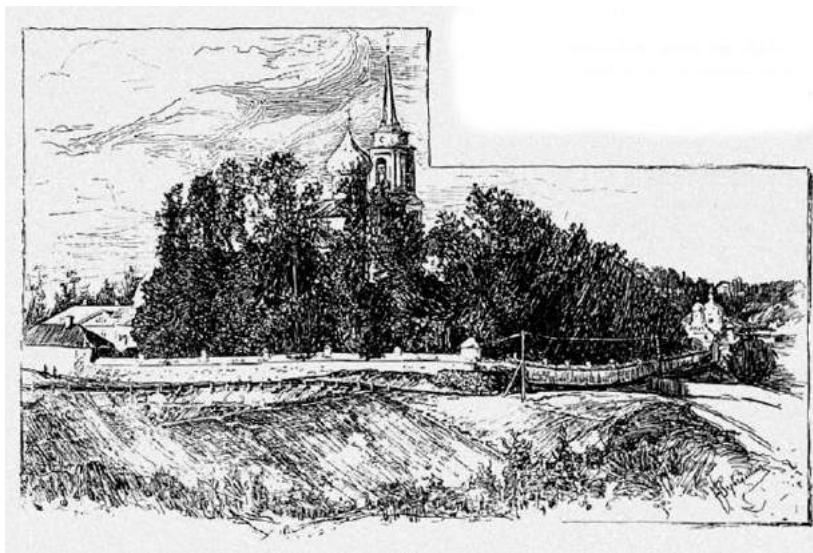
Святые Горы. Внутренний видъ монастырскаго собора.
Живописное обозрение. 06.06.1899 (№ 23)

Никольская церковь Святогорского монастыря.
Новое время. 1899. № 8348

*Видъ на Св. Горы съ дороги изъ с. Михайловскаго.
Живописное обозрение. 23.05.1899 (№ 21)*

*Святогорский монастырь. Политипаж.
Россия: полное географическое описание нашего Отечества.
Настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В.П. Семенова.
Т. 3. СПб., 1900. С. 316*

Могила А.С. Пушкина.
Васильев-Ушкуйник Ф.А. Пушкинские уголки Псковской губернии.
М., 1924. С. 22

Свято-Георгиевский монастырь. Могилы А.С. Пушкина и И.А. и М.А. Ганнибалов.
Фото М.И. Семенова. 1966(?) год

Мраморная доска у алтаря Свято-Успенского собора.
Располагается рядом с могильными плитами И.А. и М.А. Ганнибалов.
Фотография 2014 года

Н. Аксенова. Могила Пушкина. Этюд.
Холст, масло. Июнь 2020 года

III. По материалам архивов

Екатерина Варкан

ПЕРЕПИСКА К.В. АФАНАСЬЕВА И ДИРЕКТОРА ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ В.Д. БОНЧ-БРУЕВИЧА

Фонд 612 Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) составили документы с момента появления идеи создания Литературного музея, то есть с 1931 года, по настоящее время: бумаги дирекции, документы по личному составу, деятельности отделов музея, передвижных выставок и другие.

Рождение Государственного литературного музея (в 2017 году для чего-то переменившего историческое именование на Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля) официально оформлено в 1934 году. Приказ № 546 от 16 июля 1934 года подписан народным комиссаром просвещения РСФСР Андреем Сергеевичем Бубновым.

Музей был создан по инициативе Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича — не только соратника В.И. Ленина, но и по совместительству государственного строителя и созидателя советской науки.

Любопытно, что биографические энциклопедии позиционируют его как сына землемера. Однако фамилия Бонч-Бруевич выдает дворянское происхождение. И действительно отец его, дворянин, служил в во все времена весьма привлекательном межевом ведомстве. Высшую школу Владимир Дмитриевич не окончил (отчислен за революционную деятельность). Сделавшись самоучкой, в науках поднаторел, сотрудничая в большевистских изданиях, что требовало литературных способностей, навыков и знаний.

Перейдя в 1920-е годы от революции и борьбы с бандитизмом к мирной жизни, Бонч-Бруевич сделался крупным ученым и в 1931 году озабочился хлопотами перед Наркомпросом РСФСР об организации крупнейшего литературного музея.

Он понимал: новый музей должен объемно представить галерею первых отечественных и зарубежных писателей, а также собрать «под одной обложкой» литераторов второго-третьего рядов, представив жизнь и первых, и вторых в документах: в рукописях, изданиях, фото и других иллюстративных материалах, проявляющих их жизнь в искусстве.

Изначально основу нового собрания составили коллекции Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики Наркомпроса РСФСР и Литературного музея при Библиотеке имени В.И. Ленина.

И началась долгая и кропотливая работа по расширению хранилища, приобщению новых коллекций, за которые часто платились немалые деньги. Размах и тщательность работы становятся нам понятны при рассмотрении, в частности, дела, напрямую относящегося к одному из сотрудников Пушкинского уголка — Кузьме Васильевичу Афанасьеву. Речь идет о его переписке с директором Государственного литературного музея (ГЛМ) Бонч-Бруевичем¹.

Мы видим, внимание новоиспеченных собирателей дотянулось и до глухой глубинки, до затерянного тогда в Калининских лесах Пушкинского Заповедника и рядового его работника — лесовода Афанасьева.

Забегая вперед, скажем, что в РГАЛИ чудесным образом обнаружился фонд самого Кузьмы Васильевича Афанасьева², где мы увидим некоторые документы, обозначенные в этой переписке. То есть архив К.В. Афанасьева частично (?) был все же вытащен из этой глухомани на поверхность и поместился изначально в фондах ГЛМ.

Содержанием личного фонда К.В. Афанасьева займемся в другое время. Здесь только заметим, что афанасьевский фонд Литмузея и есть тот самый фонд, что сейчас находится в РГАЛИ и имеет номер 31. Это становится ясно, когда автор на свой запрос в РГАЛИ о возникновении фонда К.В. Афанасьева получил разъяснения. В справке из архива говорится следующее: «Фонд 31 (Афанасьев Кузьма Васильевич)

¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 612. Государственный литературный музей (ГЛМ). Оп. 1. Д. 366. Переписка К.В. Афанасьева с ГЛМ о передаче в музей своего архива. 25 февраля 1936 — 9 марта 1938 года.

² РГАЛИ. Ф. 31. Афанасьев Кузьма Васильевич (псевд. Алексей Лесник; 1874–1947) — писатель. 17 ед. хр. 1902–1936 годы.

поступил в РГАЛИ в июле — августе 1941 года из Государственного Литературного музея в соответствии с постановлением СНК СССР от 29 марта 1941 г. № 723. В ГЛМ документы были сданы К.В. Афанасьевым в 1936—1937 гг. Основание: дело фонда № 31» (запись Литмузея в деле: «Опись составлена 26 мая 1936 года. Проверена 13 октября 1938 года»).

Итак, дело с перепиской. В деле 19 писем (в оба адреса) и почтовые конверты, последние интересны нам не только историческим дизайном.

Послания К.В. Афанасьева — рукописные, некоторые на бланке Пушкинского Заповедника.

От Бонч-Бруевича мы имеем машинописные копии с его личными автографами и машинописные копии, заверенные (подтвержденные в верности текста) секретарем и печатью. Последнее и понятно. Вряд ли стал бы директор Бонч-Бруевич заниматься каждым корреспондентом лично, слишком велик был поток деловой переписки. Скорее всего, составляли тексты сотрудники музея и подавали на подпись руководству. Однако на некоторых конвертах, полученных от Афанасьева, — личные пометки Бонч-Бруевича, указывающие помощникам, какой составлять ответ. То есть все послания к себе он все же сам прочитывал. Оригиналы (ответы) с автографами (подпись на документе) отправлялись адресату, а копии с тиражем подшивались в архив музея, почему мы их и имеем сегодня перед глазами.

В некоторых черновиках сотрудники аппарата музея путают инициалы Афанасьева или величают его вместо Кузьмы Константином или попросту Козьмой, что аккуратно исправляется кем-то перед изготовлением чистовика³. Впрочем, имена Кузьма и Козьма могут считаться синонимами.

Открывается дело личным обращением В.Д. Бонч-Бруевича к К.В. Афанасьеву — машинопись с автографом, 25 февраля 1936 года⁴. Это точка отсчета затейливой переписки. Бонч-Бруевич «получил сообщение от А.И. Набатова», что адресат, Афанасьев, имеет «очень большой архив, в котором есть письма Короленко, Чехова, Горького и др. писателей» (здесь и далее орфография и пунктуация как в источнике).

³ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 16, 19, 29 об., 33.

⁴ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 1, 2.

Известие об архиве поступило от некоего А.И. Набатова. А.И. Набатов (настоящая фамилия Коноплев), по некоторым сведениям, работал в Литературном музее с первых месяцев его организации. Литератор не первого ряда. Интересно тут было бы понять, откуда узнал он о затерянном в пушкинской глухи и, вероятно, ценном архиве и владельце его Афанасьев?

Тем временем Бонч-Бруевич продолжает: «Не могу передать Вам, как был бы рад, если бы Вы согласились передать свой архив к нам в музей». Директор также сообщает, что прилагает общее информационное письмо, откуда станут понятны цели и задачи нового музея, и просит распространить содержание информационного письма среди друзей. Это объяснительное письмо, к сожалению, в деле отсутствует, но полагаем, что Кузьма Васильевич донес-таки его содержание до друзей. Он также сообщит в своем ответе имена литераторов, которые могли бы заинтересовать вновь открывшееся собрание⁵.

«Обратитесь к Чернову Филарету Ивановичу за письмами писателей, у него должно быть много их. Живет он: Москва, 147. М. Факельный пер, 3 кв 10»⁶. Это место в письме отчеркнуто слева двумя жирными чертами — вероятно, читателем, то есть взято на заметку.

Филарет Иванович Чернов — личность примечательная: и как колоритный участник литературного процесса, и как нечаянный приятель нашего героя, Кузьмы Васильевича Афанасьева.

В РГАЛИ сохранился фонд Ф.И. Чернова, в котором нашли место и интереснейшие письма к нему Афанасьева⁷.

В упомянутом уже ответном письме Бонч-Бруевичу сообщается и о 40 письмах Чернова, хранящихся в архиве Афанасьева, который рекомендует его как «поэта пушкинской школы»⁸. Забегая вперед, скажем, что письма Чернова среди документов в фонде Афанасьева⁹ и в фонде Чернова¹⁰ не обнаружены. На этот счет имеются и некоторые соображения, которые будут рассмотрены ниже.

⁵ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 3.

⁶ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 3.

⁷ Подробнее см.: *Варкан Е.* Кузьма Афанасьев и Филарет Чернов. Переписка. С. 260–297 настоящего сборника; РГАЛИ. Ф. 547. Чернов Филарет Иванович. Оп. 1. Д. 48.

⁸ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 3.

⁹ РГАЛИ. Ф. 31.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 547.

Бонч-Бруевич тем временем просит «не замедлить» прислать архив для «просмотра и оценки после чего Вам немедленно будут высланы деньги»¹¹.

Опять обращаем здесь внимание на небесплатность получения документов в архив музея; к тому же, как мы увидим, за ценности торговались обе стороны.

Из обращения Бонч-Бруевича узнаем мы, где находилась первая контора музея — туда следовало адресоваться. Это Моховая улица (Москва), дом 6. Центральное место, сто метров от Кремля. Городская усадьба Шаховских-Красильщиковой, к нашей радости, и по сей день жива. Тогда же новый Литмузей занял место Литературного музея при Всесоюзной библиотеке имени В.И. Ленина, который, вспомним, счастливо влился в новорожденное предприятие. Впоследствии Литмузей размножится филиалами (сейчас их более десятка). А в этом здании больше чем на сорок лет разместится музей М.И. Калинина, и только в 1992 году исторический дом вернется в ведомство Российской государственной библиотеки, правопреемницы Библиотеки имени В.И. Ленина.

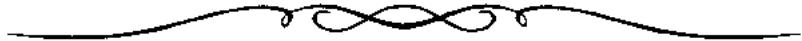
Запрос от Литмузея, напомним, отправлен 25 февраля 1936 года. Ответ Кузьмы Васильевича из Михайловского не заставил себя ждать: он датирован 2 марта того же года. Приметим здесь отменную работу почты России в 1936 году (или это была диппочта?), а также полезную привычку лесника датировать свои письма, что очень облегчает исследовательскую работу. Официальная почта из Литмузея, и это мы видим из нашего примера, датировалась всегда.

По всему видно, что Кузьма Васильевич тронут вниманием к своей персоне и спешит сообщить Владимиру Дмитриевичу: «Рано мне себя сдавать в архив. Упорно хочу жить и творить, не взирая на неудачи и невзгоды»¹². Такое заявление выглядит самоотверженно, потому как к этому моменту, то есть к началу 1936 года, автору 62 года. Впрочем, сегодня это возраст младенца.

Далее Афанасьев объясняет: «...по роду своей деятельности (лесовая) и по врожденной склонности к бродяжничеству я много кочевал с места на место. Исколесил родину почти в всех направлениях. Записная книжка была для меня наилучшей, наиудобнейшей формой дневника... Записных книжек накопилось до 60-ти. Город, деревня, армия до

¹¹ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 1, 2.

¹² РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 3.

1917 г — все это отразилось в моих записках»¹³. Надо все это, конечно, расшифровывать, требуют упорядочения и неизданные по цензурным соображениям произведения, замечает он.

Заметим и мы, что если некоторые оговоренные произведения все же обнаружены нами в РГАЛИ в фонде самого К.В. Афанасьева, то от 60 записных книжек нету и следа. Этому, как и ненайденным письмам Чернова, также, может быть, найдется объяснение ниже.

«И я рад, что, — примечает Афанасьев, — теперь знаю, куда отправить свой архив и рукописи после смерти: все время боялся, что мой архив пойдет в печку или на оберточную бумагу в мелочную лавочку»¹⁴.

Становится нам известно из писем, что Афанасьев часть материалов недавно уже уступил Институту русской литературы (ИРЛИ). Хотя считает разумным и удобным объединение литературных документов в одном месте, например в музее литературы.

Далее он останавливается подробно на документах, которые он может предложить. Речь идет о письмах известных людей. «1) композитора Гречанинова; 2) драматургов: Найденова, Карпова Е.П., Южина-Сумбатова; 3) критиков: Айхенвальда и Петрищева; 4) режиссера театра Корша — (Не)Красова и др. Задержу пока у себя письма крестьянского драматурга И.И. Лебедева (45 писем) и поэта пушкинской школы Ф.И. Чернова (40 писем)»¹⁵.

На конверте, в котором мы находим это изложение, есть музейные пометки: получено 7 марта, отвечено 31 марта 1936 года¹⁶.

В ответе Бонч-Бруевича (машинопись с его автографом) звучат дружеские нотки и просьба, не откладывая, присыпать все перечисленные материалы, которые очень интересны. Также он дает совет поторопиться и шутя замечает, что документы нельзя «подвергать строжайшей опасности пропажи, пожара, уничтожения и т. д. и т. д.»¹⁷.

Извещает директор также о том, что и архив Карпова уже находится в Литмузее и очень много документов Южина-Сумбатова¹⁸.

¹³ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 3.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 3.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 3.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 4.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 5.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 5.

Ныне личный фонд Е.П. Карпова помещается в РГАЛИ¹⁹, куда попал также из собрания Литмузея. Также в РГАЛИ находится и обширный фонд А.И. Южина-Сумбатова, приехавший туда таким же путем²⁰.

Вдогон к своему первому посланию Афанасьев, не дождавшись еще ответа, отправляет в ГЛМ более подробную опись документов своего архива. Датирована бумага 6 марта 1936 года, писана на бланке Заповедника (с исправлением чернилами адреса Заповедника с Ленинградской области на Калининскую)²¹. В Москве письмо получено 9 апреля, о чем свидетельствует музейный штамп о приеме корреспонденции. Но Бонч-Бруевич уже успел отписать Афанасьеву по предыдущему сообщению.

В послании из Михайловского уточняется, что писем драматурга И.И. Лебедева — 52. Судя по всему, Афанасьев придавал особое значение персоне «крестьянского писателя», как Лебедева позиционирует и он сам, и современные словари.

Письма Лебедева (правда, их 51) имеются в фонде К.В. Афанасьева²². Они представляют довольно объемный и интересный материал.

Уточняет он и количество писем от Ф.И. Чернова — 42. И их обещает выслать после того, как перепишет из них стихи. Уже говорилось, что именно этих писем, к большому сожалению, пока не обнаружено.

Всплывают и не упомянутые в первом перечне²³ корреспонденты, к примеру письмо от Камерного театра, Юрьева (режиссера Александрички), Гольдсмит (из Парижа), профессора Петрова Д.К., Волькенштейна, а также Станиславского (что нам, конечно, очень любопытно). Все названные бумаги обнаружены в архиве Афанасьева, в частности и автограф Станиславского, и мы их еще увидим.

Упоминается авторская «Проповедь церковная об интеллигенции и толстовцах 1902 года». Песни Шуры Ветерок — цыганки из «Яра» — в фонде Афанасьева отсутствуют. Рукопись «По Урми, по Кукану» (издана одна глава), а также рукопись сказки «Золотой ларчик» (издана в 1914 году) — имеются.

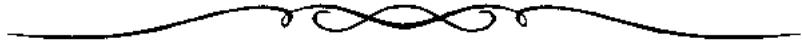
¹⁹ РГАЛИ. Ф. 770. Карпов Евтихий Павлович — режиссер, драматург. 627 ед. хр. 1875–1925 годы.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 878. Южин (настоящая фамилия Сумбатов; князь) Александр Иванович (1857–1927) — артист, драматург, директор Малого театра. 1938 ед. хр.

²¹ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 6.

²² РГАЛИ. Ф. 31.

²³ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 3.

В обоих списках, обратим особое внимание, не помянуты письма Горького, Чехова и Короленко, о которых вел речь Бонч-Бруевич в своем первом обращении к Афанасьеву по поводу его архива. Тут можно предположить, что либо документов таковых не было вовсе, либо они раньше еще были куда-то переданы. Например, в ИРЛИ или другие хранилища. Ведь откуда-то взял Бонч-Бруевич информацию о переписке Афанасьева с классиками? Полагаем, что и обращение директора нового музея, в первую очередь, инициировано было сведениями об этих адресатах Кузьмы Васильевича.

Плату за свои документы сам Афанасьев не назначает и ставит этот вопрос в зависимость от «кассы музея» и ценности материала.

Деликатно наш лесник напоминает Бонч-Бруевичу об их с Бонч-Бруевичем мимолетном знакомстве, что, мол, был в гостях у того на квартире в 1916 году: «Как давно это было. К. Аф.»²⁴.

На конверте, в котором прибыло это послание (отметка о получении 9 апреля 1936 года), поверх адреса рукой Бонч-Бруевича начертано: «К.Б. (вероятно, исполнитель) когда получите все эти ответы и сейчас же на просм (нрзб. — вероятно, фамилия) его еще высылать ВББ»²⁵. В правом нижнем углу — в архив. Последнее — то есть теперь — к нам.

Следующая весточка из Пушкинских Гор (снова исправлена Ленинградская на Калининскую область на бланке Заповедника) отправлена 7 апреля 1936 года, а получена в Москве уже 10-го числа. Афанасьев пишет, что отправил «ценной посылкой крохи из своего архива и заказное письмо на ваше имя» (т. е. на имя Бонч-Бруевича)²⁶. Мы понимаем, что речь идет о предыдущем послании. Оно действительно (согласно штемпелю) отправлено 7 апреля. Он как бы вдогон сообщает, что забыл положить в посылку тетрадь, которую также собирался передать в музей: «Тетрадь — это скорбная летопись драматурга, как он стучался в двери театров с драмой — «Вечерний звон»²⁷. Однако и этой тетради также нет в архиве Афанасьева (в фонде 31). Верно, упустили мы забавное чтение! На конверте этого послания (на штемпеле — 8 апреля) рукописная отметка о получении 10 апреля 1936 года, и рукой Бонч-Бруевича: «К.Б. По получении ответить любезным письмом ВББ».

²⁴ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 6.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 7.

²⁶ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 10.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 10.

Сотрудники отметили конверт сообщениями «Материал получен» и «В архив — 11 апреля», получается, что опять — к нам²⁸. Спасибо.

Тут нельзя не приметить особенностей сюжета. Кузьма Васильевич предлагает некие письма интересных Литмузею персон. Литмузею содержание документов неизвестно, то есть неизвестна ценность документов. Но это известно самому Кузьме Васильевичу. Известно содержание сегодня и нам — по фонду Афанасьева, что хранится в РГАЛИ. Это небольшие рецензии на пьесы Афанасьева, которые он предлагал либо в театры, либо театрологам-критикам для рецензии. Рецензии эти почти все не очень лицеприятные и имеют значение только для самого автора пьес. Ну и для пополнения фондов отдельных литераторов, которые, на взгляд собирателей, важны для истории литературы и театра, то есть для того, чтобы собрать максимальный объем персональной документации по отдельным личностям. Здесь опять следует понять, что «маститые мастера» того времени многим из нас сегодня вовсе неведомы или малоинтересны. И тут, конечно, намного любопытнее было бы поглядеть тетрадь самого Афанасьева с его откровенными суждениями о хождениях по редакциям и театрам для признания его профессиональным сообществом. Могли бы выйти забавные наблюдения и сюжеты даже в соотношении к сегодняшнему дню. Что-то разве изменилось? Это замечает и сам автор в приписке к одной из рецензий (Евтихия Павловича Карпова) на афанасьевскую пьесу «Балерина». Пометка ручкой Кузьмы Васильевича — как бы специально для нас: «1/V — 24 г Через 10 лет пишут об одном и том же, а пьесы ставят несообразно с сюжетами. КА»²⁹.

Но вдруг эту эпистолярную активность сменяет затишье. 26 мая 1936 года датируется приобретение документов (части документов?). Опись составлена 26 мая 1936 года. Проверена — 13 октября 1938 года.

Следующее письмо от лесовода Кузьмы Афанасьева является только летом 1937 года, о чем свидетельствует штамп о регистрации корреспонденции — 19 июля 1937 года и приписка рукой Бонч-Бруевича: «Дневник пускай присыпает. КБ — ответьте ему ВББ 20/VII 37»³⁰, а также датировка самого автора в конце его послания — 15 июля 1937 года³¹.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 11.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 10. Л. 9 об.

³⁰ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 13.

³¹ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 13 об.

Здесь Афанасьев предлагает очередной дневник 1904–1905 годов, того времени, когда его призывали на военную службу: «В дневнике нашли отражение: 1) жизнь «отцов города (ирзб.)» во время русско-япон. войны, 2) жизнь казармы в Ораниенбауме; 3) жизнь казармы Преображенского (гвардейского) полка, после разстрела рабочих Гапоновской демонстрации, и 4) жизнь военного госпиталя. Дневник на 2 печат. листа. Кроме того имеются записи «Слухов в казарме» во время империалист. войны 1914–17 гг. записал в ополченской дружины, квартир. в Москве. Дружина была под особым покровительством Елиз. Федоровны»³². Неудивительно, что такой материал заинтересовал директора Литмузея, о чем свидетельствует его пометка о необходимости получить дневник от автора.

Далее Афанасьев сообщает некоторые подробности своего бытия. Выглядит это так, будто между ним и директором ГЛМ идет вовсе не деловая, а дружеская переписка. Нам же эти детали кажутся весьма любопытными. К примеру, он пишет о том, что просил В.Л. Комарова о переводе его из Заповедника (Пушкинского) в Ботанический сад Алтая³³. Что-то ему беспокойно живется в пушкинских местах, и рвется он куда подальше. Но это наше замечание. Владимир Леонтьевич Комаров в то время — президент Академии наук СССР, ответственный устроитель многочисленных филиалов, ботанических садов и исследовательских баз Академии наук. И создается впечатление, что наш лесник если не на дружеской ноге с академиком, то, по крайней мере, тот в сфере его досягаемости. Не пишет же всякий рядовой лесной служака о своих потребностях напрямки академику и даже (!) президенту Академии наук?

Перечисляет Кузьма Васильевич и заботы Заповедника: «У нас чистят пруды в Тригорском парке. Готовимся к ремонту Собора у могилы А.С. Пушкина. С Петровским парком получилось междуведомственное недоразумение. Парк признан заповедником, а сад отдан в вечное хранение колхозу. Но сад и парк нераздельны. Дело дойдет до СНК»³⁴. Об этой тяжбе известно из переписки с разными инстанциями директора Пушкинского Заповедника Павла Ефимовича Безруких, который

³² РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 13.

³³ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 13.

³⁴ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 13 об. СНК — Совнарком.

скоро прибудет в Михайловское (директорствовал с 1938 по 1940 год). Личный фонд П.Е. Безруких имеется в РГАЛИ³⁵.

Примечательно тут и то, что письмо написано в июле 1937 года, после того, как в феврале 1937 года отгремел Пушкинский праздник, посвященный 100-летней годовщине кончины поэта. И мы помним, сколько намечено было всяких перестроек и строительств в Заповеднике. Юбилей отшумел, а Тригорские пруды только чистят и только готовятся к ремонту собора в Святогорском монастыре.

Ответ на это письмо последовал быстро — 21 июля 1937 года, деловой и суховатый, с настоятельной просьбой прислать дневники для про-смотра, чтобы определить, в какой степени они интересны для музея.

В своем новом послании от 21 августа 1937 года лесник извиняется болезнью за задержку с ответом. Он делится своей надеждой попасть на лечение в Кисловодск и сообщает, что дирекция Заповедника также не против таких его планов. Но далее исподволь будто пеняет: «Разве достанешь путевку, живя в глухи да еще в такое время года, когда в Кисловодск едут люди беситься, а не лечиться»³⁶. Также обещает заняться приведением своих материалов, обещанных музею, в порядок. Красными чернилами на письме Бонч-Бруевич заметил: «К.Б. Напишите ему и подбодрите ВББ 2/IX 37». Отметим деликатность и терпимость Бонч-Бруевича. Эта черта характера последнего, вероятно, распространяется не только на нашего героя.

И уже 4 сентября в пушкинские дали летит милое сообщение, что в Москве рады получить добрую весточку, а также ждут оттуда новых материалов³⁷.

Далее же наш герой впадает в совершенное дружество с «начальством», по всему видно, ему приятно высокое внимание. В своем послании от 20 сентября 1937 года описывает он свои радости от того, что достал-таки путевку в Кисловодск — дали, мол, и курсовку на лечение. И все это счастье впервые выпало ему за 50 лет трудовой жизни, а на курортах он-де никогда не бывал³⁸. Письмо это для музея и его руководителя совершенно бесполезное. Поэтому законен совершенно и вопрос Бонч-Бруевича, выведенный красными чернилами поверх послания:

³⁵ РГАЛИ. Ф. 2192. Безруких Павел Ефимович. Копии документов этого фонда частично находятся в фондах Пушкинского Заповедника.

³⁶ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 17.

³⁷ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 19.

³⁸ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 20.

«Кто это? ВББ». И далее приписка чернилами: «В архив делопроизводство ВББ». Кажется, настроения ГЛМ становятся все более нетерпеливыми. Но Афанасьеву об этих приписках на конвертах неизвестно.

Наконец, 24 октября 1937 года Афанасьев сообщает, что заказной бандеролью отправил «Дневник солдата», чего давно ждут от него в Москве, и просит личного участия Бонч-Бруевича в просмотре документов. Не преминул он снова умилительно поведать про свои хлопоты о «нашумевшей» поездке на лечение в Кисловодск, которая перенеслась по времени и т. д. и т. п.³⁹

Директор откликнулся на просьбу о личном участии и сделал пометку на письме: «Дайте мне эту рукопись ВББ 27/Х 37», — и в тот же день: «В закупочную комиссию и поскорей ВББ». Не очень тут нам понятно — читал ли Владимир Дмитриевич эту рукопись, но она уже отправляется в закупочную комиссию. Несколько и то, кто именно решал вопросы о покупке и оценивал документы. Однако «Дневника солдата» в фонде Афанасьева мы не обнаруживаем.

На конверте из Заповедника отмечено, что ответили 28 октября 1937 года и извещение (вероятно, о получении рукописи «Дневника солдата») отправлено⁴⁰. Самого ответа, то есть его копии, в деле не находим.

В декабре 1937 года, 14-го числа, Афанасьев снова обнаруживает себя восторженными рассказами о своей поездке в Кисловодск, где «солнце, воздух, питание, нарзан» делают свое дело, и опять он будто ведет переписку с приятелем. Между строк только вкраивается вопрос о судьбе «Дневника солдата».

Зато мы узнаем массу интересного: в Пятигорске Кузьма Васильевич посетил заведующую Лермонтовским музеем Е.И. Яковкину, «которую не видел с 1909 года»⁴¹. За этой новостью мы наблюдаем, что до революции Кузьма Васильевич вел вполне насыщенную культурную жизнь с широким кругом знакомых. (И даже, как мы помним, бывал в гостях у Бонч-Бруевича на его квартире в 1916 году⁴², хотя в то время Бонч-Бруевич навряд был культуртрегером.) Тогда можно предположить, что Афанасьев мог водить дружбу с социал-демократами (?). Со знанием дела излагает он и проблемы Лермонтовского музея, гово-

³⁹ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 23.

⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 24.

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 26.

⁴² РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 6.

рит об отсутствии средств на его содержание, потому как находится тот в распоряжении горено. А посетителей между тем за 1937 год прошло около 30 тысяч человек. Афанасьев намекает исподволь даже на то, что неплохо было бы, если бы музеем заинтересовалась Москва «в лице своих больших культурных работников», тогда дела пошли бы лучше, ведь интерес к Лермонтову, как оказывается, огромен⁴³. Напоминает и о предстоящем 100-летии со дня смерти поэта — пушкинский «юбиляр» только что отгремел. Впрочем, замечает он, вероятно, проблемы Лермонтовского музея уже известны Владимиру Дмитриевичу, потому как заведующая музеем Яковкина собиралась в Москву для встречи с ним и по этому вопросу в частности.

Про Елизавету Ивановну Яковкину поминает Кузьма Васильевич и в своих письмах к поэту Филарету Чернову, также из Кисловодска. Документы находятся в личном фонде Ф.И. Чернова⁴⁴. Пояснения к личности Е.И. Яковкиной есть в переписке Афанасьева с Черновым⁴⁵.

Узнаем мы и то, что в Пятигорской библиотеке скопилось старых изданий книг более 60 тонн (!) и библиотека продаёт эти книги как утильсырье.

Из письма видно, что и в Пушкинском Заповеднике многое переменилось, потому как Академия наук передала Заповедник Пушкинскому дому в Ленинграде⁴⁶.

Бонч-Бруевич отвечает 22 декабря 1937 года, что ему известны уже проблемы Пятигорского музея, и он советует заведующей, занимая ее сторону, обратиться по этому делу в Наркомпрос⁴⁷. Дело Яковкиной, как мы знаем теперь, выиграло. Елизавета Ивановна работала директором музея «Домик Лермонтова» с 1937 по 1951 год.

Владимир Дмитриевич также дружески приветствует возвращение Афанасьева из Кисловодска «окрепшим и бодрым».

В деле приобретения документов также наметилось некое движение: «рукопись оценена Приемочной комиссией в 80 руб.» и в музее ждут решения о продаже⁴⁸.

⁴³ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 26, 26 об.

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Копии архивных документов находятся в фондах Пушкинского Заповедника.

⁴⁵ Подробнее см.: *Варкан Е.* Кузьма Афанасьев и Филарет Чернов. Переписка. С. 260–297 настоящего сборника.

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 26 об.

⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 29.

⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 29.

В конце Бонч-Бруевич интересуется: «...какие же книги Пятигорская библиотека продает, как утиль-сырье?»⁴⁹

В своем следующем сообщении, от 30 декабря 1937 года, тешась уже, как ему кажется, совершенно крепкой дружбой с Бонч-Бруевичем, Кузьма Васильевич просит его посодействовать своему переезду из Михайловского (необязательно в Москву), мотивируя это тем, что жена его, имея историческое образование, «хочет возвратиться к препаранной педагогической деятельности». И далее совсем уж требовательно: «Нет ли у Вас работы по библиотеке, по архиву и т. д. будьте добры ответить»⁵⁰.

Сделаем отступление. Интересно, что Афанасьев приступил к работе в Михайловском в июне 1935 года — об этом нам становится известно из переписки его с давним другом Иваном Ивановичем Лебедевым⁵¹. Тогда же в Заповедник с ним прибыла и его тогдашняя пассия (жена) Ольга Федоровна. Связь эта оказалась недолгой и некрепкой, вся скандальная канитель завершилась к декабрю 1935 — январю 1936 года, что также становится нам понятно из той же переписки⁵². И что же? В 1937 году у Афанасьева образовалась новая жена? Вот энергичные люди, право слово.

Продолжим. Скупая пометка Бонч-Бруевича на послании о просьбе трудоустройства где-то поближе к центру: «КБ. У нас нет никакого места», — и далее: «Почему ему возвращают дневник солдата ВББ 3/I 38». А рукопись возвращают потому, что Кузьма Васильевич неожиданно для всех после перипетий переписки хочет вернуть себе «Дневник солдата», но просит совета, в каком журнале можно напечатать текст. Обязуется, однако, черновик рукописи вернуть в музей, но только после публикации. Хочется ему, как и всякому автору, официализации своего труда, будь то дневник или какое иное художество.

На конверте этого письма стоит штамп о получении — 31 декабря. Невиданная скорость! Да еще и в Новый Год. Отвечено от музея только 16 января 1938 года, хотя Бонч-Бруевич «ответил» уже 3-го числа, согласно датировке письма⁵³.

⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 29 об.

⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 30.

⁵¹ Подробнее см.: Варкан Е. К.В. Афанасьев. Переписка с критиками и друзьями. С. 213–259 настоящего сборника; РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 44.

⁵² РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 53.

⁵³ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 31.

Бонч-Бруевич весьма холoden: «В ответ на Ваше письмо сообщаю вам»⁵⁴. По поводу трудоустройства провинциального лесника Владимир Дмитриевич решительно не понимает, где бы Кузьма Васильевич мог трудиться на периферии, а «у нас в Музее все штатные и договорные места заполнены»⁵⁵.

Интересуется директор ГЛМ, почему автор вдруг возвращает себе предложенную ранее рукопись «Дневника солдата». Вероятно, догадывается он, не удовлетворяет цена в 80 рублей, которую назначила приемочная комиссия? Но просит все же прояснить этот вопрос⁵⁶.

Мы, однако, видим, что афанасьевскому другу И.И. Лебедеву за его эксклюзив, в частности письма А.В. Луначарского, предлагали и того меньше, что выходит из их дружеской переписки⁵⁷.

Следующее письмо от Афанасьева из Михайловского прибыло в Москву 10 февраля 1938 года, а написано 5-го числа. В нем Кузьма Васильевич объясняет, что «Дневник солдата» все же надеется напечатать в периодике. И что оценка в 80 рублей, конечно, низка для оригинальной, неопубликованной рукописи. К тому же он и на перепечатывание ее потратил аж 50 рублей, поэтому лишнего экземпляра нету⁵⁸.

К сожалению, «Дневник солдата» сегодня среди известных нам публикаций К.В. Афанасьева и его нами изученных архивных документов не наблюдается. По крайней мере — пока.

Тем временем Кузьма Васильевич замечает, что и в Пушкинском Заповеднике перемены: «Директором назначен тов. Безруких»⁵⁹. Ожидают, что придут за ним и кадры — заведующий музеем, экскурсовод. «Никого не осталось. Я совмещаю несколько должностей. И жнец, и швец, и в дуду игрец, и еще спец»⁶⁰.

«В чем тут дело», — по-прежнему недоумевает ВББ в своей отметке на письме; это он все о рукописи⁶¹.

⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 33.

⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 33.

⁵⁶ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 33.

⁵⁷ Подробнее см.: Варкан Е. К.В. Афанасьев. Переписка с критиками и друзьями. С. 213–259 настоящего сборника; РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 55.

⁵⁸ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 34.

⁵⁹ РГАЛИ. Ф. 2192. Безруких Павел Ефимович. Копии документов этого фонда частично находятся в фондах Пушкинского Заповедника.

⁶⁰ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 34.

⁶¹ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 34.

В конце концов К.В. Афанасьеву высыпается извещение о том, что рукопись его заказной бандеролью ему отправлена 3 марта 1938 года. Просят прислать в музей расписку в получении⁶².

А из Михайловского 3 марта 1938 года Афанасьев, не успев еще при всей оперативности почты получить новость о своей рукописи, задает нетерпеливый свой вопрос, адресуя его уже не «уважаемому Владимиру Дмитриевичу», как все предыдущие, а просто «уважаемому товарищу»: где же его рукопись, которую он просил вернуть?⁶³ Тональность сильно меняется и показывает его беспокойное неудовольствие.

Но уже 7 марта отправляет «многоуважаемому Владимиру Дмитриевичу» расписку в получении «Дневника солдата», а также ведет заинтересованные переговоры о приобретении изданий Литмузея, в частности «Летописей»⁶⁴.

* * *

Так закончилась личная переписка сотрудника Пушкинского Заповедника К.В. Афанасьева с директором Государственного литературного музея В.Д. Бонч-Бруевичем о передаче личного архива в музейные фонды.

Большой частью документы, о которых идет речь в переписке, отложились сначала в фондах Государственного литературного музея, а потом, в 1941 году, они переехали в Центральный государственный литературный архив (ЦГЛА) — ныне это Российской государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).

По сообщению нынешнего руководства Литературного музея (а именно заместителя директора по научно-фондовой работе Алексея Яковлевича Невского), в 1941 году из музея был изъят весь рукописный фонд, который начал возобновляться только в 1946 году. Тогда же «пострадали» и многие другие хранилища, музеи, библиотеки. Руководство страны помыслило, что весь эксклюзивный рукописный материал должен храниться в одном месте. Были тревожные времена. Многие, так сказать, «основатели фондов» оказались вдруг на заметке — не говоря уже о многочисленных фамилиях, которые фигурировали в этих фондах и делах, их составляющих, в большом разнообразии.

Изъятие шло согласно постановлению СНК СССР от 29.03.1941 № 723 «Об утверждении Положения о Государственном архивном фон-

⁶² РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 36.

⁶³ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 37.

⁶⁴ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 40.

де СССР и сети государственных архивов СССР» и при верном участии НКВД СССР в организации нового (собственного?) хранилища ЦГЛА (ЦГАЛИ СССР, РГАЛИ). Известно, что это новое хранилище составили в основном документы ГЛМ. Тут мы понимаем, что директор ГЛМ В.Д. Бонч-Бруевич со своими сотрудниками действительно провел великколепную собирательскую работу и аккумулировал в единых руках великолепное количество не только уникальных и значительных, но и многозначных документов, которые могли считаться сомнительными в те сомнительные времена. «Сомнительность» можно отнести и к их бывшим владельцам. За литературным собирательством уже проглядывались «ушки» политических мотивов.

Некоторые материалы, обозначенные в этой переписке, возможно, не были отданы в ГЛМ самим К.В. Афанасьевым. В частности, это могло случиться с «Дневником солдата» — мы помним, как трепетно сам автор относился к этой рукописи. Или письма поэта Ф.И. Чернова, те, из которых Афанасьев сначала — до передачи в Литмузей — хотел выписать стихи, а также некоторые другие отдельные письма и записи Афанасьева. Многие, к сожалению, на сегодняшний день остаются неизвестными.

Неизвестно в точности, какие именно материалы все же были отданы в музей. Однако в точности известно, что фонд Афанасьева появился в музее 26 мая 1936 года. Мы имеем запись Литмузея в деле К.В. Афанасьева, который потом «перебрался» в РГАЛИ (ЦГЛА). В Справке РГАЛИ об основании фонда 31 (Афанасьев Кузьма Васильевич) значится: «Опись составлена 26 мая 1936 года. Проверена 13 октября 1938 года» (т. е. проверено наличие документов в музее). Однако нет ни расписок в получении материалов, что обычно делается при оформлении приема бумаг, ни финансовых отчетов о суммах, потраченных на приобретение документов.

И здесь вкрадывается еще один любопытный сюжет. В фонде ГЛМ, том, что обосновался в РГАЛИ, хранится еще одно любопытное дело — «Служебная записка директора ГЛМ Бонч-Бруевича сотрудникам музея о выявлении документов Горького для передачи из музея, о спецфонде, об организации работы иконографического отдела и др.»⁶⁵. В названии

⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 120. 96 л. Служебная записка директора ГЛМ Бонч-Бруевича сотрудникам музея о выявлении документов Горького для передачи из музея, о спецфонде, об организации работы иконографического отдела и др. 9 января — 19 декабря 1937 года. Копия.

имеется приписка: «20 сентября 1937 года. Не подлежит оглашению». И не странно. Вот что мы читаем: «Зав. рукописным отделом ГЛМ М.А. Лебедевой служебная записка-инструкция. Провести проверку всех алфавитных карточек каталогов нашего рукописного отдела и изъять оттуда решительно все, связанные с известными Вам одиозными фамилиями... Немедленно изъять и передать в спецфонд. Если карточки только ссылочные, с простым упоминанием фамилий... все эти карточки отложить в сторону и принести мне. В дальнейшем мы обсудим, как поступить»⁶⁶. В заголовке дела фигурирует имя Горького, а в самой записке нерасшифрованные «известные одиозные фамилии», которые нам сегодня неведомы. И какая логика тогда владела умами? Не станем догадываться, потому как даже те, о которых догадаться мы имеем основания, могут быть только в ряду других, совершенно для нас неожиданных. К тому же многие «одиозные» фамилии сегодня широкой публике вовсе неизвестны, но связанные с ними документы вполне могли быть и изъяты из архива К.В. Афанасьевы. В частности — письма поэта Ф.И. Чернова. Хотя личный фонд Чернова хранится в РГАЛИ⁶⁷, но там нет его писем к К.В. Афанасьеву. Другие сомнительные, по мнению изыскателей, рукописи (например, песни Шуры Ветерок — цыганки из «Яра», всего 29 штук, или письма композитора Гречанинова) также не обнаружены в окончательно сформировавшемся фонде К.В. Афанасьевы, когда он уже закрепился в РГАЛИ. След простыл и от 60 записных книжек.

Остается открытый вопрос: где этот самый спецфонд? Был ли он в 1941 году передан в ЦГЛА (РГАЛИ), как там обозначен, или в каких фондах растворились документы, его составлявшие? А может, он был забран в НКВД? Или некие документы потом рассеялись по каким-то другим архивам, связанным с тогда «одиозными» именами?

Но спецфонд все же был.

⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 120. Л. 1.

⁶⁷ РГАЛИ. Ф. 547.

**К.В. АФАНАСЬЕВ.
ПЕРЕПИСКА С КРИТИКАМИ И ДРУЗЬЯМИ**

Лесовод (лесник) Пушкинского Заповедника Кузьма Васильевич Афанасьев работал в Михайловском с июня 1935 года¹. «Лесника» сделал своим псевдонимом литератор Афанасьев, что указано в наименовании личного фонда Кузьмы Васильевича, который находится в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ)². В небольшом (и неполном) объеме публикаций, которые встретились на пути исследования, такой псевдоним не наблюдается. Только лишь в рукописи (машинопись) сказки «Золотой ключик» рядом с «К. Афанасьев» стоит и «Лесник»³; так же и в черновике его ответа на письмо из Камерного театра: «К. Лесник. Афанасьев»⁴.

Мы иной раз станем величать Афанасьева Лесником — для разнообразия повествования — и будем использовать в этом повествовании только документы, отложившиеся в этом фонде РГАЛИ. Когда мы увидим новые фонды и новые документы, тогда и горизонт наших наблюдений расширится. А пока все наши личные наблюдения, пояснения и мнения мы основываем только на материалах, обнаруженных в РГАЛИ.

Биография К.В. Афанасьева достоверно неизвестна — почему и важна для нас его переписка с разными адресатами, из которой хотя бы фрагментарно прочитываются жизненные проишествия и события.

По профессии лесовод, всю жизнь занимался он литературным творчеством. Писал прозу, публицистику, пьесы. С не очень большим успехом пытался продвинуть свои произведения на литературный и театральный рынок. Из его текстов известны немногие. Своей бытовой стороной очень интересны очерки, писанные во время путешествий и проживания в глубинке. Но на основании этих малочисленных фрагментов мы не можем с полным основанием делать выводы о его литературных талантах.

¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 31. Афанасьев Кузьма Васильевич. Оп. 1. Д. 12. Л. 44.

² РГАЛИ. Ф. 31. Афанасьев Кузьма Васильевич (псевд. Алексей Лесник; 1874–1947) — писатель. Ед. хр. 17. 1902–1936.

³ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

⁴ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 19. Л. 9 об.

Кузьма Васильевич Афанасьев, пожалуй, одна из самых трагических фигур советского периода истории Пушкинского уголка. Некоторые ставят ему в вину то, что остался он на оккупированной немцами территории в 1941 году и сопутствовал немецким правилам. Но куда было бежать 67-летнему человеку, который и так всю жизнь «пробегал», в момент мгновенного захвата Пушкинских Гор немцами, когда все руководство Заповедника сумело мигом и разными путями дематериализоваться из Михайловского, «забыв» даже прихватить с собой пушкинские ценности?

Иные же вспоминают, что именно Афанасьев, зная экспонаты и понимая их ценность, сохранял мемориальные вещи во время оккупационного порядка.

Родился он в Брянске. Этот факт точно устанавливается сообщением Кузьмы Васильевича своему другу, поэту Филарету Ивановичу Чернову⁵. В письме от 23 октября 1938 года из Михайловского: «Я уже съездил в Брянск — это моя родина. Изменился город моего детства, моей юности. Редко, редко встречал знакомое лицо. Люди моей эпохи куда-то проваливаются...»⁶

Итак, Кузьма Васильевич Афанасьев родился в Брянске в 1874 году и до Октябрьской революции и установления советской власти прожил 43 года, мы можем предположить, вполне насыщенной жизни. Занимаясь сочинительством, имел, вероятно, широкий круг солидных литературных и окололитературных знакомых.

Определение «лесник» не прямо соответствует его профессиональным занятиям. То есть занимался он не только подсчетом деревьев и их рубкой на дрова, а был человеком весьма образованным, что видно из его эпистолярного наследия. Из него же, этого наследия, выходит, что и лесотехнические работы, которые он проводил в Заповеднике, имеют высокий класс профессиональных знаний, из чего может следовать, что он имел специальное образование. Об этом свидетельствуют его письма к Ф.И. Чернову, которые рассмотрим также в свое время⁷.

⁵ Подробнее о переписке К.В. Афанасьева с Ф.И. Черновым см.: *Варкан Е.* Кузьма Афанасьев и Филарет Чернов. Переписка. С. 260–297 настоящего сборника.

⁶ РГАЛИ. Ф. 547. Чернов Филарет Иванович. Оп. 1. Д. 48. Л. 26. Копии документов находятся в фондах Пушкинского Заповедника.

⁷ РГАЛИ. Ф. 547. Чернов Филарет Иванович. Поэт и прозаик начала XX века (1877–1940) . Оп. 1. Д. 48. 27 л. Письма К.В. Афанасьева Ф.И. Чернову. 9 марта 1936 — 11 ноября 1938 года. Копии документов находятся в фондах Пушкинского Заповедника.

Лесных инженеров готовил тогда Санкт-Петербургский лесной институт, выпускникам присваивалось звание ученого лесовода. Образовано это учебное заведение было еще в 1803 году (тогда, впрочем, оно имело другое название — Практическое лесное училище). Принимали в институт только имеющих среднее образование. Студенты за четыре года проходили математику, физику, химию, ботанику и зоологию, минералогию и метеорологию, почвоведение и дендрологию и даже лесное инженерное искусство. На всех курсах преподавался немецкий язык. И знание именно немецкого, который Афанасьев освежал в Михайловском, некоторые наблюдатели ставят ему в вину, подозревая измену родине во время немецкой оккупации.

Еще известно, что порой, за отсутствием сотрудников в Заповеднике, лесник Афанасьев исполнял (в феврале 1938 года, по крайней мере) по совместительству и должности заведующего музеем и экскурсовода — «и жнец, и швец, и в дуду игрец, и еще спец»⁸. Навряд ли справился бы безграмотный работяга с этими задачами.

Еще во времена советского периода жизни (об этом у нас есть, хотя и скучные, сведения) Кузьма Васильевич Афанасьев много ездил по стране. За весьма короткий промежуток времени мы застаем его то в Хабаровском крае, на реке Урми в поселке Кукане⁹, то в Невеле в апреле 1934 года¹⁰, то в Сходне Октябрьской железной дороги¹¹, то отмечается он на Дарьинском заводе Кадомского района¹².

И это, нам кажется, неспроста. Охота к перемене мест — тогда свойство многих «бывших». Не скрывает этой страсти и сам Афанасьев в письме к В.Д. Бонч-Бруевичу: «По роду своей деятельности (лесовая) и по врожденной склонности к бродяжничеству я много кочевал с места на место. Исколесил родину почти в всех направлениях»¹³.

Еще замечено, что работая в Пушкинском уголке, рвался он оттуда сбежать. И люди ему не нравились, и работа надоела. Эти

⁸ РГАЛИ. Ф. 612. Государственный литературный музей (ГЛМ). Оп. 1. Д. 366. Л. 34.

⁹ Афанасьев К.В. По Урми, по Кукану. (Беседы о путешествиях). Авторизованная машинопись. 1929. РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 3. 45 л.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 27 об.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 9 об.

¹² РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 11 об.

¹³ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 3.

подробности он доверительно описывает другу, Филарету Ивановичу Чернову¹⁴.

Так же рвался из этого райского уголка и директор П.Е. Безруких — и ему это все же удалось. Это становится нам известно из писем к Павлу Ефимовичу директора Пушкинского Дома Павла Ивановича Лебедева-Полянского¹⁵.

Такое нетерпение, вероятно, связано с тем, что время было тревожное и многим хотелось отдалить себя от западных границ.

Возвращаясь к рассмотрению документов из личного фонда К.В. Афанасьева, заметим, что в него до нас заглядывали некоторые наши коллеги. Имеются и пояснения в описи: «Несколько дел (с отзывами) объединены — пропущенные номера».

В описании документов мы будем ссыльаться на переписку К.В. Афанасьева с директором Литмузея В.Д. Бонч-Бруевичем о возможности передачи архива Афанасьева в музей, которая нами подробно рассмотрена отдельно¹⁶. Многие дела дополняют и разъясняют друг друга¹⁷. Будем также опираться и на документы из личного фонда Ф.И. Чернова — письма К.В. Афанасьева к поэту Чернову¹⁸.

Сам фонд Афанасьева¹⁹ можно условно разделить на три части.

Первая — собственно его произведения.

Вторую группу документов представляет переписка с организациями и лицами, от которых зависела публикация текстов или постановка пьес в театре. Точнее, ответы (отзывы) К.В. Афанасьеву из этих организаций и от этих лиц.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 2192. Безруких Павел Ефимович. Оп. 1. Д. 157. 34 л. Письма и телеграммы П.И. Лебедева-Полянского П.Е. Безруких. 1938–1946 годы. Копии документов находятся в фондах Пушкинского Заповедника.

¹⁶ См.: *Варкан Е.* Переписка К.В. Афанасьева и директора Государственно-го литературного музея В.Д. Бонч-Бруевича. С. 195–212 настоящего сборника.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. 42 л. Переписка К.В. Афанасьева с ГЛМ о передаче в музей своего архива. 25 февраля 1936 — 9 марта 1938 года.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 31.

И в третьей — личные письма к Афанасьеву его приятеля, «крестьянского писателя» Ивана Ивановича Лебедева²⁰. Мы предумышленно вынесли это дело в отдельную группу, чтобы не сбивать общего настроя ответов Афанасьеву на его попытки прорваться на сцену. Мы выделили это дело и потому, что в большом объеме мы имеем дружескую переписку двух хорошо знакомых и, вероятно, симпатичных друг другу людей, что повышает возможности обнаружить хотя бы что-то человеческое. Из посланий этих вырисовываются и события жизни Афанасьева в первой половине 1930-х годов (в период с 8 июня 1930 по 24 марта 1936 года).

К первой группе документов относятся «Вышел сеятель сеять». Церковная проповедь²¹ — текст весьма невнятный — и очерк «По Урми, по Кукану»²². В очерке подробно описаны красоты, традиции, сказания, истории местности — Дальнего Востока, Хабаровского края. К сожалению, на сегодняшний день в обнаруженных в РГАЛИ документах, связанных с именем Кузьмы Васильевича Афанасьева, нет его подробных наблюдений о Михайловском и Пушкиногорье. Скорее всего, такие сочинения были, но остались для нас пока неизвестными. Также Афанасьев в примечании к этому очерку, о котором упоминает в переписке с В.Д. Бонч-Бруевичем, поясняет, что одна глава его опубликована²³, вот только не очень ясно где.

Проще с пьесой «Золотой ларчик»²⁴. Мы видели только титульный лист этой рукописи. Рукопись находится, как говорят в РГАЛИ, в ветхом состоянии и на руки не выдается. Но саму книгу обнаруживаем в Российской государственной библиотеке²⁵.

Здесь важно отметить, что в полной описи фонда Афанасьева отсутствуют дела под № 2, 5 и 6. И хотя мы имеем комментарий архива, что

²⁰ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. 58 л. Письма И.И. Лебедева К.В. Афанасьеву. Открытки, рукопись. 1930-е годы.

²¹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1. 9 л. Рукопись. 27 октября 1902 года.

²² Афанасьев К.В. По Урми, по Кукану. (Беседы о путешествиях). Авторизованная машинопись. 1929. РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 3. 45 л.

²³ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 6.

²⁴ Афанасьев К.В. Золотой ларчик. Сказка в пяти действиях. Машинопись. Справкой и приписками. 30 января 1913 года. РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 4.

²⁵ Афанасьев, Кузьма Васильевич (1874—). Золотой ларчик: Сказка в 9 д. К.В. Афанасьева. М.: Типография К.Л. Меньшова, 1914. 62 с.; 19. FB V 42/214 FB U 345/439.

некоторые дела объединены, почему и отсутствуют, пропущены некоторые номера, но этот случай представляется нам немного другим.

Объединены номера, и это вполне оправданно, когда речь идет об отзывах на одни и те же произведения или несколько рецензий написаны одним автором. Некоторые размышления могут привести нас к тому, что нельзя исключить вероятность изъятия дел из фонда по некоторым причинам. Если это так, речь может идти о собственно произведениях К.В. Афанасьева. Из помянутых им для возможной передачи в архив Литмузея нет, к примеру, 60 записных книжек. Впрочем, тут остается знак большого вопроса. Личный фонд К.В. Афанасьева попал в РГАЛИ именно из Литмузея²⁶.

Во второй группе документов, как было сказано выше, находятся отзывы и рецензии на произведения, преимущественно пьесы Кузьмы Васильевича Афанасьева. Тексты пьес, к сожалению, в фонде отсутствуют. Остаются порой неясными и названия некоторых произведений, о которых идет речь.

Выделим и пронумеруем каждого адресанта Кузьмы Васильевича. Орфография источника сохраняется.

1

Первые письма датированы декабрем 1915 года, писаны тонким изящным почерком старорусской орфографией. Автор их — Юлий Исаевич Айхенвальд²⁷, один из самых авторитетных литературных критиков дореволюционной России. (В 1922 году он покинул Россию на «философском пароходе»; выступал с критикой советского режима.) Надо сказать, что отзывы на рассказы Афанасьева, хотя и не лишенные критики, очень позитивные. Многое отдашь за фразу: «Мне нравится простой и живой язык Ваших рассказов», но и «в общем удовлетворяете Вы меня больше там, где по-просту рассказываете, а не морализируете»²⁸. Или так: «Вообще, право на литера-

²⁶ См.: *Варкан Е.* Переписка К.В. Афанасьева и директора Государственно-го литературного музея В.Д. Бонч-Бруевича. С. 195–212 настоящего сборника; РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Копии документов находятся в фондах Пушкинского Заповедника.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 7. 9 л. Письма Ю.И. Айхенвальда К.В. Афанасьеву. Рукописи, автографы. 7–21 декабря 1915 года, б/д.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

турное существование Ваши вещицы имеют, — маленькия безобидные акварели...»²⁹

Если рассказы, о которых толкует критик, имеют названия (нам эти произведения неведомы), то есть именуются в первых двух рецензиях, то третья посвящена анализу некоей пьесы, которая остается нам неизвестной: «На мой взгляд, Вам гораздо лучше удалась бытовая сторона фабулы, чем фантастико-психологическая». Эта мысль перекликается с мыслью о «морализаторстве». Также мы понимаем, что Афанасьев склонен к «сказочным» сюжетам. Критик резюмирует: «Ни сказка, ни реальность», — но подписывается: «Готов к услугам»³⁰. Здесь мы видим пример деликатной и объективной критики, которая сменит тон в послереволюционное время. Вероятно, новым людям не нравятся ни сказки, ни мораль.

Скорее всего, эти (или подобные этим) рассказы вошли в сборник Афанасьева «Маленькие рассказы». Экземпляр хранится в Российской государственной библиотеке³¹. И хотя книга издана в 1915 году и рецензии Айхенвальда датированы концом 1915 года, можно все же предположить, что Афанасьев предоставлял для отзывов какие-то вещи, уже готовящиеся к публикации в сборнике. Ведь получить мнение авторитетнейшего критика времени было для него очень желательно.

2

Всякие случаются интересности. На наш взгляд, целая интрига, даже букет интриг вслыхивает в послании к Кузьме Васильевичу Афанасьеву от некоей Гольдсмит³². Письмо, личное и дружеское, пришло, скорее всего, из Франции — это следует из контекста.

Начинается оно с извинений за долгое молчание и объяснения перипетий, связанных с блужданием двух его писем, что долгое время искали адресата³³. Замечается в нем, что его известия в полной мере передают его настроения, посему, вероятно, одно из сообщений (второе)

²⁹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

³⁰ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

³¹ Афанасьев, Кузьма Васильевич (1874—). Маленькие рассказы / К.В. Афанасьев. Москва: Слав. лира, 1915. 86 с.; 20. FB V 285/257 FB V 85/220.

³² РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 9. 9 л. Письмо Гольдсмит К.В. Афанасьеву. Рукопись. 1906 год.

³³ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

«в несколько измененном виде попало даже в одну французскую газету в виде корреспонденции и, говорят, очень заинтересовало французов»³⁴.

В дело вложена записка: «Это Мария Исидоровна Гольдсмит³⁵. Иванникова». В листе просмотров запись: «Иванникова (2016)». Инициалов не имеется, и мы можем предположить, что Иванникова — либо из потомков Михаила Дмитриевича Иванникова, русского писателя-эмигранта, которая разыскивает персоны, с некоторой вероятностью связанные с судьбой родственника, либо Светлана Геннадиевна Иванникова — исследовательница из Тамбовского государственного университета, в круг интересов которой входят русские литераторы первой трети XX века, второго-третьего рядов.

Подпись в этом письме, можно считать, отсутствует, имеется лишь росчерк, в котором не угадывается ни одной буквы³⁶. Установить адресанта с большой вероятностью можно было по почерку, что должен быть хорошо знаком исследователю (либо архивистам, которые принимали документы на хранение). В архив, вероятно, могли поступить одновременно несколько писем этого автора, имя которого было известно (Гольдсмит). Они не были выделены в отдельный фонд, а были распределены в имеющиеся личные фонды адресатов автора. Например, в РГАЛИ есть письма Марии Исидоровны к Вере Николаевне Фигнер³⁷. Словом, на обложке дела твердо написано — Гольдсмит (с последующей припиской Иванниковой — это Мария Исидоровна). Зная историю возникновения РГАЛИ, основной объем которого «вышел» из Литературного музея, понимаем, что, скорее всего, атрибуция происходила еще

³⁴ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 9. Л. 9 об.

³⁵ Гольдсмит Мария Исидоровна (урожденная Андросова) (1858–1932), псевдонимы: Г-т, М., Изидин М., Корн М. Доктор естественных наук, профессор Парижского университета, анархистка, член редакции заграничного журнала анархистов «Хлеб и воля». В декабре 1913 — январе 1914 года принимала участие в I Объединительной конференции русских анархистов-коммунистов за границей, на которой избрана членом Комиссии по выработке программы занятий для групп анархистов. В 1920–1930-х годах занималась литературно-издательской деятельностью, сбором материалов по истории анархистского движения // Путеводители по русским архивам [Электронный ресурс: <http://guides.rusarchives.ru/funds/8/goldsmit-mariya-isidorovna>]. — Ред.

³⁶ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 9. Л. 9 об.

³⁷ РГАЛИ. Ф. 1185.

на стадии организации Литмузея (с последующим комментарием исследователя Иванниковой).

Письмо датировано 17 ноября — без года. Однако в названии дела стоит точная дата: 1906 год. Интересно, что дата эта устанавливается по одной фразе текста: «Помните, Бальмонт писал прошлой зимой: «Страшит шорох утренних газет?»»³⁸. Это цитата из стихотворения «Я с ужасом теперь читаю сказки...» русского поэта Константина Дмитриевича Бальмонта, написанного в 1905 году. Вот такую скрупулезную работу приходится иной раз проводить очень, заметим, образованному исследователю или архивисту, чтобы атрибутировать документы. Кстати, аллюзию к этому стиху Бальмонта находим в поэме-мистерии «Шествие» Иосифа Александровича Бродского 1961 года:

И шум дождя, и вспышки сигарет,
шаги и шорох утренних газет...

Теперь вернемся к Марии Исидоровне Гольдсмит. Согласно Национальной политической энциклопедии, она — анархо-коммунист, последовательница и соратница князя Петра Алексеевича Кропоткина. С отъездом Кропоткина в Россию после 1917 года — хранительница его архивов и личных вещей. С 1887 года жила во Франции, в Париже. Профессор Сорбоннского университета. К вопросу о местах пребывания адресанта Афанасьева: письмо это пришло из Франции. Но удивительно, какие причудливые дружества имел Кузьма Васильевич, ведь нам ничего не ведомо о его политических убеждениях. Не очень понятно, как и где наши корреспонденты могли познакомиться. К моменту ее отъезда из России нашему герою было 13 лет. Тогда есть вероятность, что он предпринимал некие путешествия в Европу. Наблюдались у них и общие приятели, через которых передавались письма, что понятно из повествования Марии Исидоровны³⁹. Об этом говорят и инициалы «Ник. Павл.» или «В.М.», известные корреспондентам, но не нам⁴⁰. Понятно делается и то, что в тот момент Кузьма Васильевич не планировал поездку в Европу: «А вы, значит, совсем отказались от мысли приехать

³⁸ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 9. Л. 9 об., 2.

³⁹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 9. Л. 9 об., 2.

в наши места?»⁴¹ — хотя, вероятно, настроения такие случались, иначе откуда бы взялся вопрос.

Гольдсмит предпринимает и описание для него своей жизни, весьма коротенькое, в некой «колонии» — это либо кампус Сорбонны, либо анархо-коммунистическая ячейка («Публика приезжает, но не-внятная и общаться не хочется. Зато остается время для работы»). Просит писать почще и обо всем, указывает и новый адрес — по-французски⁴².

Любопытна и приписка наверху первой страницы, над обращением «Дорогой Кузьма Васильевич». Мария Исидоровна просит Кузьму Васильевича помочь одному своему знакомому с публикацией в научных журналах, из чего следует, что Афанасьев имел тогда неплохие связи в печатных изданиях⁴³.

И заключим рассмотрение дела цитатой из письма — о времени, так сказать. «Помните, Бальмонт писал прошлой зимой: «Страшит шорох утренних газет»? Все это было ничто в сравнении с теперешним! А как вы себя чувствуете среди всего этого? Находите ли какую-нибудь работу по душе? Как литературные работы? Говорят, вашу пьесу будут ставить, какая же пьеса? Мы ее не читали, очевидно»⁴⁴. Умилительно для нас, что люди ужасались событиям 1906 года (которые следовали, как понятно, за известными событиями 1905 года), когда мы знаем все последующие. Наверное, происходили в 1906 году какие-то ужасные происшествия, но настолько стерлись ластиком позднейших российских революций...

3

Четыре послания из Ленинграда от Евтихия Павловича Карпова, драматурга и режиссера (заслуженного режиссера республики), датированы 1924–1925 годами⁴⁵. Речь в них идет о пьесе Афанасьева «Балерина» и возможностях ее постановки в Академическом театре. Послания напечатаны на машинке (автографы все ж имеются), что говорит за то,

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

⁴² РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 9. Л. 2, 9 об.

⁴³ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 9. Л. 9 об., 2.

⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 10. 9 л. Письма Е.П. Карпова К.В. Афанасьеву. Машинопись, одно на бланке с домашним адресом. На открытке — приписка рукой Афанасьева. 27 апреля 1924, 31 октября 1925 года.

что автор был весьма продвинутым. Впрочем, он мог иметь и секретаря, который печатал под диктовку.

В первом письме традиционно путают имя Кузьма с именем Константин. Причем в обращении имя все же переправлено на Кузьму, а вот в написании адреса таки нет⁴⁶. Такое положение напоминает формальное отношение адресанта к делу, хотя пьесу «Балерина» он прочел и нашел ее «не лишенной остроумия»⁴⁷. Тон писем ободряющий и, даже можно сказать, бравурно дружелюбный. Такой бывает принят между близкими товарищами. А заканчиваются три из четырех писем одной и той же фразой: «Крепко жму Вашу руку и передаю привет»⁴⁸.

Смысл сообщений выходит такой, что все идет прекрасно, но что-то все дело тормозит. Среди помянутых «участников» предприятия по продвижению пьесы на сцену поминается Иван Васильевич Экскузович (кстати, управляющий государственными академическими театрами РСФСР), в недрах портфеля которого, как предполагает Карпов, и погибнет пресловутая пьеса⁴⁹. После долгого обсасывания трудностей в проталкивании афанаьевской пьесы «Балерина» Карпов участливо предлагает просто отправить ее на «имя Заведующего Художественной частью Александринского т. Репертуар еще не закончен и, насколько я знаю, театр нуждается в комедиях. Шлю сердечный привет!»⁵⁰ Как кажется, к этому времени Карпов имел уже мало влияния в театральной среде и не очень хлопотал о всяких литераторах. Последнее послание написано на изящном личном бланке Карпова с адресом (Гончарная улица) и телефоном⁵¹. Переписка прекращается, потому как Евтихий Павлович Карпов умер в самом начале 1926 года.

Мы же из этого дела узнаем, что Афанаев в это время жил в Москве по адресу: Большая Спасская улица, дом 20, квартира 20⁵². Этот его адрес еще всплынет в его переписке с другими корреспондентами.

Остановимся здесь на одной детали, весьма важной и показательной, на наш взгляд. На почтовой карточке (первое письмо датировано

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 10. Л. 1, 9 об.

⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 10. Л. 9 об.

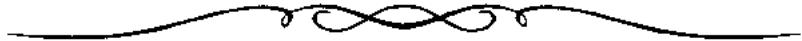
⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 10. Л. 9 об., 2, 9 об.

⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.

⁵¹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.

⁵² РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

27 апреля 1924 года) пометка ручкой, как бы специально для нас, Кузьмы Васильевича: «1/V — 24 г Через 10 лет пишут об одном и том же, а пьесы ставят несообразно с сюжетами. КА». И также что-то карандашом — неразборчиво. Карандашом же послание разрисовано — листочки, квадратики и другие каракули⁵³. Из этого, однако, следует, что Афанасьев получал уже сообщения от Карпова 10 лет назад и, вероятно, даже был знаком с ним довольно давно.

Забегая вперед, скажем, что эту чудесную мысль можно приписывать и приписывать почти к каждой рецензии, полученной К.В. Афанасьевым (их мы еще рассмотрим).

4

Январь 1913 года. Из Киева получено послание от Николая Дмитриевича Красова⁵⁴. Красов (настоящая фамилия Некрасов) — популярный в свои годы артист, по большей степени участвовавший в провинциальной антрепризе. Однако работал и в Театре В.Ф. Комиссаржевской в Петербурге — режиссером, и даже главным режиссером московского Театра Корша. С этой его деятельностью, вероятно, и связан интерес Афанасьева, который предлагал свои пьесы во многие места. В 1913 году Красов в Киеве (пометка о месте написания письма рядом с датой, 7 января⁵⁵). И мы узнаем, что пьеса «оставила во мне сумбурное впечатление, разбираясь же в ней было положительно некогда»⁵⁶. Замечает Красов, и что «прочел сотню пьес и они перепутываются в голове». Хороши же отзывы, заметим мы, если все «перепутывается в голове». Размышляет Красов про специфику киевской сцены, что также, наверное, может объяснить сомнения — в смысле возможности постановки. В конце концов, как у них у всех было принято, жмет руку и сообщает, что сам станет снова играть, «без этого скучно»⁵⁷. Но нам до его игры уже нет никакого дела, потому как имеется у нас очередная отписка.

⁵³ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 10. Л. 9 об.

⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 11. 9 л. Письмо (Красова) К.В. Афанасьеву. Рукопись. 9 января 1913 года.

⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

⁵⁶ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

⁵⁷ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 11. Л. 9 об., 2.

Тем временем наш герой не оставляет попыток и ищет поддержки в творческой среде или среди своих знакомых в разных городах и всях — не только в Киеве, но и в Крыму⁵⁸.

Драматург Сергей Александрович Найденов, пожалуй, один из самых (на сегодня) именитых корреспондентов К.В. Афанасьева, даже известный в наше время — как автор пьесы «Дети Ванюшина», которую многие считают автобиографической. Пьеса имела такой большой успех (она не без успеха шла в театрах уже и в крепко советские годы), что в 1903 году получила от Общества русских драматических писателей премию имени А.С. Грибоедова. Интересно тут то, что первым пьесы «Дети Ванюшина» в декабре 1901 года в Санкт-Петербурге поставил небезызвестный нам Евтихий Павлович Карпов. Вероятно, друг через друга и были сведены эти знакомства Афанасьева. После 1909 года Найденов по болезни переехал в Ялту, где не оставил творческой деятельности и даже умножил и укрепил, как нам кажется, творческие связи. Его в Крыму — кто ж не ездил в Крым? — посещали А.М. Горький, И.А. Бунин, Н.Д. Телешов. Вот почему послание к Афанасьеву пришло из Севастополя, и речь в нем — опять и снова — о возможности/невозможности постановки пьес в местном театре.

Очередной отказной ответ мотивируется тем, что труппа Севастопольского театра «гастрольная, т. е. состоит из провинциальных и столичных актеров, которые и требуют ставить пьесы их репертуара... Идея — послать пьесу для Севастопольского театра лишена практической почвы». Автор письма добавляет, что от критики отказывается⁵⁹. «Не критикую, т. к. уверен моя критика Вам совершенно не нужна, а поставить пьесу я, прежде всего, не могу по чисто практическим соображениям — нет времени, сезон 2 месяца...»⁶⁰ Чистосердечно.

Одна из немногих удач на поприще поиска понимания в театральном сообществе Ленинграда для Кузьмы Васильевича Афанасьева

⁵⁸ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 13. 9 л. Письма С.А. Найденова К.В. Афанасьеву. Рукопись. 1914 год.

⁵⁹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

⁶⁰ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 13. Л. 9 об.

также обернулась потерей⁶¹. Письмо отправлено еще из «СПб.» 20 февраля 1924 года (город был переименован в Ленинград 26 января 1924 года) и выглядит некой весточкой из прошлой жизни. В названии дела некорректная датировка — на почтовой карточке четко прописано: 20/2⁶². Его автор, Дмитрий Константинович Петров — известный филолог, историк литературы, поэт-переводчик. И вот он прямо льет чистейший бальзам: «Балерину» я читал с большим удовольствием, оценив в ней и художественные достоинства, и честность мысли. В таком тоне составлен и мой отзыв. Я распорядился, что-бы Вам его выслали. Сколько я знаю, пьеса Ваша сейчас находится у управляющего Акад. театрами И.В. Экскузовича. От души желаю Вам успехов в Вашей литературной работе»⁶³. Фамилия Экскузовича, в недрах портфеля которого гибнут многие пьесы, отправляет нас к адресату Афанасьеву Евтихию Павловичу Карпову и его письму от 30 сентября 1924 года⁶⁴, а также к трагической приписке Карпова в письме от 31 октября 1925 года: «Дмитрий Константинович Петров волею Божию-помре»⁶⁵. С момента получения письма-поддержки прошло полтора года, но Кузьма Васильевич Афанасьев все же лишился дружеского участия влиятельного человека.

Скоро не станет и самого Карпова.

7

К этому делу напрямую можно отнести и еще одно, этого же фонда⁶⁶.

В нем два документа. Как раз письмо секретаря Государственных академических театров, в котором сообщается, что по просьбе литературного консультанта Д.К. Петрова присыпают его отзыв о пьесе «Балерина», который находится в «настоящее время на прочтении у И.В. ЭКСКУЗОВИЧА, Директора Академических театров»⁶⁷. Приложен и сам

⁶¹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 14. 9 л. Письмо Д.К. Петрова К.В. Афанасьеву. 9 сентября 1924 года.

⁶² РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

⁶³ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

⁶⁴ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 10. Л. 9 об.

⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 20. 9 л. Письмо секретаря художественного совета Государственных академических театров К.В. Афанасьеву. 20 июня 1924 года.

⁶⁷ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.

вполне положительный отзыв Петрова: «Если цензура позволит, то следует поставить на сцене Александринского Театра этот редкий в России опыт комедии в аристофановском духе»⁶⁸. Отзыв этот чудесный автору, Афанасьеву, так и не пригодился.

8

Следующая отписка пришла на бланке Московского художественного театра с чайкой и подписью К.С. Станиславского (автограф)⁶⁹. «Гражданину К. Афанасьеву» сообщается, что его сказки переданы в репертуарную комиссию. Сам же он, Станиславский, пьес не читает «во первых по недостатку времени, а во вторых по болезни глаз». И в финале вполне жизнеутверждающе: «Очень буду счастлив если Ваша пьеса окажется подходящей для Театра, так как он весьма нуждается в хороших литературных произведениях». Забыл вот только руку пожать, дружественно, как другие.

9

Письмо Юрия Михайловича Юрьева можно считать классическим примером бюрократического искусства⁷⁰. Знаменитый актер Юрьев в 1922–1928 годах возглавлял Александринский театр. Мы узнаем из его послания, что одна из пьес, «Подстреленные птицы» К.В. Афанасьева, была представлена в конкурсе, который проводило правление Академических театров, и «была на прочтении жюри конкурса». Пьесы «поступают в библиотеку Актеатров, причем было выражено пожелание, чтобы пьесы остались в архиве Театров, в их библиотеке, как интересный бытовой материал». Предлагается автору, по его желанию, забрать свою пьесу, которую ему вышлют, но «благоволите прислать марки на пересылку».

Здесь мы имеем хотя бы автограф Юрия Михайловича Юрьева.

10

В следующее дело сразу нужно внести ясность⁷¹. В его наименовании стоит «Юдин Александр Иванович», но это очевидная описка:

⁶⁸ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.

⁶⁹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 16. 9 л. Письмо К.С. Станиславского К.В. Афанасьеву. Машинопись, автограф. 11 сентября 1924 года. Л. 1.

⁷⁰ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 17. 9 л. Письмо Ю.М. Юрьева К.В. Афанасьеву. Открытка, машинопись 9 ноября 1925 года.

⁷¹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 18. 9 л. Письма А.И. Юдина К.В. Афанасьеву. 19–21 мая 1926 года.

надо бы читать «Южин Александр Иванович». Именно Южин (Сумбатов) был почетным директором и председателем художественного совета Малого театра с 1 января 1926 года. На обложке дела в верхнем правом углу надпись — уникальная.

Письма писаны на очень изящном бланке «Почетного Директора Государственного Академического Московского Малого театра». Первое — от 14 мая 1926 года — машинописное. Другое — 21 мая того же года — рукописное, и на нем отчетливо прописан автограф: АЮжин. В обоих посланиях к Афанасьеву Южин обращается к нему «К.В.», то есть, скорее всего, он не догадывается, как зовут адресата. Да и откуда? Да и зачем? Ведь поток пьес в театр, наверное, был немальным.

Итак, Александр Иванович сообщает, что «репертуарный план уже закончен» и речь может идти только о следующем плане — 1927/28 годов⁷². К тому же он советует: «До предоставления в Художественный Совет Вам надо представить Вашу пьесу «Подстреленная птица» в Репертком, потому что несомненно могут встретиться цензурные затруднения для постановки этой пьесы»⁷³. Фраза «несомненно могут встретиться цензурные затруднения для постановки этой пьесы» говорит за то, что пьеса была читана и понята. Это вызывает даже доверие. А вот совет отправить ее для начала в Репертком расставляет все знаки препинания. Несколько слов о Реперткоме и некоторых его сотрудниках мы скажем ниже, когда станем рассматривать третью группу документов, в которой находятся письма Афанасьеву его друга Ивана Ивановича Лебедева.

Южин, однако, благодарит незнакомого автора за беспокойство о своем здоровье, и, вероятно, это беспокойство не было для Афанасьева фильтром речи. Вскоре Южин умер во Франции, на южном берегу, куда уехал для лечения.

Второе письмо Южина чуть почеловечнее. Из него понятно, что Афанасьеву в очередной раз придется забрать пьесу из очередного театра. И это, похоже, ввергает в некоторую грусть «Почетного Директора»: «Все, что Вы мне пишете о репертюре, — тяжелая правда. Я испытал на себе еще худший произвол. Но это все хорошо, а лапа давит и иного пути я не вижу»⁷⁴. Трагательное откровение, но при нем Александр Иванович не забывает, как и многие в те годы, приписать: «Крепко жму Вашу руку».

⁷² РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

⁷³ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

⁷⁴ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.

В октябре 1924 года в Камерном театре получают письмо Афанасьева «относительно пьесы вместе с отзывом»⁷⁵. Отзыв, скорее всего, от Д.К. Петрова, и он, мы помним, весьма благоприятный. В сухом остатке: «Показывали последний [отзыв] А.Я. Таирову», который заметил, что говорить что-либо, не прочитав, трудно, «т. к. Вы конечно сами понимаете, что даже между самыми компетентными людьми может быть по отдельным вопросам разногласие. Поэтому если желаете, то пришлите пьесу нам и только тогда можно будет с уверенностью сказать насколько она нам подходит»⁷⁶.

Письмо на бланке Камерного театра, рукописное, подпись неразборчивая. Обращение — «Уважаемый товарищ».

На обороте — черновик предполагаемого ответа (чернила, карандаш) Афанасьева (подписывается Лесником) в Камерный театр с обращением к некоему неведомому Сергею Дмитриевичу. Он объясняет, что посыпал отзыв, чтобы познакомить с содержанием пьесы заранее. И дальше рассказывает забавный случай, который нельзя не привести.

«Занес я «Балерину» в 1-ую студию Художественного Театра. А там развернули пьесу, прочитали, что в комнате стоит железная печка-лилипутка и на их лицах выразился испуг: значит не любят трепещущей жизни сегодняшнего дня. Пьесу возвратили тут же, не читая, со словами: «Не подходит, раз стоит печка-лилипутка». Какая быстрота сообразительности!»⁷⁷ И подпись: «К. Лесник. Афанасьев».

Последнее дело, начинаясь вроде оптимистически, заканчивается полной катастрофой⁷⁸.

Первое письмо датируется 1927 годом. Но на бланке издательства «Земля и фабрика», на котором оно написано, прочитывается 1929-й. Автор ответа, вероятно кто-то из помощников или секретарей А.В. Луначарского, сообщает, что «тов. Луначарский, не имея возможности ознакомиться с Вашими пьесами, попросил т. Волькенштейна, известного

⁷⁵ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 19. 9 л. Письмо Камерного театра (на бланке) К.В. Афанасьеву. Рукопись. 12 октября 1924 года.

⁷⁶ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

⁷⁷ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 19. Л. 9 об.

⁷⁸ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 21. 9 л. Письмо издательства «Земля и фабрика» К.В. Афанасьеву. (Приложен отзыв В.М. Волькенштейна о пьесах Афанасьева.) Рукопись, машинопись. 27 ноября 1927 года.

теоретика драмы и драматурга, прочитать их и дать отзыв»⁷⁹. Речь идет о трех пьесах (комедиях): «Подстреленные птицы», «Балерина», «Гость из Москвы». А вот и отзыв Владимира Михайловича Волькенштейна. Собственно, можно ограничить цитирование одной лишь первой фразой: «Пьесы К. Афанасьева лишены каких бы то ни было сценических и литературных достоинств»⁸⁰. Отметим особо реплику к комедии «Балерина»: «Автор заявляет в заключение: «Комедия своим смехом освободит души от кошмара царизма и страха революции (?! — Кто-то приписал карандашом: «Не лучше ли: «От старого и нового кошмара?» — !). Под конец все кричат: «Да здравствует искусство!»⁸¹ Кстати, карандашом любил делать всякие приписки сам Афанасьев.

* * *

Можно считать, что катастрофой заканчивается и вся суэта вокруг театров и критиков.

Видели мы всякие отзывы, но резюмировать их можно, пожалуй, мыслью, пришедшей от московского Камерного театра с неразборчивым автографом и пересказом якобы слов А.Я. Таирова: «Вы конечно сами понимаете, что даже между самыми компетентными людьми может быть по отдельным вопросам разногласие»⁸².

Тяжело прокладывать себе дорогу, не будучи в «обществе» и живя на выселках. И хотя предпринимал наш лесник Афанасьев героические усилия, дойдя вроде и до Луначарского, и до Станиславского, и до Южина, и до Юрьева... Да какой в этом толк, когда за них читают репорткомы.

И вот что хочется ко всему этому приписать:
«Крепко жму Вашу руку. Шлю сердечный привет!»

* * *

Переходим к третьей части нашего повествования, куда поместились личные письма к Афанасьеву от его приятеля — «крестьянского писателя» Ивана Ивановича Лебедева⁸³.

⁷⁹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

⁸⁰ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 21. Л. 2.

⁸¹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 21. Л. 2.

⁸² РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

⁸³ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. 58 л. Письма И.И. Лебедева К.В. Афанасьеву. Открытки, рукопись. 1930-е годы.

Это дело отличается и солидным объемом. По письмам личным и, в общем, человечным к Кузьме Васильевичу успешного, как он называл его, «крестьянского писателя» Ивана Ивановича Лебедева, получившего квартиру в писательском доме в Лаврушинском⁸⁴, большую часть советской жизни проведшего в санаториях, пансионатах и домах ветеранов, фрагментарно проглядывается биография нашего героя, маршруты путешествий по России (вероятно, предпринятых из соображений безопасности), места проживания и работы, некоторые итоги его литературных скитаний, отношения с женщинами и другое. Просматривается здесь и судьба самого Ивана Ивановича.

Скажем тут два слова об этом писателе-самоучке. Из бедноты, юность и молодость прошла в скитаниях. Печатался еще до Октябрьской революции; сочинения его можно считать деревенским бытописанием, в чем он, наверное, знал толк. Ключевая пьеса Лебедева «Голодные и сытые», запрещенная к постановке и изданию в царское время, понравилась А.В. Луначарскому, который дал ей очень высокую оценку. «Я с уверенностью жду от Вас значительного взноса в только сейчас начинаящий слагаться революционный репертуар», — заметил Луначарский. Он же написал предисловие к сборнику пьес Лебедева «Скоморох». Как нам кажется, не без некоторой иронии сам Афанасьев в одном из писем к своему другу поэту Филарету Ивановичу Чернову замечает, что «Луначарский одним словом — «народолюбец» — определил его творчество», и мы понимаем в общем его творческую судьбу⁸⁵.

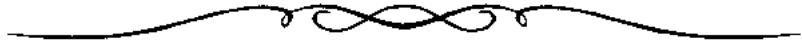
И опять отмечаем, что отсутствуют письма Афанасьева к Лебедеву — с грустью, потому как из них стал бы нам многое понятней образ жизни, так сказать, социокультурный быт лесника, о котором мы по-прежнему можем только догадываться. В РГАЛИ хранится личный фонд И.И. Лебедева⁸⁶, но там не обнаруживаются письма Кузьмы Васильевича Афанасьева.

В нашем деле — 51 документ, 58 листов. Письма очень лаконичны. Порчерк четкий, что значительно облегчает чтение. Некоторые послания писаны на почтовых карточках. По указанным адресам мы понимаем

⁸⁴ Дом писателей в Лаврушинском переулке — дом по адресу: Москва, Лаврушинский переулок, дом 17, строение 2. Построен по проекту архитектора И.Н. Николаева в 1935–1937 годах на участке, переданном жилищно-строительному писательскому кооперативу «Советский писатель». — Ред.

⁸⁵ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 19 об.

⁸⁶ РГАЛИ. Ф. 1253.

места обитания Кузьмы Васильевича: «Ст. «Сходня» Октябрьской жел. дор., Курганный просп., дача 4», «Почтов. отд. Дарынинский завод, Кадомского района», «неведомый гор. Невель», «Пушкинский заповедник Калининской области».

Свести документы в единое повествование довольно сложно. Как кажется, будет более правильным пронумеровать письма (в некоторых — несколько страниц) и описать каждое в отдельности для понимания и удобства извлечения информации. Орфография сохраняется.

1

Первая весточка пришла 8 июня 1930 года из Дома творчества писателей в Старой Рузе Можайского района. «Не знаю, удастся ли мне что нибудь в нем «натворить», — замечает автор. Кроме радостей отдыха, которые поминает Иван Иванович, проскальзывает радость за Филарета Ивановича (Чернова) и нашего героя. Вероятно, им удалось опубликовать что-то из текстов⁸⁷. Афанасьева и Чернова также связывали дружеские отношения. Про Чернова мы расскажем, когда станем рассматривать письма к нему К.В. Афанасьева, которые отложились в личном фонде Ф.И. Чернова в РГАЛИ⁸⁸.

Опять похвалим адресанта за выставление даты в своих посланиях. Но у Лебедева любопытна сама форма датирования. Сначала он пишет, как мы понимаем, век, затем число, потом месяц и в конце — год: «19 8/VI 30»⁸⁹.

2

В июле Лебедев все там же: «Живется здесь пока недурно», — и собирается прожить «недурно» до сентября. Правда, расстраивается, что уже не так успешны литературные дела Афанасьева, как казалось: «Неужели до сих пор результаты остаются невыясненными?»⁹⁰

3

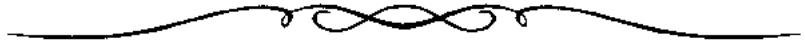
В конце августа Лебедев отвечает (не сразу) на «скорбное» письмо Афанасьева, потому как не находил «слов утешения», намекая, что и сам страдает от издательств. Вероятно, на издательском фронте опять

⁸⁷ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

⁸⁸ См.: Варкан Е. Кузьма Афанасьев и Филарет Чернов. Переписка. С. 260–297 настоящего сборника; РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Копии документов находятся в фондах Пушкинского Заповедника.

⁸⁹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

⁹⁰ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

неудача. Лебедев обещает по приезде в Москву «приняться за расследование этого дела через самого зав. домом [имеется в виду издательский дом]. Он даст нагоняй виновникам. Я его знаю за энергичного и честного человека»⁹¹. Посмотрим, что из этого выйдет.

4

В середине сентября Лебедев вынужден из-за «семейных дрязг» (так называет отношения в своей семье сам автор) опять отправиться в Дом творчества в Рузу месяца на полтора. Снова интересуется, добились ли его друг «окончательного ответа о своих литературных работах». С литературными заботами, как видим, воз и ныне там. Но у самого Лебедева выходит пьеса «Половодье»⁹².

По адресу на почтовой карточке узнаем адрес, по которому проживал в это время Афанасьев: «Ст. «Ходня» Октябрьской жел. дор., Курганный просп., дача 4»⁹³. Тут же Лебедев вопрошают, «устроились ли со службой», из чего мы понимаем, что Кузьма Васильевич, вероятно, задумывал как-то зацепиться в столице или ближнем Подмосковье.

5

Лебедев все же по-дружески хлопочет о литературных делах приятеля. Просит прислать «Жизнь на Алтае» или что то в этом роде, чтобы передать для прочтения редактору «Земли Советской» Михаилу Яковлевичу Карпову. Мы узнаем, что Карпов также месяцами живет в Доме творчества, как, впрочем, и сам Лебедев⁹⁴. Так начинаем мы потихоньку наблюдать жизнь народившейся советской литературной элиты, которая не всегда оказывалась для всех счастливой. К примеру, М.Я. Карпов на сей момент (20 сентября 1930 года) в полном порядке, а в 1936 году будет арестован и через год расстрелян.

6

В следующем письме, от 4 октября 1930 года, — новое разочарование. Редактор «Земли Советской» «по прочтении и наложении резолюции, передаст ее [рукопись] в Коллегию, где в свою очередь будут читать другие. Судя по всему этому расчитывать на получение скорого ответа не приходится»⁹⁵.

⁹¹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 3.

⁹² РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 4.

⁹³ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 9 об.

⁹⁴ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 5.

⁹⁵ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 6.

Но возникает тут и любопытный сюжет — Лебедев интересуется, не найдется ли свободной комнаты для «одной молоденькой и, к слову сказать, хорошенькой и очень симпатичной писательницы»⁹⁶. Что из этого выйдет? Спрашивает, и «как литературные делишки Ф.И.»: наверно, это Филарет Иванович Чернов.

7

В середине октября (15-го числа) 1930 года на несколько дней Лебедев приезжает в Москву и просит Афанасьева прийти к нему домой для разговора. Впереди — опять Дом творчества⁹⁷.

8

Лебедев и сам переживает «душевную ломку» (13 декабря 1930 года). Болеет, почти не видит, почему и не может прочесть присланные Афанасьевым рукописи и, в частности, некое произведение под названием «Чистка». Сообщает он и свой новый адрес — чтобы к нему «заглянуть»: «Москва, Шаболовка, Дом Ветеранов Революции им. «Ильича», комната 19»⁹⁸.

Из-за «семейных дрязг» он, вероятно, не может жить дома. Дрязги эти постоянно возникают в его письмах.

9

В январе следующего, 1931 года все еще из Дома Ветеранов приходит очередная весточка. Ее можно процитировать почти целиком для ощущения колорита времени. «Вчера был на пленуме крестьянских писателей. Возмутился. Бесполезная болтовня. Вышла «Антология крестьянской литературы», в которой уделено полтора десятка страниц и мне. Нелепая, никому ненужная книга. Вашу «Чистку» в секции клубных и крест. драматургов еще не успели прочитать»⁹⁹.

10

Прошел год. 24 декабря 1931 года Лебедев по-прежнему у «Ильича». Зато Кузьма Васильевич сменил место жительства. На почтовой карточке — «Почтов. отд. Дарьинский завод, Кадомского района. (...) Афанасьеву Кузьме Васильевичу До востребования»¹⁰⁰. Если говорить

⁹⁶ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12 Л. 6.

⁹⁷ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 7, 8.

⁹⁸ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 9.

⁹⁹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 10.

¹⁰⁰ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 11 об.

о новом месте пребывания Афанасьева, то Кадомский район находится в Рязанской области. В этом районе и поселок Дарьино. Согласно современным справочникам, в поселке есть спиртовой завод, а число жителей не превышает 300 человек. Что там происходило в 1930-е годы, неведомо.

Ничего не изменилось только «в литературных делишках». Новое произведение Афанасьева «Подруги» еще не просмотрено в отделе распространения (?)¹⁰¹.

11

Опять не прочитали «Подруг» Афанасьева — летит сообщение на Дарьинский завод Кадомского района в январе 1932 года¹⁰². Но беда и с собственной «Бабушкиной пряжкой», которая хотя и одобрена в «Методцентре» (не очень внятно в рукописи обозначено, при каком отделении чего находится этот центр), но никак не рассматривается в Главреперткоме¹⁰³. Как они во всех этих бюрократических структурах-аббревиатурах разбирались?

Но есть и приятная новость, она для нас остается совершенно понятной: «Меня обрадовала твоя «маленькая радость», которую я испытывал не раз при виде на сцене своих пьес». Выходит, что какую-то пьесу Афанасьева все же где-то поставили, но нам совсем неведомо, где и какую. В Дарьинском заводе Кадомского района? Но порадуемся и этому¹⁰⁴.

Впрочем, в русском театральном деле случались всякости. К примеру, в декабре 1827 года в только отвоеванной у персов Эривани впервые была поставлена пьеса Александра Сергеевича Грибоедова «Горе от ума», запрещенная к постановке в столицах. Роли исполняли русские офицеры, на представлении присутствовал сам автор, который тогда состоял при дипломатическом отделе армии генерала Ивана Федоровича Паскевича. Это был единственный случай постановки этой пьесы, которую к тому времени наизусть знала вся культурная элита страны, на российской сцене при жизни автора. К печати и постановке ее не допускала цензура.

¹⁰¹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 11.

¹⁰² РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 12, 12 об.

¹⁰³ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 12.

¹⁰⁴ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 12.

12

Следующее послание от 19 марта 1932 года, пришедшее все еще из Дома «Ильича», наполнено все теми же «подробностями» по-прежнему неизвестной судьбы афанасьевских «Подруг». Сейчас они оснащены обстоятельством отсутствия зав. отделом распространения Валуева и «без него никто ничего не знает»¹⁰⁵.

Но наконец являются и иные обстоятельства литературной жизни, общих для многих. «Спасибо за сообщенные подробности (далее идет аккуратно зачеркнутое другими, фиолетовыми, чернилами либо имя, либо название организации) — они совпадают с сообщениями из многих других мест и дают мне возможность сделать определенный вывод: «делишки то наши — швах!»¹⁰⁶

А вот и эти самые особенности жизни советской литературы 1930-х. Они любопытны. «Тираж газет сокращается, рукописи авторам возвращаются. Из «Земли Советской» мой мемуарный роман, назначенный к печатанию в 1 и 2 книгах журнала на 32 год мне возвращен обратно с пояснением, что ЦК партии постановил, что бы худож. литература отвечала только задачам дня, а «о прошлом пора позабыть». Гиз расторгнул около 250 договоров, при чем какая то часть гонорара за принятые, но не напечатанные рукописи будет уплачено; и мне тоже обещали немного заплатить»¹⁰⁷. Предложили Лебедеву внести исправления в его пьесу «Бабушкина пряжка», от чего он наотрез отказался¹⁰⁸.

Невнятная приписка (перечеркнутая синим карандашом) к этому письму фиолетовыми чернилами, теми же, что и зачеркнутое имя-название в середине этого письма. Напоминает почерк Афанасьева и похоже на некий набросок. Из обрывков не очень улавливается связь с лебедевским изложением. Может быть, Афанасьев использовал неиспользованную в письмах бумагу для своих черновиков?

13

А вот 24 марта 1932 года из того же Дома «Ильича» летит сообщение, что пьеса «Подруги» не принята, но «оставлена Методцентром на некоторое время для каких то целей служебно-контрольного характера»¹⁰⁹.

¹⁰⁵ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 13, 14.

¹⁰⁶ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 13, 13 об.

¹⁰⁷ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 13 об.

¹⁰⁸ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 13 об., 14.

¹⁰⁹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 15.

Если же пьесу нужно вернуть, «я потребую ее, взявши кого следует за жабры»¹¹⁰. Из нашего далека нам хотелось бы видеть, что «за жабры кого следует» неплохо было бы взять для положительного решения и постановки пьесы.

Но в письме этом рождается еще одна интрига. Лебедев просит друга сообщить, «в каком положении обстоит дело с твоей дачей»¹¹¹. Слово «твоей» здесь опять аккуратно вымарано теми же фиолетовыми чернилами, как и в предыдущем письме чье-то имя-название. Как кажется, Афанасьев цензурирует письма, желая что-то скрыть от посторонних глаз — неизвестно ведь, кому они могут попасться. «Нужны две комнаты или — еще лучше вся твоя (слово «твоя» опять поправлено фиолетовыми чернилами) дача для близких мне людей, которые за ценой не постоят и за которых я ручаюсь, как за себя. Могут дачу и совсем купить»¹¹². Лебедев тешит далее себя надеждой, что и его жена и дочь могли бы проводить лето уже у этих людей, «как у себя дома»¹¹³.

Не та ли это дача № 4 по Курганному проспекту в Сходне, куда направлялась корреспонденция на имя Кузьмы Васильевича Афанасьева еще в сентябре 1930 года¹¹⁴, где Лебедев уже искал тогда прибежище для «одной молоденькой и, к слову сказать, хорошенькой и очень симпатичной писательницы»¹¹⁵? Тут мы можем предположить, что это личная дача Кузьмы Васильевича, а скорее всего, его дом. И понятно, почему он вымарывал фиолетовыми чернилами такие «личные» подробности.

14

В апреле, 18-го числа, 1932 года Лебедев пишет, что «Ваши «Подруги», в моем присутствии, обандеролены, заадресованы по указанному мною адресу и отправлены на почту»¹¹⁶. Так закончилось это «подружеское» дело, начатое в декабре 1931 года.

15

В мае, 16-го числа, 1932 года «крестьянский писатель» снова в Доме творчества в Рузе. И оттуда услышан нами от него вполне забавный

¹¹⁰ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 16.

¹¹¹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 15

¹¹² РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 15, 15 об.

¹¹³ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 15 об.

¹¹⁴ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 9 об.

¹¹⁵ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 6.

¹¹⁶ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 17.

анекдот. Он пишет Афанасьеву о своей, лебедевской, пьесе «Безбожники», о которой, судя по всему, поминал в своем письме Кузьма Васильевич. «Я имею о пьесе сведения еще более отрицательного характера. Так труппа профес. актеров, разъезжающая с пьесой по провинции, в одном селе не закончила спектакля, была вынуждена спасаться бегством»¹¹⁷. Мы здесь можем только посмеяться, но другой вывод делает сам автор — ему странно: ведь пьеса издана четыре раза, а ее все нет в продаже¹¹⁸. Но недоумевает он без обиды и даже, как кажется, слегка улыбаясь.

16

Такое настроение автора подтверждается следующим письмом. 28 мая 1932 года из Рузы спешит оправдание за тех же пресловутых «Безбожников» — сам, мол, не понимает, как эта «несуразная» пьеса еще ставится и выдержала четыре издания. Вероятно, это извинительная реакция на какое-то нелестное замечание Афанасьева. Что вот, мол, несуразные пьесы ставятся, а...

Но далее возникает некий, как кажется, романтический сюжет. Тут мы в очередной раз грустим по отсутвию писем самого Афанасьева. Похоже, что у него завязался роман, о котором он и поведал другу. И вот что мы видим в ответе: «Не поддавайтесь чарам и зовам весны — опасно. Не надо забывать, что после весны и лета наступают осень и зима, когда весенний «хмель» может отозваться не совсем благоприятно. Крепитесь! А не принять ли решительные меры к «ликвидации» одиночества? Не оно ли всему виною?»¹¹⁹

Забавно здесь другое. Судя по всему, Кузьма Васильевич был весьма «вспыльчивым юношей», в смысле влюбчивым. Это мы увидим из более поздних писем Лебедева, без писем Афанасьева, которые вполне прозрачно намекают нам на увлечения нашего героя, которые случались, похоже, каждую весну. И именно весну Лебедев привычно винит в «бурлении крови».

17

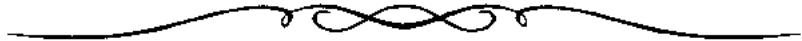
В июне 1932 года, понимаем из адреса на почтовой карточке, Афанасьев снова в Сходне¹²⁰. Вероятно, он переместился туда еще весной, где и завязался у него некий очередной роман, о котором говорили выше. И Лебедев опять и снова призывает Афанасьева «ликвидировать» одино-

¹¹⁷ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 18.

¹¹⁸ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 18.

¹¹⁹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 19.

¹²⁰ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 20 об.

чество. Этот акт он рассматривает как предложение предпринять что-то, а не бежать от себя — все равно не уйдешь. Нужны ли леснику его советы? Зная друга, Лебедев понимает, что того всегда куда-то тянет в даль, вот и сейчас: «...тебе хочется пробраться в Швейцарию или на Кавказ...»¹²¹

Есть приписка и о работе: «Приобретенный колхозный материал со-ветую так или иначе использовать»¹²². Над словом «колхозный» правка, похоже, от Афанасьева, черными чернилами — «совхозный».

18

В ноябре 1932 года узнаем, что Лебедев провел в больнице два с половиной месяца и теперь вернулся на Шаболовку — в Дом «Ильича»¹²³. И ничего более.

19

В декабре Лебедев по-прежнему болен. И то, что он все хуже видит день ото дня, заметно по сильному наклону строк в его письме. Но он вполне бодрится и, как кажется, даже «юморит»: «Не хочу умирать, так как самая тяжелая жизнь лучше легкой смерти. И если жизнь — чепуха, то смерть совсем нелепость»¹²⁴.

20

Из январского (1933 года) письма Лебедева понятно, что товарищ его (Афанасьев) собрался было уже и в Монголию. И снова призывает бродягу Афанасьева угомониться: «Да и время сейчас не совсем удобное для скитаний»¹²⁵. Рад он, и что литературная работа, работа над неким текстом, у Афанасьева подходит к концу. Об этой работе он поминает в письме предыдущем и рад, что «для нее нашлось издательство»¹²⁶. Видим мы и «весточку» о приятеле Филарете Чернове: «Он наконец то образумился и становится «самим собой»¹²⁷.

21

Мартовское письмо, от 4 марта 1933 года, наполнено жалобами на здоровье, а также и приглашением проведать. Лебедев говорит, что

¹²¹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 20.

¹²² РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12 Л. 20.

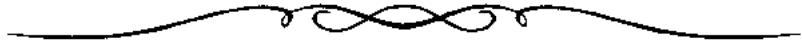
¹²³ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 21.

¹²⁴ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 22.

¹²⁵ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 23.

¹²⁶ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 22.

¹²⁷ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 23.

чувствует — «вот-вот порвется последняя струна больной души и сердце заплачет кровью...»¹²⁸ Интересно то, что не станет Ивана Ивановича аж в 1949-м.

22

Хотя на дворе уже сентябрь (1933 года), весенние романтические настроения только укрепляются. В ответ на просьбу Афанасьева, о которой опять-таки мы можем только догадываться, найти ему «беспрizорную старушку» для помощи по хозяйству, Лебедев радостно сообщает, что найдена «молодушка»: «Молодушка» во всем подходяща для тебя: и уберет, и убережет, и обед готовит (конечно, при условии наличности продуктов)»¹²⁹. Так что жизнь налаживается.

23

В ноябре 1933-го Лебедев уже настороженно справляется, почему друг его не пишет и не приезжает, и снова приглашает в гости. «На днях нашлось то, чего тебе недоставало. Лучше нечего желать. Во всех отношениях»¹³⁰. Можно предположить, речь здесь снова идет о «молодушке». И если так, то радостно, что друзья настроены по-боевому. Мы также думаем, что Афанасьев по-прежнему в Сходне, иначе не было бы таких частых приглашений погостить — издалека ведь не доскачешь.

24

Но Афанасьев уже далеко. «Сообщи пожалуйста, что это за неподобный для меня гор. Невель», — вопрошает Лебедев в послании от 11 апреля 1934 года¹³¹. Это очень важная новость (далее станет понятно, почему важная для нас): Кузьма Васильевич снова сменил место жительства. Вероятно, поэтому он так долго молчал, не отвечая никак на письма приятеля. Далее в послании забавное примечание: «И каким образом недалеко от него очутилась могила Пушкина». Сейчас Невель находится в Псковской области (тогда в Западной области), где, собственно, и могила Пушкина в Святогорском монастыре в Пушкинских Горах. От Невеля до Пушгор, однако, более 150 км, то есть путь не очень близкий. Пешком не прошагаешь.

¹²⁸ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 24.

¹²⁹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 25.

¹³⁰ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 26.

¹³¹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 27.

В переписке снова наблюдаем бодрые игры боевых старишков, которые весьма поэтичны. «С весною и я будто становлюсь бодрее...» — замечает Лебедев, находясь по-прежнему в Доме ветеранов революции. А также: «Поздравляю с весной и не теряю надежды, что ты ее восприимешь, восчувствуешь и проявишь каким нибудь подходящим поступком, как это проделала моя внучка Валентина, которую ты, кажется, знаешь: она неожиданно вышла замуж»¹³².

Здесь нам очень понятно — Лебедев сомневался, что герой наш, мотаясь бесконечно по стране, имел в виду одну-единственную любовь и носил ее в виде фото в нагрудном кармане пиджака. Вероятно, они действительно были вполне близки, потому как не всякому доверишь сердечную тайну.

Тем временем Кузьма Васильевич действительно в это время проживает в городе Невеле на улице с весьма символическим названием — Декабристов. Этот адрес указан Лебедевым на почтовой карточке¹³³.

25

Неожиданный персонаж возникает в следующем письме от 11-го числа неразборчивого месяца 1934 года: «Беседовал по телефону с Ковалевой о впечатлениях, производимых на тебя ее пением по радио — хохочет»¹³⁴. Речь здесь идет об известной певице Ольге Васильевне Ковалевой, репертуар которой составляли народные песни. Она имела успех еще в дореволюционной России и, как вспоминали старожилы, «первой шагнула к радиомикрофону с русской песней» в советское время. Мы уже говорили, что не очень понимаем, какую жизнь вел Кузьма Васильевич до 1917 года, да и сразу после, и каков был круг его знакомств.

И вот сюжет. В 1920-е годы муж певицы Франц Феликсович Иванчук по направлению ЦК ВКП(б) поступает учиться в Свободные высшие художественные мастерские — ВХУТЕМАС¹³⁵. Семья дружила

¹³² РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 27.

¹³³ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 27 об.

¹³⁴ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 28.

¹³⁵ ВХУТЕМАС (Высшие художественно-технические мастерские) — учебные заведения, созданные после революции 1917 года в Москве, Петрограде и других российских городах. Московский ВХУТЕМАС образован в 1920 году путем объединения Первых и Вторых Государственных свободных художественных мастерских (созданных ранее на основе Строгановского художественно-промышленного училища и Московского училища живописи, ваяния и зодчества). — Ред.

с художниками Александром Дейнекой, Яковом Ромасом, имела близкое знакомство с поэтами Василием Наседкиным (муж сестры Сергея Есенина Екатерины и близкий знакомый самого поэта), «деревенским» поэтом Родионом Акульшиным-Березовым (с ним Ковалева потом много и плодотворно работала). Все они группировались вокруг журнала «Красная новь». Среди знакомцев был Иван Кочуров — разведчик под прикрытием певца (учитель Рихарда Зорге), авантюрист и по совместительству жаркий поклонник талантов певицы Ковалевой. Есть сведения, что общалась Ковалева-Иванчук и с литературными звездами времени Владимиром Маяковским и Сергеем Есениным.

Не исключено, что в семейную квартиру во ВХУТЕМАСе иной раз попадали и наши герои — Филарет Чернов, Иван Лебедев, Кузьма Афанасьев и, вероятно, многие другие.

И они действительно попадали. В одном из писем к поэту Чернову от 11 июня 1937 года лесник Афанасьев размышляет о новом романе Чернова «Игнат Сухов», романе, который еще только пишется¹³⁶. Разговор заводится и о стилистике, и о языке: «Не строитель ты, где возьмешь слова, рождающиеся в процессе труда? Тут тебе может оказаться большую помочь Акульшин своими частушками современными о новых трудовых явлениях нашей деревни»¹³⁷.

Так что «деревенщина» Афанасьев все же в какой-то момент и был самой Ковалевой хотя бы мимолетно представлен. Знаком был с ней и Лебедев. Отсюда их приветы друг другу, телефонные перезвоны с Лебедевым и переписка.

Эта любопытная информация почерпнута нами в том числе из рукописи сотрудника Государственного института искусствознания Ларисы Николаевны Трухиной «К проблеме становления жанра русской народной песни на эстраде. На примере творчества Ольги Васильевны Ковалевой».

Забавно и еще одно замечание в этом письме, вызвавшее, скорее всего, кислую улыбку у Афанасьева: «Внучка с мужем удрали, получившие хороший аванс, в Чувашию (Чебоксары) для отображения в очерках местного быта»¹³⁸. Вот уж точно наш Афанасьев бы не отказался.

¹³⁶ Подробнее см.: См.: *Варкан Е.* Кузьма Афанасьев и Филарет Чернов. Переписка. С. 260–297 настоящего сборника.

¹³⁷ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 7 об.

¹³⁸ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 28.

Из письма Лебедева от 18 мая 1934 года понимаем, что снова у его приятеля появилась «она» и приветствуется желание того начать жить по-людски, закончить бродяжничать и оstepениться. Все эти «всения» «крестьянский писатель» по привычке связывает с приходом весны-«чаровницы», о чем говорилось¹³⁹.

И сам Афанасьев, вероятно, по весне также находился всякий раз в приподнятом настроении и наполнен был не только романтическими мечтаниями, но и творческими планами. «Меня порадовало твоё стремление, — пишет ему Лебедев, — занять подобающее место в литературе. Это никогда не поздно и не помешает заниматься своим делом: пусть лесоводство будет твоей женой, а литература — любовницей»¹⁴⁰. Какое-то странное ощущение оставляют эти чудесные образы. Ведь лесник Афанасьев долгие годы пытался занять это самое место в литературе. Но мы, наблюдая его переписку, видим, что у него не очень это все получалось.

Лебедев незатейливо продолжает о своем. Снова интересуется положением дел на даче Афанасьева: живет ли там кто? Речь идет про Сходню, скорее всего. По крайней мере, других дач за Афанасьевым мы не знаем. Да и эту он старательно вымарывал. Теперь Лебедев хочет пристроить туда на житье, на время, до осени, свою dochь, которая только что вышла замуж. Вот и вправду запутаешься в лебедевских семейных перипетиях. Хотелось бы, конечно, поболее — про афанасьевские.

Тут возникает прекрасный и неожиданный пассаж, касающийся мест проживания «крестьянского писателя» — кроме домов творчества и ветеранов революции имени «Ильича»: «Жилищно-коопер. т-во писателей строит дом против Третьяковской галереи, в которой мне назначена квартира вне очереди, как ветерану и засл. деятелю, к тому же уплатившему полностью всю стоимость вперед»¹⁴¹.

Вот это новость! Писательский дом в Лаврушинском по тем временам — элитное жилье, где приобретали квартиры лучшие и состоятельнейшие литературные силы страны. Проникнуть туда было непростой задачей, и понятно, что семейство Лебедева в ближайшее время заживет на зависть. Хотя до того было не очень понятно, где именно

¹³⁹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 29.

¹⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 30.

¹⁴¹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 29 об.

квартировала семья — кроме того, что в Москве. Сам же он коротал время из-за «семейных дрязг» то в Доме ветеранов революции на Шаболовке, то в Доме творчества в Рузе¹⁴². Имел он место и в Доме творчества писателей в подмосковном Голицыне, вероятно, также в «крестьянском» санатории в Ливадии в Крыму, что разместился в бывшей царской резиденции¹⁴³; и все это, можем смело предположить, за казенный счет.

Дом в Лаврушинском все же требовал финансовых вложений. И средства имелись.

27

Лебедев 2 июля 1934 года приглашает приятеля прийти к нему на творческий вечер 7 июля, посвященный 75-летнему юбилею, предполагая, однако, что вечер этот его сильно утомит¹⁴⁴. Сам день рождения (об этом пишет юбиляр) — шестого июля, эта цифра прописывается четко и прочитывается точно. Однако в имеющихся биографиях «крестьянского писателя» записано, что родился он 5 июля.

Интересно и место сбора гостей. Автор называет его «Оргкомитет писателей». Указан и адрес: улица Воровского, дом 52. В этом доме на Поварской, известном в народе как «дом Ростовых», с 1932 года располагался Союз писателей. В соседнем доме под номером 50 находился Дом литераторов с роскошным рестораном. Думается, что праздновать в таком месте было весьма престижно.

28

В августе 1934 года, 22-го числа, Лебедев рассказывает, что его вечер «прошел оживленно, весело, задушевно. Окончился вечер во втором часу ночи»¹⁴⁵. Есть новости и о певице Ковалевой, которая «из отпуска вернулась и снова распевает по радио»¹⁴⁶.

Становится известно нам и то, что автор только что вернулся из очередного дома отдыха, «но не из Ливадийского дворца, а из убогого домика писателей при ст. Голицыно»¹⁴⁷.

¹⁴² РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 1, 4, 18, 19.

¹⁴³ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 32.

¹⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 31.

¹⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 32.

¹⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 32.

¹⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 32.

Между тем Дом творчества писателей в подмосковном Голицыне, который располагался в доме Федора Адамовича Корша, антрепренера, драматурга и переводчика, основателя известнейшего в Москве театра, что носил его имя, был одним из самых известных и слыл весьма уютным. Им активно пользовались Маргарита Алигер, Константин Паустовский, Мариэтта Шагинян. Одно время жил здесь и Александр Куприн.

Санаторий в Ливадии в Крыму, похоже, также знаком был Лебедеву. Здравница — для крестьян — разместилась в бывшей царской резиденции. Известно, что его посещали Владимир Маяковский и Максим Горький. Лебедев был и литератором, и из крестьян, почему и его посещение Ливадии было бы вполне обоснованным.

Добавляет Лебедев, что присутствовал на открытии съезда писателей. Речь идет о Первом съезде советских писателей, который проходил в Москве с 17 августа по 1 сентября 1934 года.

29

Десятого сентября 1934 года Лебедев приглашает Афанасьева сходить вместе в «Колхозный театр», «где я постараюсь тебе помочь»¹⁴⁸. Зовет обедать, хотя, по всем подсчетам, Афанасьев в это время должен был находиться в лесах Западной области. Радуется он и хорошему настроению своего адресата, и тому, что тот снова принялся за работу, заметив осторожно: «Надеюсь, что она не пропадет даром»¹⁴⁹.

Странно и примечание в конце послания о том, что последний адрес Афанасьева им утерян и автор спрашивает, по какому адресу теперь писать. Остается непонятным (конверта в деле нет), по какому же адресу отправилось это письмо, которое дошло до адресата, раз мы его имеем перед глазами. Кстати, присыпать точный адрес просил он и раньше, 22 августа¹⁵⁰.

30

Пятого октября 1934 года Лебедев интересуется, когда его приятель будет в Москве, и говорит, что получил рукопись «Сплетен», которую ему прочли¹⁵¹. «Сплетни» — одно из неведомых нам на сегодняшний день произведений Афанасьева.

¹⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 33.

¹⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 33.

¹⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 32.

¹⁵¹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 34.

Переходя к следующему посланию, от 18 ноября 1934 года, мы опять начинаем сожалеть о том, что нет у нас писем Кузьмы Васильевича и частенько мы не совсем понимаем, что именно происходит в его жизни. А происходило, наверное, много драматического.

«Твое «шрапнельное» письмо сильно «контузило» меня. Что за чертовщина? Что с тобой произошло? Почему твое настроение так быстро изменилось? Из письма твоего не совсем понимаю, в чем дело. Не знаю, что тебе посоветовать. «Дрыганье ногами» тут, как видно, не поможет. Самое лучшее: возьми себя в руки и пошли все и вся к черту дьяволичу!»¹⁵²

Однако, как кажется, частично ответ на вопрос о «некорошем» настроении Афанасьева обнаруживается в процессе чтения: «Был в редакции «Колх. театра», где определенного ответа о твоих пьесах дать не могли, потому что Субботин их еще не читал. Он страшно перегружен, так как на него взвалили заведывание Поленовским домом и еще что то не менее серьезное»¹⁵³.

Театральный деятель и драматург Леонид Арсеньевич Субботин находился в руководстве журнала «Колхозный театр», который упомянут в письме Лебедева. Субботин активно занимался самодеятельным театром и самодеятельными авторами, на что и рассчитывали наши корреспонденты. Работал он и в знаменитом Поленовском доме, который создан был еще в 1915 году живописцем Василием Дмитриевичем Поленовым и Саввой Ивановичем Мамонтовым для поддержки сельской и городской самодеятельности. Это был, вероятно, последний проект известного благотворителя. В 1936 году Поленовский дом был переименован и стал носить имя Надежды Константиновны Крупской. А в 2016 году к Государственному Российскому дому народного творчества счастливо вернулось имя великого русского художника Василия Дмитриевича Поленова.

Вся эта «самодеятельность», однако, опять никак не отразилась на судьбе нашего героя — Кузьмы Васильевича Афанасьева.

Следующее послание «дорогому моему другу Кузьме Васильевичу» датируется 11 января 1935 года (в начале страницы), и 7 января

¹⁵² РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 35.

¹⁵³ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 35.

(в конце) одновременно. В нем говорится, что «из редакции «Кол. т.» мне сказали, что они дадут тебе ответ и пошлют рукописи почтой»¹⁵⁴. Чего же хорошего можно ждать, если возвращают рукописи? Вставляет в послание Лебедев в подарок и свои стихи. Стихи эти, между нами скажем, так и пышут «крестьянской самодеятельностью»¹⁵⁵.

33

«Спасибо. Умереть вместе с тобой, при обстановке, которую ты предлагаешь (весна, сад, цветы, детишки, танцующая молодежь), я согласен, но с тем, что осуществление всей составленной тобой программы, ты всецело возьмешь на себя», — пишет Лебедев 30 января 1935 года¹⁵⁶. Какая программа стала поводом для такого бравурного ответа — не очень ясно. Однако мы видим, что настроение Афанасьева ходит, как на качелях. То весна с садом в январе, то «дрыганье ногами».

Далее идет дежурное сообщение об очередной афанасьевской пьесе «Гость из Москвы», которая оставлена в редакции «с какой то целью, о которой тебе сообщит на днях секретарь редакции (Евгения Михайловна Лидова)»¹⁵⁷. Ссылка на «сведущую» Евгению Михайловну есть уже в письме от 18 ноября 1934 года, и речь там шла о журнале «Колхозный театр», который имел подзаголовок «Журнал по театру и музыке в деревне»¹⁵⁸, а также приложение в виде «Библиотеки». Наверное, в этой «Библиотеке» печатались более объемные произведения, не помещающиеся в форму обычного журнала. «Дружба» автора Афанасьева с этим изданием, вероятно, началась с лета — осени 1934 года, когда Лебедев взялся помочь другу тиснить там его произведения¹⁵⁹.

Как ясно, ничем не заканчиваются эти отношения и на этот раз. В подбор к «обещающей» Евгении Михайловне идет сразу следующее: «Чекина Софья Семеновна по телефону сообщила мне, что пьеса им не подходит»¹⁶⁰. Коротко и строго — по телефону.

С большой вероятностью удалось установить личность Софьи Семеновны, которая оказалась весьма любопытной.

¹⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 36.

¹⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 36.

¹⁵⁶ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 37.

¹⁵⁷ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 37.

¹⁵⁸ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 35.

¹⁵⁹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 33.

¹⁶⁰ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 37.

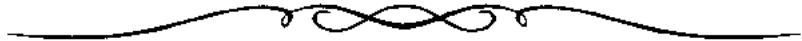
В сетевом научном журнале «Лабиринт»¹⁶¹ сообщается о всероссийском научном семинаре «Советский художник в ситуации смены идеологии», который прошел в Екатеринбурге 15 февраля 2014 года в рамках междисциплинарного проекта «Советский мир: конформизм и конформисты». Искусствовед, сотрудник Екатеринбургского театрального института Юлия Владимировна Клочкива сделала доклад «Деятельность Главреперкома глазами рядовой сотрудницы Софьи Семеновны Чекиной (по материалам неопубликованных мемуаров)»¹⁶². Мужем Софьи Семеновны (1888–1964) был журналист и писатель Вячеслав Петрович Чекин (1868–?), вовсе не разделявший радостей победившего в России Октября. Неизвестна дата его смерти, о которой можно много гадать. Сама Чекина была вовсе не пролетарского происхождения. Имея отношение к театральной деятельности, она числилась членом Главреперкома, который осуществлял политический контроль за зрелищными мероприятиями. Чтобы понять, с кем мы столкнулись, процитируем фрагмент статьи в журнале: «С.С. Чекина — репрезентативный случай того, как долго, на протяжении целой трудовой жизни, можно было сохранить свою жизнь и не потерять карьеру в условиях повышенной социальной опасности и политической непредсказуемости. Анализ курса автора мемуаров выявил полное отсутствие рефлексии по поводу оснований собственной деятельности как редактора, отсутствие сомнений в праве давать оценки художественным произведениям, полное соппадение со всеми официальными кампаниями в области художественной политики». Не стоит тут объяснять, кто именно, не персонально, а собирательно, принимал решения о публикации-постановке пьес, когда сомнительными были либо идеи произведения, либо личность автора.

34

Далее, 15 января 1935 года, Лебедев размышляет об авторе одной из рецензий, которая дана была, судя по всему, на очередное произведение Афанасьева и не была одобрительной. Он говорит, что тот — «совершенно слепой старик», которого он знал как злободневного стихот-

¹⁶¹ Журнал социально-гуманитарных исследований «Лабиринт» [Электронный ресурс: <https://journal-labirint.com/>].

¹⁶² См. также: Клочкива Ю.В. Мемуары как основа творческой биографии: к истории семьи С.С. и В.П. Чекиных, журналистов и театральных деятелей // Театральная книга между прошлым и будущим / Театральная мемуаристика: XI Международные чтения. М., 2015. С. 174–192.

ворца еще лет 30 назад. «Читает и пишет ему жена»¹⁶³. Неплохо было бы узнать, жена пишет за него или просто под его диктовку? Неведомым остается для нас и само имя этого рецензента.

Интересно тут будет узнать, что и сам Лебедев не прочь воспользоваться дружескими услугами Афанасьева уже для своего продвижения в печать и спрашивает у него адрес смоленского издательства, куда хочет предложить свои деревенские пьесы¹⁶⁴. Напомним, что Смоленск находится в составе тогда Западной области, где обустроился в то время Афанасьев.

35

В феврале 1935 года, 11-го числа, сообщив по привычке о своих новых болезнях, пишет наш адресант о том, что небольшие рассказики, наверное, можно попробовать отправить в журналы — «Красная нива», «Проектор», «Огонек». Хотя, замечает, с журналами сам — по слепоте своей — давно не дружит¹⁶⁵.

Но обнаружился неожиданный друг нашего автора в журнале «Колхозный театр». Это секретарь редакции Евгения Михайловна Лидова, о которой уже поминалось в переписке. Оказывается, вопреки нелестным рецензиям, которые она считает слабыми, именно она решила оставить экземпляр пьесы «Гость из Москвы» в редакции «с целью заставить самого С-на прочитать пьесу»¹⁶⁶. Очевидно, «С-н» — заместитель редактора журнала Л.А. Субботин, о котором также шла речь выше как о сильно занятом работнике.

36

В дружеской болтовне Лебедев никак не забывает о себе. 21 февраля 1935 года он докладывает, что в обlotдел народного образования Западной области тов. Резникову письмо он послал¹⁶⁷. О возможности публикации лебедевских пьес в Смоленске было говорено в послании от 15 января 1935 года¹⁶⁸. Ответ пока не получен, почему он и поручает Афанасьеву узнать про это дело¹⁶⁹. Нам здесь начинает казаться, что сам

¹⁶³ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 38.

¹⁶⁴ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 38.

¹⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 39.

¹⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 39.

¹⁶⁷ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 40.

¹⁶⁸ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 38.

¹⁶⁹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 40.

Афанасьев имел все же успех в смоленском издательстве, с чем связано частенько приподнятое его настроение, которому радуется Лебедев в письмах регулярно.

Однако отношения друзей в формате известного им литературного процесса становятся будто «перевертышем». Уже Афанасьев должен хлопотать о публикации произведений Лебедева — в провинциальных, правда, издательствах, тогда как затея изначально была совсем другой: Афанасьев надеялся, что именно столичный друг поможет ему продвигать его, афанасьевские, тексты в Москве. Есть такие люди, которые умеют заставить всех вокруг работать на себя, делают это легко и незатейливо и редко решают проблемы окружающих, хотя впечатление такое активно производят. Не факт, конечно, что друг Лебедев был из этой когорты, но все его хлопоты для друга закончились ничем. Впрочем, время было сложное и он, наверное, здесь никак не виноват.

Продолжим чтение. Лебедев прибавляет, что, если друг его еще не получил пьесу из Малого театра, то советует написать известной нам уже Софье Семеновне Чекиной¹⁷⁰. Из переписки уже понятно, что если пьесу присыпают обратно автору, то она не принята. Хорошие советы.

37

Седьмого марта 1935 года Лебедев опять ставит вопрос о Смоленске, откуда по-прежнему нет ответа. Ну, не только же безответно грустить нашему леснику без всяких перспектив? — заметим мы вскользь. Адресант также радуется «игривому» письму и хорошему настроению Афанасьева¹⁷¹.

38

Следующее послание датировано 5 мая 1935 года и сообщает нам о том, что Кузьма Васильевич вскоре переместится в Михайловское, где получает должность лесовода, которая, по мнению Лебедева, «даст достаточно времени для литерат. работ, в особенности зимой»¹⁷². Однако видно, что Афанасьев уже посетил место своей будущей службы и увиденное им в пушкинских местах произвело удручающее впечатление¹⁷³.

¹⁷⁰ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 40.

¹⁷¹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 41.

¹⁷² РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 43.

¹⁷³ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 42 об.

Опять мы грустим и повторяем, как сломанная шарманка, что не имеем письма самого Афанасьева, который, судя по всему, описал Михайловское в очень драматических выражениях, что видно по реакции его друга. «Грустное впечатление, полученное тобою от Михайловского, через твое письмо передалось и мне и долго, как видно, не изгладится. Старушка, самая симпатичная и лучшая из всех наших старушек, читавшая мне твое письмо в саду, чуть не расплакалась. И даже воробы, единственные обитатели нашего сада, как мне показалось, во время чтения письма, перестали чирикать и порхать по деревьям»¹⁷⁴. И представлять не хочется, что такого написал Афанасьев о своем первом посещении пушкинского Михайловского в 1935 году и насколько была бы важна и интересна эта информация.

В промельк возникает и новый персонаж, некто Рыхлин (возможно, Рыклин — в разных письмах читается по-разному), от мнения-решения которого теперь зависит судьба пьес Афанасьева в Москве. Мнение-решение его таки остается нам неизвестным, как и невозможно определить, какие позиции он (тот или другой) занимал в театрально-литературном мире. Персонажа этого навскидку установить пока не удалось¹⁷⁵.

Неприятные известия доставлены и о «благодетельнице» Евгении Михайловне Лидиной, которая в больнице, почему и история с ее возможной помощью нашему автору также зависла¹⁷⁶. Пьеса по-прежнему «все еще на очереди у Субботина», заместителя редактора «Колхозного театра», который все еще занят какими-то делами¹⁷⁷.

Имеются здесь и сведения об очередном санатории, куда Лебедев желает поместиться¹⁷⁸. Это уже дело привычное.

39

Далее, 29 июня 1935 года, Лебедев получил от Афанасьева первое письмо уже из Пушкинского Заповедника, куда, как мы знаем из переписки, тот устроился работать лесоводом¹⁷⁹.

¹⁷⁴ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 42 об.

¹⁷⁵ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 43.

¹⁷⁶ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 43.

¹⁷⁷ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 43.

¹⁷⁸ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 42.

¹⁷⁹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 44.

Тут мы узнаем сногшибательную новость, от которой у Лебедева опять «в зобу дыханье сперло»¹⁸⁰. И было от чего — Афанасьев скоро станет семейным человеком! Однако разговоры о подругах Кузьмы Васильевича и изменении семейного его положения мы слышали уже не раз. И опять заметим, сомнительно, чтоб наш герой возил за собой свою единственную избранницу по местам и весям. Он всякий раз сообщал о романе, что обычно случается приобретении нового «предмета». Интрига здесь еще и в том, что Лебедев, подхватывая, вероятно, нотки адресата, тут «обрадовался несказанно» и размышляет далее о нелепости, «бессмысленности и ненужности» жизни бобылем для «культурного человека»¹⁸¹. А «жизнь содержательна и приятна только тогда, когда для кого то». Припомнит тут постоянные дрязги в семействе самого Лебедева, о которых твердит и твердит он в своих письмах. Но умело — были у него такие возможности — скрывался он от них в домах отдыха, творчества и других «имени «Ильича».

Далее открывается главное(!): «...потому как радуюсь не тому только, что ты женишься, а, главным образом, — что у тебя будет дочь, обязательные заботы о которой наполнят твою жизнь»¹⁸². Во как! Новости так новости! И этот живой и веселый диалог идет между двумя веселыми старичками, одному из которых 76 лет, а тому, кто готовится сделаться отцом, — 61. Впрочем, дочь Афанасьев собирался обрести приемную, что станет нам понятно из дальнейших сообщений¹⁸³.

Все остальное в письме — хорошо известные «старости», а именно: «пьеса «Сплетня» не подходит нашему театру», — окончательно ответил не обнаруженный, по крайней мере нами, в театральной истории Рыклин (Рыхлин)¹⁸⁴. В «Колхозном театре» говорят, что рукопись по-прежнему «на очереди для прочтения» у пресловутого Субботина¹⁸⁵. Все это уже как под копирку.

Ну а сам Лебедев: «Союз писателей около 10 июля отправляет меня в Звенигородскую санаторию...» — тогда как Афанасьеву назначено Михайловское и новая семья¹⁸⁶. Что-то будет дальше?

¹⁸⁰ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 44 об.

¹⁸¹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 44 об.

¹⁸² РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 44 об.

¹⁸³ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 48 об.

¹⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 45.

¹⁸⁵ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 45 об.

¹⁸⁶ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 45 об.

А пока, поддерживая друга, Лебедев определяет его «молодчиной» и добавляет: «Люблю твои письма, потому что люблю тебя!»¹⁸⁷

40

Из Звенигородской уже санатории летит письмо 3 августа 1935 года. В нем в первый раз Лебедев называет друга «дружище», что показывает его хорошее настроение¹⁸⁸. Он описывает прелести только открытой санатории — «местность и воздух целебные». Да и кому не понравится бывшая усадьба Шереметевых, одна из самых красивых в Подмосковье?

Настойчиво интересуется он подробностями нового «семейного положения» друга¹⁸⁹.

Письмо писано на почтовой карточке, на которой адрес уже Пушкинские Горы Калининской области, Пушкинский заповедник. Из обратного адреса выясняется, что санатория принадлежит Наркомзему¹⁹⁰. Сейчас здесь санаторий «Звенигород» — в ведомстве мэрии Москвы.

41

«Дорогого друга» 22 августа 1935 года друг Лебедев радостно извещает, что его «одноактная пьеса «Мироеды» принята журналом «Колхозный театр» и разрешена Главреперткому по лите Б»¹⁹¹. Помянуты все и пресловутые «Суб-н» и «Р-н» (Субботин, Рыхлин), но без каких-либо добрых новостей для адресата.

Здесь впервые проскальзывает и имя вероятной избранницы Афанасьева — Ольга Федоровна, которой («другу моего друга») шлется «кис-кренний привет»¹⁹². Но в точности остается непонятным, подруга ли она Афанасьева или просто друг.

42

Любопытная подробность про известную нам уже «Звенигородскую санаторию» является в послании от 13 сентября 1935 года. В числе недостатков санаторной жизни Лебедев, в частности, называет отсутствие в комнатах звонков для вызова персонала, а также бани и ванн¹⁹³.

¹⁸⁷ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 45 об.

¹⁸⁸ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 46.

¹⁸⁹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 46.

¹⁹⁰ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 46 об.

¹⁹¹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 47.

¹⁹² РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 47.

¹⁹³ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 48 об.

Но позитива все же больше. Письмо наполнено всякими забавными деталями.

Также становится нам понятно, что помянутая Ольга Федоровна, скорее всего, и есть та женщина, которую Кузьма Васильевич выбрал себе в спутницы. Интересуется Лебедев и тем, «удалось ли Ольге Федоровне взять свою дочку и в каком возрасте последняя»¹⁹⁴. Из чего мы делаем вывод, что дочка у Афанасьева планируется точно приемная, а не родная, как можно было ошибочно понять из поминаний Лебедева в письме от 25 июня 1935 года, за что мы искренне было порадовались¹⁹⁵. Понятно, что невеста прибыла из Невеля, откуда Афанасьев переехал в Михайловское. И будет ли с ними дочь?

Радуется Лебедев и достаточному количеству работы, что никак не позволит скучать его товарищу. Весело ли от этого товарищу?

43

И 25 сентября 1935 года все продолжается издательская рутина. Но возникает новый «фигурант» — издательство (журнал?) «Молодая гвардия», что покуда никак дела не двигает¹⁹⁶.

44

А вот уже 20 октября 1935 года появляется новый адрес для присылки пьес — зав. театром «Сказка и фантазия» Ольга Васильевна с неизборчевой фамилией¹⁹⁷.

В рабочем порядке сообщается, что вышел контрольный экземпляр очередной его пьесы «Волостной суд». Снова Лебедев жалуется на здоровье, но как бы с юмором — в стихах¹⁹⁸.

Товарищ также пытается понять, какие недоразумения случились между «молодыми» — Кузьмой Васильевичем и Ольгой Федоровной. Но информация, что мы можем почерпнуть из письма, совершенно невнятна. И вслед за Лебедевым не понимаем этого недоразумения и мы. Единственно, Иван Иванович привычно призывает друга взять себя в руки¹⁹⁹.

¹⁹⁴ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 48 об.

¹⁹⁵ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 44 об.

¹⁹⁶ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 49.

¹⁹⁷ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 50.

¹⁹⁸ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 50.

¹⁹⁹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 50.

Третьего декабря 1935 года Иван Иванович исправно передает привет Ольге Федоровне. И так же исправно пишет о своих «афанаьевских» хлопотах в «Огоньке». Поминается и о каких-то письмах в какой-то музей. Но заботы эти пока откладываются — «до прихода ко мне «сведыщего» человека»²⁰⁰. Дальше мы поймем, что речь идет о Литературном музее, куда друзья собираются предложить свои архивы²⁰¹.

Очередной рапорт об очередном сборнике, где напечатана пьеса Лебедева «Бой-баба», находим в послании от 24 декабря 1935 года²⁰². И мы этому, конечно, рады. В судьбе же Афанасьева какие-то странные перемены: от чего у него «свежая рана», которую не хотелось бы бередить? Но «всесильное и всеисцеляющее время» залечит и се. Уж не расстались ли «молодые»? — с трепетом опасаемся мы. Но для Лебедева, как и для нас, неясно, чем же кончилось дело и что это за дело вообще²⁰³.

Тем временем Кузьма Васильевич увлекся «сценической деятельностью, полезной и приятной», а также «плодотворной воспитательной для молодежи»²⁰⁴.

А вот 13 января 1936 года все и встало на свои места — в смысле личной жизни Кузьмы Васильевича — и оказалось очень драматичным. Ольга Федоровна предпочла ему другого, на что Лебедев резонно замечает: «В чем дело? Что, собственно, случилось? По моему ровно ничего. Случайно подвернувшаяся тебе Оля, без которой ты прожил 60 лет, предпочла тебя другому. (Вероятно, описка автора, но мысль ясна. — Авт.) Ну и скатертью ей дорога. Благодари судьбу, что она недолго тебя дурачила»²⁰⁵. Здесь, и это очень интересно для нас, на полях стоит крестик синим карандашом, как бы ссылка. И ссылка эта переносит нас в начало страницы, где тем же карандашом и Афанасьевым приписан комментарий — «не дурачила, а обворовывала»²⁰⁶. Лебедев

²⁰⁰ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 51.

²⁰¹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 55.

²⁰² РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 52.

²⁰³ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 52.

²⁰⁴ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 53.

²⁰⁵ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 53.

²⁰⁶ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 53.

тем временем спокойно продолжает рассуждать: «Про таких сложена в народе прекрасная поговорка: «С глаз долой, из сердца вон!». И далее, очень разумно: «Не лучше ли, не практичнее ли заменить, покинувшую тебя женщину другою?» — нет, право, людей незаменимых²⁰⁷. Призывает он не «оставлять прекрасную, самую подходящую» должность²⁰⁸, а также воздержаться от иных крайностей²⁰⁹. Утешает и мнениями «выдающихся умов», великих писателей о женщинах²¹⁰. Легко советовать: «Возьми себя в руки, воспрянь духом, займись делом, пиши, будь среди людей... Я уверен, что твоя «муразь» скоро пройдет»²¹¹.

Мы видим, что семейное счастье Афанасьева длилось недолго и затрещало по швам уже в октябре 1935 года или даже раньше, на что есть ссылки в письме от 20 октября²¹².

Тем временем участник Пушкиногорского драмкружка Афанасьев даже в пылу своих страстей не забывает лебедевские дела и от этого драмкружка отправляет в Москву телеграмму в поддержку пьесы Лебедева «Волостной суд», и драматург благодарит друга и весь кружок за это в своей приписке²¹³.

Сам адресант тем временем опять в Доме ветеранов им. «Ильича».

Мы же, имея даже фрагментарные сведения о биографии Афанасьева, знаем, что он места своего «прекрасного» и «подходящего» не оставил. И остался в Михайловском, что определило трагический конец в его судьбе.

48

Следующее письмо от 19 января 1936 года хотя и небольшое, но важное. Посвящено вопросам продажи личных писем известных людей, которые имели корреспонденты, в музей²¹⁴. Музей не назван, но мы понимаем (это понимание выходит из последующих писем), что речь идет о Литмузее, который ровно в это время активно собирал свою коллекцию. Возможно, Кузьма Васильевич решил поправить свое финансовое

²⁰⁷ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 53.

²⁰⁸ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 53.

²⁰⁹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 53 об.

²¹⁰ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 53 об.

²¹¹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 53 об.

²¹² РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 50.

²¹³ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 54.

²¹⁴ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 55.

положение, которое, вероятно, пошатнулось по завершении отношений с известной Ольгой Федоровной — об этом шла речь в предыдущих письмах Лебедева в Михайловское. Напомним, что отношения сделались явью в мае — июне 1935 года как раз перед переездом Афанасьева из Невеля в Михайловское и развязались в январе 1936 года, что следует из переписки товарищей²¹⁵. Отголоски этого «романа» мы встречаем и в феврале 1936 года: «Сообщи, возбуждено судеб преследование О.Ф.»²¹⁶. Значит, дело было и впрямь серьезное.

Фактам переписки насчет продажи архива Кузьмы Васильевича Афанасьева с директором Литмузея В.Д. Бонч-Бруевичем посвящено целое дело, которое находится в РГАЛИ, а копии документов — в фонде Пушкинского Заповедника²¹⁷.

Лебедев пишет, что, по слухам, за письма платят до 30 рублей за штуку. Однако ему самому «уплатили очень мало: за письма Найденова, Луначарского, Рубакина, Дрожжина²¹⁸ и др. (около 30 писем), за рукописи и черновики пьес, изуродованный царской цензурой экземпляр пьесы «Божья коровка» и проч. за все я получил 150 руб.»²¹⁹. Он сообщает также, что цена устанавливается специальной комиссией в каждом отдельном случае, и выражает сомнение в необходимости отдавать рукописи в музей: «Не воздержаться ли тебе?»²²⁰ Сам же, заметим, свой архив продал.

Однако из переписки Афанасьева с Бонч-Бруевичем, которая начинается уже 25 февраля 1936 года²²¹, мы видим, что Кузьме Васильевичу,

²¹⁵ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 44 об., 46, 47, 48 об., 50, 53.

²¹⁶ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 56.

²¹⁷ Подробнее см.: *Варкан Е.* Переписка К.В. Афанасьева и директора Государственного литературного музея В.Д. Бонч-Бруевича. С. 195–212 настоящего сборника; РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. 42 л. Переписка К.В. Афанасьева с ГЛМ о передаче в музей своего архива. 25 февраля 1936 — 9 марта 1938 года.

²¹⁸ Найденов Сергей Александрович (настоящая фамилия Алексеев, 1868–1922) — русский писатель, драматург; Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) — российский революционер, советский государственный деятель, нарком просвещения, писатель, переводчик, публицист, критик, искусствовед; Рубакин Николай Александрович (1862–1946) — русский книговед, библиограф, популяризатор науки и писатель; Дрожжин Спиридон Дмитриевич (1848–1930) — русский поэт.

²¹⁹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 55.

²²⁰ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 55.

²²¹ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 1, 2.

судя по всему, предложили денег больше. К примеру, только одна рукопись «Дневника солдата» «оценена Приемочной комиссией в 80 руб.»²²². Но Кузьма Васильевич не продает рукопись в музей, желая ее еще успеть напечатать. Переписка о «Дневнике солдата» датируется концом декабря 1937 года — началом января 1938 года²²³.

49

Между жалобами на здоровье в письме от 14 февраля 1936 года Лебедев говорит снова все давно известное, что в «Колхозном театре» кто-то что-то читает, но рецензия, скорее, неблагоприятная. Невозможно дозвониться и до «Молодой гвардии»²²⁴.

50

В марте, 5-го числа, 1936 года Лебедев из Москвы, из Дома им. «Ильича», интересуется у Афанасьева, который лесоводствует в Михайловском, не осведомлен ли тот, когда «Рубакин Н.А. будет в Москве»²²⁵. Интересно, откуда бы знать, где находится звезда европейской и мировой науки, книговед, библиограф Николай Александрович Рубакин, которому даже в советское время разрешался выезд и работа за границей. И в личном фонде Афанасьева мы не обнаруживаем ни писем Рубакина, ни упоминаний о нем в афанасьевской, известной нам, переписке, что находится в его личном фонде²²⁶. Но сам Лебедев имел связь с Рубакиным. Письма последнего приводит его сын, Александр Николаевич Рубакин, в своей книге, посвященной отцу, которая вышла в издательстве «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей» в 1979 году.

51

В последнем письме Лебедева от 24 марта 1936 года, по крайней мере того, что имеется в личном фонде Афанасьева, идут опять известные жалобы на здоровье. Предлагается также писать «о своей «обновленной» жизни» к лебедевской жене: Иван Иванович указывает ее адрес: «Москва, Садовая-Спасская улица, д. 19, кв. 67. Лебедева Алекс-

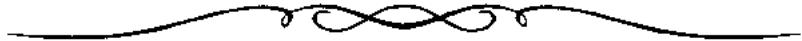
²²² РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 29.

²²³ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 31.

²²⁴ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 56.

²²⁵ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 57.

²²⁶ РГАЛИ. Ф. 31.

сандра Сергеевна»²²⁷. Осталось неведомым, что сделалось с квартирой, которую Лебедев приобрел весной 1934 года в писательском доме в Лаврушинском переулке как «ветеран и засл. деятель»²²⁸. Впрочем, и дом под номером 19 на Садовой-Спасской не так плох: он считался одним из первых московских «небоскребов» начала XX века.

* * *

На этом переписка, затянутая 8 июня 1930 года, заканчивается (прерывается?) так же неожиданно, как и началась. По крайней мере, в личном фонде Афанасьева нет больше писем Лебедева. Держали ли друзья связь или она была прервана? Но известно, что И.И. Лебедев, несмотря на свои болезни, скончался весной 1949 года в 90-летнем возрасте.

Понятно нам и то, что Лебедев, хотя и предпринимал всякие усилия, никак не смог помочь товарищу в публикации его произведений и постановке пьес.

²²⁷ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 58.

²²⁸ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 29 об.

КУЗЬМА АФАНАСЬЕВ И ФИЛАРЕТ ЧЕРНОВ. ПЕРЕПИСКА

Чудесным образом обнаружилось в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) дело, связанное с сотрудником Пушкинского уголка Кузьмой Васильевичем Афанасьевым. Речь идет о его письмах к поэту Филарету Ивановичу Чернову¹.

Мы понимаем, насколько это важнейшие и уникальнейшие документы. Потому как биография Афанасьева в силу разнообразных обстоятельств нам мало известна и, скажем даже, сильно затемнена — вероятно, по вполне объективным причинам.

В листе просмотров этого дела до того, как мы его открыли, не было ни одной подписи. То есть мы первые его читатели.

Здесь надо сказать несколько слов о личности адресата — Филарета Ивановича Чернова.

Подробные воспоминания о поэте Филарете Чернове оставил художник Евгений Леонидович Кропивницкий, который знал его с раннего детства, потому как с ним дружил его отец. В Интернете также можно найти кое-какую информацию о Чернове — исследования, наблюдения. Опубликованы (конечно, не в полном объеме) его великолепные стихи и прекрасные прозаические произведения.

Письма К.В. Афанасьева находятся в РГАЛИ в личном фонде Ф.И. Чернова². В нем также автобиография, переписка, финансовые документы. Но писем к К.В. Афанасьеву, к нашему большому сожалению, не наблюдается. В архивной справке об образовании этого фонда говорится, что «архив поэта Филарета Ивановича Чернова поступил в Центральный государственный литературный архив ГАУ НКВД СССР по акту от 14 июля 1941 года из Государственного литературного музея НКП РСФСР». Справка находится в фондах Пушкинского Заповедника. Наши наблюдения об истории архива, ныне известного как

¹ Письма К.В. Афанасьева Ф.И. Чернову. 9 марта 1936 — 11 ноября 1938 года // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 547. Чернов Филарет Иванович. Оп. 1. Д. 48. 27 л. Филарет Иванович Чернов (1877–1940) — поэт и прозаик.

² РГАЛИ. Ф. 547.

РГАЛИ, и передаче документов туда из Государственного литературного музея (ГЛМ) можно посмотреть в наших комментариях («Переписка К.В. Афанасьева и директора Государственного литературного музея В.Д. Бонч-Бруевича»)³.

Возвратимся к адресату Кузьмы Васильевича Афанасьева. Типажно Филарет Иванович Чернов сильно напомнит нам Сергея Александровича Есенина. Это подтверждает даже описание его внешности: «Он был тогда молод и одевался очень нарядно. У него были длинные волосы, спускающиеся на плечи, на голове у него был надет цилиндр. Весь вид его был тогда крайне оригинальный», — вспоминает Евгений Кропивницкий. Имеются и фото этого весьма импозантного мужчины, но уже без цилиндра. Кропивницкий, к слову же, замечает, что двух самородков объединяют и поэтические настроения, и ощущение России.

Чернов был самоучкой. Он поначалу даже плохо писал, в смысле коряво выводил буквы на бумаге, не говоря о грамматических ошибках. С годами освоил грамматику, выработал и почерк, и самобытный стиль.

Роднит Чернова с Есениным и схожесть черт характера, и выходящие из этого особенности биографии — женщины, пьянство, загулы, хулиганство, покушения на самоубийство, психушка, где Чернов и умер, находясь там после очередного запоя в декабре 1940 года. Был у Чернова даже и монастырь, а также совсем уже темные истории.

Однако поэт Чернов не является ни в коем разе ни эпигоном поэта Есенина, ни последователем. Дар его самостоятелен и единичен. Но сходство настроений очевидно. Это приметно в отношении Афанасьева к творчеству друга. В одном из писем, от 12 сентября 1937 года, он пишет: «Стихи, что камеи: резец художника творит их. Твои стихи рождают одни и те же образы. Весна. Березовая роща. По дорожке идет беседующий с вечностью и бережно несет в стеклянном сосуде спелую землянику. (Год 1918. Место — около станции Домодедово)»⁴.

Рознит же Чернова и Есенина то, что последний обладал непомерным общественным темпераментом, который продвинул его на литературную сцену. Чернов же довольствовался должностью внештатного

³ См. с. 195–212 настоящего сборника. Все документы находятся в фондах Пушкинского Заповедника.

⁴ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 11.

литературного консультанта при Гослитиздате и в журнале «Молодой колхозник».

Никогда не был он и членом творческих организаций (членство давало всякого рода преференции), хотя, судя по автобиографии, подавал заявления для вступления.

Существует и легенда, которую подкрепляют некоторые исследования, что Филарет Чернов является автором романа «Замело тебя снегом, Россия...», который негласно считался гимном русской эмиграции. Его с успехом исполняла на европейских подмостках известная певица Надежда Васильевна Плевицкая. По понятным причинам это авторство Черновым, если он действительно был автором, не афишировалось. И эта «причастность», судя по всему, сошла ему с рук.

Вот такие необычные знакомства имелись у Кузьмы Васильевича Афанасьевса. Почувствовав дух переписки, мы можем считать узы, связывающие Чернова и Афанасьевса, дружескими. Очевидно, были они давно и хорошо знакомы («...Сполну изображали из себя Степана Разина и Пугачева»⁵).

Разбирая бумаги этого дела, понимаем, что мы имеем уникальные свидетельства, материалы нелитературного характера (то есть не художественные произведения), открывающие жизнь частного человека — лесника (лесовода) Афанасьевса.

Это практически единственный пример (нам сегодня известный, а рассматриваем мы документы, хранящиеся в РГАЛИ) эпистолярного наследия нашего героя, документы, писанные рукой (рукописи) открыто, доверительно, без оглядки на рецензентов и публику. Письменная речь его проста, но литературна, она очень образна. Мы видим много цитат, аллюзий, отсылок к разным произведениям и авторам. Они доступны и понятны и всегда уместны и точны. Замечания его иной раз не лишены подспудной иронии.

Мы понимаем: одно дело — художественные произведения, а вот из дневников и писем сквозит время, сочится душа. Так проявляется на наших глазах человек. И вот мы уже то смеемся, как дети, то слеза наворачивается, как у стариков.

Письма Афанасьевса, конечно, сильно отличаются от посланий к нему разных личностей своей искренностью. Иной раз они будто дис-

⁵ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.

танцированы от общественных процессов и глобальных перемен. Иной раз, наоборот, мы обнаруживаем смелые намеки на происходящее.

Описки будто не случайны. Зачеркнутые, исправленные слова — как оговорки-проговорки. Такое медитативное повествование. Размышления его и наблюдения иной раз носят поэтический характер и имеют философический взгляд. Он, выражающий простые мысли совсем простыми словами, именно философ. Недаром перо его тянется к сказке, былине, эпосу. Он сказитель.

Мы кручинились, что почти не осталось личных писем Кузьмы Васильевича, — и вот они нашлись. Теперь грустим о том, что не имеем посланий его адресата, поэта Филарета Чернова, которые, известно, имелись в некоем объеме. Об этом говорит сам Афанасьев в письме к директору ГЛМ В.Д. Бонч-Бруевичу, когда рассказывает о материалах своего архива, который хочет предложить в Литмузей⁶: «Речь идет о письмах известных людей... поэта пушкинской школы Ф.И. Чернова (40 писем)»⁷.

То есть письма Чернова в архиве Афанасьева были и были предложены им в фонд ГЛМ. Но либо туда не доехали и канули в вечность вместе с самим Афанасьевым, либо все же были переданы в Литмузей, но потом — только предполагаем — за неблагонадежность адресата и адресанта переместились в какое-то другое место, что могло произойти в процессе передачи фондов Литмузея в новообразованный в 1941 году архив, который состоял поначалу под патронатом НКВД, теперь же это РГАЛИ.

Комментировать обретенные письма Кузьмы Васильевича Афанасьева Филарету Ивановичу Чернову довольно тяжело, по крайней мере автору этих строк, потому как документы производят сильное впечатление. Сложно их цитировать, потому как за одной мыслью оригинально тянется следующая, из взгляда выходит наблюдение. И всякому интересующемуся есть смысл прочесть их целиком самостоятельно.

Письма надо просто напечатать.

⁶ Подробнее см.: *Варкан Е.* Переписка К.В. Афанасьева и директора Государственного литературного музея В.Д. Бонч-Бруевича. С. 195–212 настоящего сборника.

⁷ РГАЛИ. Ф. 612. Государственный литературный музей (ГЛМ). Оп. 1. Д. 366. Л. 3.

Мы старались отметить основные, на наш взгляд, важные вехи и интересные эпизоды, соображения, высказывания. Но, честно сказать, не случилось. Повествование вышло более объемным, чем полагали, именно за счет цитат, которые сами будто вписываются в контекст.

Показалось нам также важным поместить отдельно возможные разъяснения о некоторых персонах, упомянутых в письмах (*см. Приложение в конце статьи*).

Письма, как и дневники и мемуары, составляют яркий образ бытовой культуры времени. Без преувеличения можно сказать, что мы имеем тому пример, и пронзительный.

Имеющаяся переписка (вернее, письма К.В. Афанасьева Ф.И. Чернову) начинается 4 марта 1936-го и заканчивается 11 ноября 1938 года.

Нам, как и во многих других случаях, непонятно, были ли связаны друзья перепиской до этого времени и после и почему именно этот «фрагмент» сохранился и дошел до нас. В каком-то смысле нам повезло, потому как в это время Кузьма Васильевич Афанасьев работал лесоводом в Пушкинском уголке. Мы надеялись из этих сообщений узнать подробнее и о происходящем в Заповеднике, и о чаяниях самого автора. Именно тогда вся страна и Михайловское, само собой, готовились с шумом отметить юбилей — 100-летие гибели А.С. Пушкина. Но самое удивительное здесь то, что в письмах Афанасьева об этих событиях мы не находим почти ни строчки.

По каким-то мистическим причинам эти по времени появляются сразу после «окончания» переписки с И.И. Лебедевым, также приятелем Афанасьева⁸. Копии этих документов находятся в фондах Пушкинского Заповедника. Мы рассмотрели их в сообщении «К.В. Афанасьев. Переписка с критиками и друзьями»⁹. И для нас эти документы, хотя мы имеем послания Лебедева, но не Афанасьева, являются как бы зарождением (основываясь только на имеющихся документах) информационного потока, восстанавливавшего эпизоды жизни нашего героя.

Лебедев, как выходит, общий друг, и в первом же письме Афанасьева есть упоминание о нем. Сообщается, что тот живет на Шаболовке в «доме Ветеранов Революции имени «Ильича» (почему-то Ильич везде, и в письмах Лебедева, берется в кавычки), и Кузьма Васильевич просит

⁸ РГАЛИ. Ф. 31. Афанасьев Кузьма Васильевич. Оп. 1. Д. 12.

⁹ См. с. 213–259 настоящего сборника.

писать о нем. И, как кажется адресанту, друг их «угасает»¹⁰. Но мы-то теперь знаем, что Лебедев, много жалуясь на здоровье, всех их переживет и уйдет из жизни на 90-м году, в 1949-м.

Любопытным образом — именами, событиями и датами — взаимосвязаны и другие документы из описываемых нами фондов РГАЛИ и дел, в них находящихся: фонд К.В. Афанасьева¹¹, фонд ГЛМ, переписка К.В. Афанасьева с директором ГЛМ В.Д. Бонч-Бруевичем¹², а также рассматриваемые документы из фонда Ф.И. Чернова¹³. Мы будем по возможности связывать их между собой.

Листов в деле — 27. Писем — 21. Они написаны на листочках из блокнота и из школьных тетрадок — в клеточку и в линейку, похожих на те, что мы еще помним. Некоторые бумаги прожжены сигареткой, значит, кто-то (пишущий или читающий) курил.

Почерк не всегда внятный, но иногда каллиграфический. Некоторые письма выполнены с особым старанием, но это никак не связано с содержанием, скорее, с душевным настроем.

Первое письмо, 4 марта 1936 года: «Пора быть философом. Смейся ты над людьми, а, если можешь, и над жизнью»¹⁴.

Последнее, 21-е, датировано 11 ноября 1938 года и написано из Михайловского. В нем размышления лесовода Афанасьева о памятнике Пушкину в Михайловском и о том, как он его себе представляет: «Ждем комиссию с Лебедевым-Полянским во главе. Приезжают искать место для памятника. На задворках д. Бугрово [где — зачеркнуто] был [о — зачеркнуто] уже заложен дураками и вр. памятник. Общественное мнение высказалось против. Моя копейка оказалась [нрзб.: нещербатой?] в этом деле. Лично хотел бы видеть памятник около домика няни. Пушкин с палкой идет домой, можно и на аргамаке изобразить. Пейзаж, любимый поэтом, открывается со всех сторон. Оформить памятник рябиной и можжевельником. Поставить дерновые диваны, на которых могли бы посидеть экскурсанты и спеть песни Пушкина: «Буря мглою небо

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 9 об.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 31.

¹² РГАЛИ. Ф. 612. Государственный литературный музей (ГЛМ). Оп. 1. Д. 366.

¹³ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.

кроет» и др.»¹⁵. (Копии документов о подготовке к празднованию пушкинского юбилея 1937 года и самом праздновании из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) находятся в фондах Пушкинского Заповедника.)

О Пушкине и окроми хайловской тематике — совсем немного. Поминается Анна Петровна Керн с Липовой аллеей, да и то в привязке к зайцу, что «подзывал детским криком к себе самочку, которая отзывалась трелью: «бегу, спешу, хочу»¹⁶.

Вот еще: «Годовщина смерти Пушкина празднуется 10 февраля по нов. стилю. В начале [нрзб.] празднуется годовщина рождения. Отдай дань и мертвому Пушкину»¹⁷.

В послании от 31 марта 1937 года сообщается: «Был на Пушкинской выставке [имеется в виду юбилейная Пушкинская выставка в Историческом музее в Москве], но только 2 часа. Отдел рукописный прекрасный. Хороши детские рисунки к сказкам Пушкина. Современная живопись не понравилась... Красивы комнаты на выставке, выдержаны николаевская эпоха...»¹⁸

Вот еще: «Сегодня — день смерти А.С. Пушкина (101 год). У нас перемена — назначили нового директора, Безруких, старый подпольщик, работал в Госиздате по худож. литературе. Ждем его в Заповедник»¹⁹.

Среди так называемых «пушкинских» размышилизмов Афанасьева обнаруживается и истинный пушкинский шедевр, помеченный 31 марта 1937 года, написанный в Михайловском: «В заповеднике жить опротивело. «Ветер шумит, дождь сильно шумит, много шума, а скучно», — писал когда-то из Михайловского А.С. Пушкин. Но если бы он пожил с пушкинистами, так завыл бы от душевной боли. Свою глупость пушкинисты прикрывают именем поэта»²⁰. Оставим эту прелесть без комментариев.

Из этого же письма узнаем, что: «Много я сделал бытовых зарисовок [из жизни — зачеркнуто] в заповеднике. Только мои зарисовки не нужны в наше время, оне не усиливают ведь обороноспособность

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 27 об.

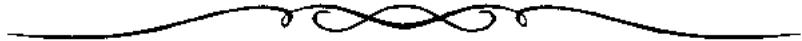
¹⁶ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 2.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 1, 9 об.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 9 об, 4.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 15.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 3, 9 об.

страны»²¹. Нам эти зарисовки сегодня, конечно, очень бы пригодились. То есть записки были, как и дневники, но куда-то подевались — либо не доехали до архивов по воле автора, либо «утрачены в процессе хранения».

На Павла Ефимовича Безруких у всех своя надежда. В недавнем прошлом он ответственный редактор московского журнала «Тридцать дней», и у него большой опыт литературной работы и организации литературного процесса.

«Раззак присылай [подчеркнуто синим карандашом]. Прочту и дам прочесть б. редактору «За 30-ть дней». Он у нас директором работает. Может что и практически посоветует. Нюх у него хороший, не то, что у нас»²².

«Безруких передал рукописи, но раньше 2–3 недель не жду ответа. Он большой семьянин, а жена и дочь скоро уезжают в Москву и ему никогда будет прочитать твои произведения»²³.

«Безруких П.Е. прочитал твой раззак и сказал, что ему не понравился... Солдатик такой несчастный, никчемный, что его при всякой власти добивали бы товарищи, начальники»²⁴. Далее советы ответственного редактора — удивительные, если не сказать уморительные: «Он советовал раззак сократить и показать этого же солдата в советское время сторожем колхоза, бригадиром ли, инспектором по качеству и т. д. Сказал также, что твой слог не изменился с тех пор, когда он читал твои произведения в железнодорожных изданиях. Он был комиссаром С-Вяз ж. д. [Сызрано-Вяземской железной дороги] и других»²⁵.

Речь идет, вероятно, о рассказе «Иван Малолетков», который сам Афанасьев оценил высоко: «Ты будешь печататься»²⁶. И пояснения: «На меня, как на старого солдата, раззак произвел другое впечатление, я тебе писал о том. Но ты пишешь для нового [солдата — зачеркнуто] читателя, поэтому учти замечания бывшего редактора»²⁷. Да уж, чего не сделаешь в угоду редактору...

²¹ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 9 об.

²² РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 19.

²³ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 22.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 23.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 23.

²⁶ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 22.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 23.

И все же Кузьма Васильевич высоко ценит общество Павла Ефимовича. «У меня есть хороший собеседник — П.Е. Безруких. Он много рассказывает мне о нравах литературной среды. Эх, братья-писатели, до чего же вы измельчали. Тщеславие погубило вас, а кружковщина погубила престиж писателя. Есть казахская пословица: «Любуйся высокой горой издали, а близко к ней не подходи. Знай имя великого человека, а с ним не знакомься». Глубокая правда: [и — зачеркнуто] красивая гора и великий человек разочаруют, если близко к ним подойдешь, особенно не подходи в наше время»²⁸.

Не забывает и советоваться со старшим товарищем: «Написал рассказ «[Богат — зачеркнуто] Рыбаки-кладоискатели» из местной жизни. Рассказ меня удовлетворяет. Безруких их кое-где поправил»²⁹.

Литературная жизнь не покидает Афанасьева и подбрасывает новые сюжеты в заповедные рощи: «В сентябре пережил неприятность. Литконсультант «Мол. колх.» прислал лестный отзыв о моем рассказе «Последнее утро» и посоветовал переделать концовку. Я согласился, переделал концовку и послал в редакцию для печати, как о том писал литконсультант. Получил ответ от секретаря: «Редакция нашла рассказ неинтересным». Послал открытку: «Не понимаю отзыв редакции. Разве мой рассказ не откликается на распоряжение Правительства по облесению бросовых земель? Разве творческие натуры на всех поприщах работы не одинаковы и, умирая, думают о работе, которой посвятили свою жизнь? Понятно мне одно: редакция «Мол. колх.» живет сама по себе, литконсультанты — сами по себе, а авторы — как хотят и т. д. На мое дерзкое письмо неожиданно получил от зав. редакцией отзыв: просит прислать ему лично рассказ. Послал, жду, чем все кончится, т. е. какая будет концовка для юморист. рассказа»³⁰.

Жалоба и вправду выглядит анекдотически, но все это, конечно, не смешно, хотя автор Афанасьев ко многому привык, что мы наблюдаем из его переписки с литературными и театральными критиками³¹. Тяжелы и грустны афанасьевские окололитературные размышления

²⁸ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 26 об.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 27.

³⁰ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 25, 25 об.

³¹ Подробнее см.: Варкан Е. К.В. Афанасьев. Переписка с критиками и друзьями. С. 213–259 настоящего сборника.

и в письмах к Чернову: «Боюсь удач... А с неудачами и проживу сто лет»³².

«Надо будет приводить свой архив в порядок и не мечтать больше о [большой — вычеркнуто] литературе. Сам знаешь, как противно бывает в редакциях, где [нрзб.] семейственность, комчванство, а часто и подлость»³³.

И вот еще о том же: «Во время болезни я много передумал о своей жизни. Ох, давно я живу! Прошло тысячи людей со своими судьбами. Эти люди требуют, чтобы о них я рассказал. Да и свою жизнь я [нрзб.] призванью, сердце испепелил обидами. Есть о чем сказать. Но как мы скажем? Для кого мы скажем? А главное — в какой форме мы расскажем. Меня не удовлетворяет ни одна литературная форма. Форма меня мучает. Записные мои книжки [нрзб. — зачеркнуто] рвутся к свету, а я не знаю, как разгрузить их содержание. Много лет я [о том — зачеркнуто] думаю и не могу придумать формы. А пора»³⁴.

«На реализме воспитывали нас раньше, на соц. реализме воспитывают и теперь. Только в эпохи большой культуры поэты пели всяк своим голосом и находили отзвук среди единомышленников. Наша эпоха — эпоха техники и оскудения культуры. Трудно дышать всем, кто беседует с вечностью»³⁵.

«Моя жизнь — беспрерывные падения и взлеты. Красной нитью через падения и взлеты только борьба за какую-нибудь идею своеобразного Дон-Кихотства»³⁶.

«Мучительно сладко жить, когда жизнь не дается в руки»³⁷.

«А что мы не спели своих лебединых песней, то, знаешь ли, некого винить, что опоздали родиться и шли своими тропинками в стороне от большой дороги нашей эпохи. Аминь»³⁸.

«Просматриваю много совр. журналов. Редко нахожу произведения, богатые чувством, мыслью. Поумнели писатели до того, что скучно было читать их произведения [подчеркнуто синим карандашом]»³⁹.

³² РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.

³³ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 9 об.

³⁴ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 9 об.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 11.

³⁶ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 11 об.

³⁷ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 15.

³⁸ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 17 об.

³⁹ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 19 об.

«Ты хочешь писать автобиографию. Кому она сегодня нужна? Гул, треск, шум, грохот современной бешеной жизни заглушит голос лирика. А трубным голосом лирики не говорят. Пророки говорили трубным голосом, но они говорили во времена оны, когда не было машин»⁴⁰.

«Я так много страдал от неудач [от — зачеркнуто] в литературных работах, что потерял веру в себя и мнение самоуверенных редакторов [пр — зачеркнуто] воспринимаю, как нечто непогрешимое. Теперь же на всякое мнение махнул рукой и буду прислушиваться к своему внутреннему голосу [при — зачеркнуто] в восприятии художественных произведений»⁴¹.

«Не сердись на молодых редакторов: загибы, глупость, нечуткость — эти недостатки изживаются. Нам, старикам, трудно, очень трудно. Нужна собачья привязанность к жизни, к искусству, чтобы не замуроваться от людей, как замуровался когда-то Ев. Карпов и Миролюбов»⁴².

«Хочу кусаться»⁴³.

По всему видно, Афанасьев находится в весьма сложном положении — живет в провинции и отставлен от столичной литературной жизни. Знакомые, друзья вроде как и беспокоятся о его судьбе, но как-то все не сильно успешно. Тяжела работа лесовода — на земле, много других хлопотных обязанностей — экскурсии, заведование музеем (что, кстати, подтверждает высокий уровень культуры и образования лесника). Все довольно тяжело, но и его посещает минутный энтузиазм, чего он желает и своему другу: «Много лет будто прошло, как я живу в уныние. И ясно мне представилось: проснулся утром, подумал о своей скорби, разсмеялся и сказал: «Зачем я мучаюсь? Кому польза? Буду радоваться сегодняшнему дню». Встал, как встрепанный, хорошо, если бы с тобой то же случилось. Размейся иди на улицу»⁴⁴.

Так вот, несмотря на не очень веселые вводные собственного существования, не устает Кузьма Васильевич тем временем утешать и поддерживать своего столичного товарища. Хотя и дает порой провокацион-

⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 20, 20 об.

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 25. «Произваний» — так в оригинале; скорее всего, описка (должно быть «произведений»).

⁴² РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 27.

⁴³ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 27.

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 12 об.

ные советы: «Спасай [ся — зачеркнуто] сам себя. О других подумаешь, когда выздоровеешь»⁴⁵.

Но в приоритете все же высокие соображения: «Твои короткие письма — стихотворения в прозе»⁴⁶.

«Твори волю того, кто водит твоей рукой, когда ты творишь в своей келье. А больше ничего не скажу»⁴⁷.

Но на самом деле говорит многое — про прозу и стихи Чернова, разбирает тексты, выстраивает планы новых произведений. Много цитирует, наставляя. Рекомендует активно и решительно поменять образ жизни, журит за бездействие. Вот что он пишет, узнав, что товарищ его повредил ногу: «Вот уж [правильно — зачеркнуто] фатально, что «в нашей судьбе что-то лежит роковое». [Кому-то — зачеркнуто] Мы не поставили по свечке: ты св. Филарету, а я беззребренику Косьме, а потому сии святые подставляют нам ножку в самые решительные моменты нашей жизни. Неспроста ты споткнулся, даже если ты был пьян. Где-то кто-то перевел стрелку твоей жизни на новый путь. А ты, вместо того, чтобы смело шагать по лестнице, пошел осторожно, ощупью или наоборот. По новому пути надо будет тебе ходить по-новому. Вот ты и учишься теперь ходить по комнате, как [надо — вычеркнуто] подобает ходить человеку, стрелка жизни которого переведена на новый путь. При моем оптимизме я бы такой случай объяснил переменой жизни к лучшему и тем бы сократил время лечения»⁴⁸.

«Не знаю, что бы было со мной, если бы я 9-ть месяцев просидел в комнате, повеситься не повесился бы, а съ ума сошел бы — факт!»⁴⁹

«Было бы в моей власти, я поселил бы тебя где-либо на опушке леса, отвел бы тебе грядку для овощей, снабдил бы рыболовными при надлежностями и заставил бы целый день проводить на воздухе. Через неделю ты бы запел наподобие Франциска Ассизского, через месяц ты бы приплясывал бы и пел бы частушки, а к осени взялся за перо. Как ты живешь — это медленное самоубийство. Вот мой диагноз, мое лечение. Хочешь жить, послушайся меня. А что ты хочешь жить, в том меня убеждают твои письма»⁵⁰.

⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 17 об.

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 6.

⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 9 об.

⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 8, 9 об.

⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 16 об.

⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 16.

«Сочувствием, жалостью в твоем положении не поможешь. Тебе нужно выкатываться из своего быта и чем скорее, тем лучше. Был бы я богат, одолжил бы без возврата много денег и уехал бы ты в Кисловодск, Сочи, а лучше в Сухуми. Эх, и поправился бы от депрессивного состояния. Ты — лежачий камень, над которым не течет вода. Слушай. Найди ход к Федину»⁵¹.

«На конверте твоего письма машинально написал: «Эх, ты лирик, лирик». Все мысли о тебе поглощаются этой фразой. Живешь ты собой, в себе. Небо, земля, люди, искусство существуют не сами по себе, а как они отражаются в твоей душе. Впечатлений бытия с годами накопилось так много, что ты согнулся под их тяжестью, как Христос под своим крестом, который он нес до Голгофы. Ты же несешь, не зная, где конец своего пути. Невыносимо тяжело тебе. Надо искать тебе средство по частям сваливать со своих плеч груз. Один монгольский лама-поэт разгрузил себя тем, что простыми словами стал описывать красоту мира. Долго он жил на земле. Сочинения его живут до сего дня, надо думать»⁵².

А вот наконец и о «своем житье-бытье». Удивительная обыденность.

«Несколько слов о своем житье-бытье. Встаю в 7-мь часов утра. Пью стакан молока, иду на р. Сороть осматривать «жерлицы», иногда попадаются щуки на «живца». В 8 ч. утра я уже на питомнике, где распределяю работу: кому сажать сосну по редколесью, кому сеять семена сосны по пашне, кому сажать березки, черемуху по взгорью к Пушкинскому пруду — «раздолье уток молодых», кому очищать от мха дорожки в Ганибалаовском парке и кому остаться работать на питомнике. В 10-ть часов завтракаю. После завтрака иду проверять работу. Обедаю в час дня. После обеда до 5-ти часов вечера опять в лесу, на питомнике. Вечером ставлю жерлицы на щук. А когда засветится электричество и загудит радио, я сижу за столом: читаю, обрабатываю записи по работе или беседую с женой о злыднях заповедника. Все дни похожи, как дождевые капли. Физически устаю, конечно, но усталость не мешает мне спокойно, крепко спать. Ложусь спать в 11-ть вечера, когда прослушаю последние известия по радио»⁵³.

⁵¹ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 17.

⁵² РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 20.

⁵³ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 9 об., 6.

«О себе ничего не сообщу нового. Разбираю в Ганнибаловском парке. Старый, запущенный парк переносит меня во времена крепостничества. Вздрагиваю невольно, когда вспомнится какая-либо жуткая картина из развлечений барина. Может, напишу что-либо о парке»⁵⁴.

«И я мечтаю о Кисловодске, о том, как я выйду на пенсию и займусь своим архивом, займусь опытами над семенами древесных и кустарниковых пород и т. д. так всю жизнь. Впереди светит огонек, который всегда удаляется, когда пойдешь к нему»⁵⁵.

«Таких писемистов [орфография сохранена] много. Иногда (а может и всегда) я поддаюсь этому настроению. Потому-то мне и нравятся твои [упадо — зачеркнуто] стихи. Моя живость обманывает людей и они думают, что я легкомыслен, жизнерадостен...»⁵⁶

«Все еще зав. музеем, провожу экскурсии. Зарабатываю хорошо [подчеркнуто синим карандашом]»⁵⁷.

«В моей келье только бы работать...»⁵⁸

«В детстве мечтал найти косточку летучей мыши, косточка делает человека невидимкой (из сказок бабушки) и т. д. и т. д., а теперь мечтаю выйти на пенсию и [нрзб. — заниматься?], без увлечения несбыточной идеей, литературным трудом... А иной раз я думаю просто описать свои встречи, как писал Скиталец в кн. 5 «Октябрь» 37 г.»⁵⁹.

Сообщения эти настолько внятны, что не требуют никаких дополнительных пояснений.

Узнаем мы и позитивные новости о результатах его литературных трудов, и все оказывается не так безнадежно. Даже имеется некий литературный успех, то есть публикации.

«На Пушкине заработал 500 р., написал о «Михайловских рощах». Напечатали в «Юном натуралисте» (№ 2, Москва) и в журнале «В наши дни» (№ 3—4, Калинин). Опоздал написать к юбилею «Поэт и няня» (монтаж). Радиокомитет задержал рукопись, может и клюнет»⁶⁰.

«Что о себе написать? «Колхозник» одобрил мой рассказ»⁶¹.

⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 9 об.

⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 10 об.

⁵⁶ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 9.

⁵⁷ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 19 об.

⁵⁸ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 10 об.

⁵⁹ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 11 об.

⁶⁰ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 9 об.

⁶¹ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 22.

«В Лит. газ.» послал две статьи о пушкинских местах»⁶².

«Я тебе выпишу из записной книжки одну легенду, записанную на Д. Востоке. Она была [когда б — зачеркнуто] январь 1937 г. напечатана в «Правде». Алый снег»⁶³. Далее текст. По комментариям понимаем, что этот текст Афанасьева и печатается в «Правде».

«Полегоныку я раскачиваюсь. Напечатали в обл. газете отрывок из [своих — зачеркнуто] моих исследований о судьбе Трех сосен, воспетых Пушкиным. В № 12 Ленинградского журнала будет напечатана заметка «Здравствуй, Паустовский, или Прощай, Пушкин». Редакция просит присыпать материал. Послал еще две заметки: одну о рассказе Габриловича («30-ть дней», № 8), в рассказе автор наделил ветеринара сотней специальностей, нужных деревне, и 9 месяцев заставляя его быть в командировке; вторую — о моей переписке с журналом «Костер»⁶⁴.

Возникает уже и интерес к кинематографу — согласно времени: «Включился ли ты в конкурс киносценариев? Сходи в М. Гнездниковский, 7, комитет по делам кинематографии при СНК. Возьми правила, поговори. Срок представления — 1-го ноября. Обязательно сходи»⁶⁵.

Похоже, сам Кузьма Васильевич включился, но нам об этом опять ничего в точности не известно. Включился же он в радиопроект, о котором сообщал другу. А вот в здании по адресу Малый Гнездниковский, 7 сейчас находится Министерство культуры РФ, а до недавнего времени — Госкино СССР, ну а совсем до того — рядовая усадьба праздных московских бар.

Кузьма Васильевич был человеком с наблюдательным юмором, своеобразным. Забавны и его разрозненные реплики, наблюдающие дела, в стране происходящие. Чаще это немногословные замечания, порой переходящие в многострочные раздумья. Никак не заметно, однако, паникерства, даже некоторая отвага. Но от трепета никуда нам не деться, как и, пожалуй, от оторопи.

«Надо будет проникнуть настроением, созвучным эпохе»⁶⁶.

«...Живи в свое удовольствие, на славу Советов»⁶⁷.

⁶² РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 22 об.

⁶³ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 23 об.

⁶⁴ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 27.

⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 21.

⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 2.

«Улучшать свой быт мы будем, когда свернем шею фашизму. Юмор, ирония, сатира, сарказм — все такие цветы, от которых носы современников отворачиваются, если цветы больше растут на открытом воздухе. Дай перу волю, заведет в трясину...»⁶⁸

«Не вижу и я порядочных людей. Болезненно иногда переживаю трагедию современности. Наши руководители — большие люди, пусть жестокие, но отдающие жизнь за счастье людей. Но помощники руководителей — малоценные людочки, для которых коммунизм и карьеризм — понятия тождественные. Мне, живущему в глубоком быту, особенно заметно трагическое несоответствие между идеями века и современным человеком...»⁶⁹

«Радио сообщило такую новость, что жутко стало за завтрашний день. Но солнце светит, не будем страшиться. Все перемелется»⁷⁰.

Вот здесь никак нельзя воздержаться от примечания. Письмо датировано 11 июня 1937 года. Эта приписка сделана карандашом наверху первой страницы — над приветствием, написано вверх ногами. Что это был за день в истории? 11 июня 1937 года девять военных во главе с маршалом Советского Союза М.Н. Тухачевским были признаны виновными в организации военного заговора с целью захвата власти. Смертный приговор был приведен в исполнение немедленно.

Опять Афанасьев, опять радио: «Вечер. Радио задыхается от восторга, что наступила счастливая жизнь, [которой — вычеркнуто] какой никогда не было на земле»⁷¹.

«Первого августа [очевидная описка автора — речь идет, судя по контексту, о 1 декабря] выеду в Москву, если не случится чего-либо не предвиденного. Время стоит ужасное. Каждый день жду несчастья для страны»⁷².

«Не понравилось мне житье-бытье москвичей с их разговорами: «Кто следующий в места не столь отдаленные?» В заповеднике не лучше, но можно в комнате сидеть. Житье-бытье у нас не лучше, но можно книги читать, с умными мертвецами беседовать»⁷³.

⁶⁷ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 3.

⁶⁸ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 9 об.

⁶⁹ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 5, 9 об.

⁷⁰ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 7.

⁷¹ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 10 об.

⁷² РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 13 об.

⁷³ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 14.

«12 декабря ездил я на народное торжество — был день выборов в Верховный Совет, опустил биллютень [так у автора] в урну, послушал патефон в старой церкви, и, купив, как и все, вина, уехал домой отметить этот день весельем»⁷⁴.

«Перебаливаю всем, чем болеет родина. Ничего-то я не знал, дураком жизнь прожил, а думал — герой! «Карась рыба сминая, к идеализму склонная», где-то написал Щедрин-Салтыков про меня»⁷⁵.

«Поделюсь своей странностью. Днем не могу отдохнуть на постеле, а ложусь на голый сундук и говорю жене, когда она меня бранит за такой отдых: «Жизнь может заставить довольствоваться досками для отдыха, вот я и привыкаю к доскам заранее». Философ своей эпохи!»⁷⁶

«О современных войнах меньше думай. Не расстраивайся. Ведь солнце светит? А раз солнце светит и греет, жизнь на земле не прекратится. «О, братья мои! Недолго еще, и возникнут новые народы, и зашумят новые источники, ниспадая в новые глубины»⁷⁷. Инквизиция сменилась возрождением, гуманизмом. Наша эпоха [нрзб. — сметнет?] гуманизм, но недолго ждать: зашумит новая эпоха! Какая? Как патриот своей родины, я должен сказать: «Эпоха коммунизма». А как беспристрастный наблюдатель я скажу: «Черт знает, какая эпоха зашумит над нашими могилами»⁷⁸.

«Филарет, отталкивайся от впечатлений сегодняшнего дня, благо тебе будет. Стань лицом к солнцу, а жопу прячь в тени. [х] Иного выхода нет, не бывало и не будет.

[P.S. — зачеркнуто] [х] Не забывай: не все старое плохо, не все новое хорошо»⁷⁹.

«Не вижу писателей ведущих, вершителей дум»⁸⁰.

«В конце [октябр — зачеркнуто] сентября поеду в Кисловодск, если Гитлер не забьет тревогу на барабане. Старый мир идет к гибели»⁸¹.

⁷⁴ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 14 об.

⁷⁵ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 16 об.

⁷⁶ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 16 об.

⁷⁷ Цитата из книги Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого».

⁷⁸ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 17 об.

⁷⁹ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 21.

⁸⁰ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 25 об.

⁸¹ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 25 об.

Опять оставим все эти примечательные, на наш взгляд, соображения Кузьмы Васильевича без собственных рассуждений.

Зацепимся за Кисловодск. Он как-то сделался весьма приметным знаком, даже событием в его однообразной жизни. Припомним, сколько времени он посвятил рассказам о своих сборах на курорт малознакомому, даже постороннему для него человеку — В.Д. Бонч-Бруевичу — в своей с ним переписке о передаче собственного архива в Литмузей⁸².

Поездка в Кисловодск в ноябре 1937 года сделалась, безусловно, событием для Кузьмы Васильевича, тихого провинциального служаки. Тем более что попал он на курорт впервые в 63-летнем возрасте. Его наблюдения прелестны: «Теперь в Кисловодске «бархатный сезон». Понаехали людей с бору с нитки не лечиться, а беситься»⁸³. Эти чудесные догадки озарили его еще накануне знаменательной поездки — 1 сентября 1937 года.

Далее идут наблюдения на месте: «Читал стихи [имеются в виду стихи Чернова] Н.В. Феоктистову, он редактирует в Тв-ве писателей. Веселый и беззаботный человек с седеющей головой и усами. Любитель бельдиарда [так у автора]. Он сам прочитал стихи, сказал: «Не наши, не хороши». А я ему: «Литфонд должен бы автору помочь». Поговорили»⁸⁴.

«Прекрасно я себя чувствую, хотя и скучаю среди легкомысленных профессоров»⁸⁵.

«У нас в санатории пузатые, лысые мужчины и брюхатые толстозадые женщины учатся танцевать Фокст-строт [так у автора]. Музыка и танец раньше вызывал у меня смех, а вслушался, всмотрелся, и я танец теперь воспринимаю, как шествие людей за [чым-то — вычеркнуто] гробом эпохи под траурный марш. Ушел из зала в комнату писать тебе письмо: страшно стало от погребального танца»⁸⁶.

⁸² Подробнее см.: *Варкан Е.* Переписка К.В. Афанасьева и директора Государственного литературного музея В.Д. Бонч-Бруевича. С. 195–212 настоящего сборника; РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Копии этих документов находятся в фондах Пушкинского Заповедника.

⁸³ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 9.

⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 13.

⁸⁵ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 13, 13 об.

⁸⁶ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 13 об.

«Поликлиникой пользуйся и проси дать направление в Кисловодск. Только на летние месяцы не езди: в эти месяцы много лечится безнадежно здоровых людей. Неприятно будет тебе смотреть на похабников»⁸⁷.

«Надоело мне в заповеднике. Люди здешние надоели. А может и устал. А может и старость. Скоро поеду в отпуск, поступлю [где-либо — зачеркнуто] сторожем в Кисловодске, да 150 руб. буду получать пенсии — заживу!»⁸⁸

Последнее сообщение своей мечтой о пенсии явно перекликается с той же мечтой, высказанной ранее: «В детстве мечтал найти косточку летучей мыши, косточка делает человека невидимкой... а теперь мечтаю выйти на пенсию...». Куда подевалась романтика? «И я мечтаю о Кисловодске, о том, как я выйду на пенсию и займусь своим архивом, займусь опытами над семенами древесных и кустарных пород и т. д. так всю жизнь».

Не преминем приладить к Кисловодску и еще одну мечту, что прочитывается у Афанасьева, — о пенсии. Впрочем, о пенсиях мечтает любое поколение. «Поживу на Алтае год, а может, и два, а там на пенсию, поближе к грядке с помидорами. На Алтае я буду собирать зарплату большую, инвалидность у меня 3-го разряда, дадут 225–250 р. пенсии, а мне больше и не надо; жена будет работать, для ребяток что-либо напишу и... живи в свое удовольствие, на славу Советов»⁸⁹.

Но все же Кисловодск становится, право слово, какой-то навязчивой идеей. Он все время туда собирается, снова и снова, и всем советует, будто это лучшее место на земле (хотя, конечно, отдыхающие могли быть и посимпатичнее).

Не менее живописны, кстати, и его примечания о московской публике, которую он иной раз наблюдал, посещая столицу: «На один день заезжал в Москву. Пил чай и ситро на юбилее И.И. Лебедева по случаю 60-летней годовщины его литер. деятельности. Слушал речи умных людей и отметил в записной книжке: «Измученные люди, вымученные мысли»⁹⁰.

А что сказать про описание бытия друга, «крестьянского писателя» Ивана Ивановича Лебедева? «О чем тебе еще сообщить? И.И. Лебедев живет уже в санатории НКСО [Наркомата соцобеспечения] под Мо-

⁸⁷ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 18.

⁸⁸ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 24 об.

⁸⁹ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 3.

⁹⁰ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 9 об.

сквой. Прислал томик пьес. Недавно прислал большое письмо о том, как исправляют, сокращают его пьесы и о том, что никогда критик не понял его пьес. Луначарский одним словом — «народолюбец» — определил его творчество, а критики хотят примирить непримиримое: политику дня в отношении партии к крестьянству с дореволюционным крестьянским бытом»⁹¹.

Интересно раскрывается и так называемая женская тема в судьбе лесника Афанасьева. Из его писем Ф.И. Чернову и И.И. Лебедеву и даже директору Литмузея В.Д. Бонч-Бруевичу⁹² выходит, что предмет этот для нашего героя весьма актуален. Был он непоседа и обнаруживался частенько в разных местах, весьма удаленных друг от друга, и кажется, что везде был с какой-то дамой, и всякий раз дамы были разные. А во время, что охватывают переписки с Бонч-Бруевичем, Лебедевым, Черновым, Афанасьеву было уже за 60. Очевидно, романтические настроения имели значение для всех названных друзей — кроме Бонч-Бруевича.

По воспоминаниям Евгения Кропивницкого, Филарет Чернов был женат на некоей Марье Васильевне и имел сына и dochь. Но в какой-то момент стал открыто жить с домработницей Нюорой и был с нею счастлив.

«Твою молодую жену я и не думал обижать, [не — зачеркнуто] когда писал «влюбись в дуру». Написал, чтобы тебя взбодрить, разсмешить, толкнуть в спину. Для поэта полезно влюбиться. Поцелуй у ней руки и скажи, что она богом данная спутница для тебя. Мое в том глубокое убеждение. А мне не повезло ни на дур, ни на умных. Везло на авантюристок. Смирился. Скоро ко мне приезжает на житье пожилая женщина; одному жить стало не по силам...»⁹³ Это сообщение от 4 марта 1936 года. Последняя фраза письма — о пожилой женщине, что поможет по хозяйству, — выглядит как-то странновато.

Хотя, вспоминаем мы, еще в сентябре 1933 года Афанасьев просит найти ему «беспрizорную старушку» для помощи по хозяйству, а Лебедев радостно рапортует, что найдена даже «молодушка»⁹⁴.

⁹¹ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 19 об.

⁹² Подробнее см.: Варкан Е. К.В. Афанасьев. Переписка с критиками и друзьями. С. 213–259 настоящего сборника; Переписка К.В. Афанасьева и директора Государственного литературного музея В.Д. Бонч-Бруевича. С. 195–212 настоящего сборника.

⁹³ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 9 об.

⁹⁴ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 25.

А вот замечания об «авантюристках» имеют конкретные основания. Речь здесь идет об отношениях с некоей Ольгой Федоровной, которые начались в 1935 году, как раз перед переездом Афанасьева из Невеля в Михайловское (переезд состоялся в конце весны — начале лета), и закончились в январе 1936 года. Между «любовниками» возникли большие финансовые разногласия — якобы эта подруга обворовала Афанасьева и, по сведениям уже известного нам Лебедева, дело было серьезным: «Сообщи, возбуждено судеб. преследование О.Ф.»⁹⁵. Этому «любовному» сюжету посвящено несколько строк в тексте «К.В. Афанасьев. Переписка с критиками и друзьями».

А вот 31 марта 1937 года, через год после поисков «хозяйственной женщины», мы получаем следующую информацию: «Живу хорошо. С женой дружим»⁹⁶. И далее: «Шлет тебе пожелания удачи Людмила Владим.»⁹⁷. То есть новую пассию зовут Людмила Владимировна. Припомним: из переписки Афанасьева с Бонч-Бруевичем, происходящей в это же самое время, выходило, что жена его, о которой он там также поминает, имела историческое образование и «хочет возвратиться к препарированной педагогической деятельности»⁹⁸. Далее Кузьма Васильевич исправно шлет приветы Филарету Ивановичу от Людмилы Владимировны, а от себя лично — Анне Николаевне, то есть Ниоре.

Увидим мы и размышления лесника о женщинах: «Женщинам не доступны твои стихи. Только одну женщину я встретил, которой были понятны твои стихи. Но та женщина была сама с поэтическим дарованием и с упадническим настроением. И не видел ни одной женщины, которая бы имела творения любимого поэта. Слишком оне близки земле, к реальному. Марфы — большинство, Марии — одиночки»⁹⁹.

Из Кисловодска, о котором уже было помянуто, летит от окрепшего Кузьмы Васильевича, между прочим, и такая весть: «Уже начал одним глазом поглядывать на женщин, так же косилась лисица на виноград»¹⁰⁰.

⁹⁵ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12. Л. 56.

⁹⁶ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 9 об.

⁹⁷ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 6, 9 об.

⁹⁸ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 30.

⁹⁹ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 11.

¹⁰⁰ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 13 об.

И совершенно замечательно! «С весной поздравляю тебя. Зашевелились корешки в земле, зашевелились корешки в штанах, зашевелились корешки в перьях, в шерсти — воскресает жизнь на земле и в воде!»¹⁰¹ Как-то само собой приходит на память своеобычие любовного быта и пушкинской эпохи.

Отдельно выделим документы, связанные с Константином Георгиевичем Паустовским, который Афанасьев сильно взволновал. Первое упоминание о нем у лесника — 25 июля 1937 года — вполне позитивное. Кузьма Васильевич вдруг вспоминает его «Колхиду»: «Заниматальная и содержательная книга. Естествование — хороший, оказывается, материал для повести»¹⁰².

Вероятно, «Колхида» всплыла совсем не случайно. Мы можем предположить, что Афанасьев встречал Паустовского или хотя бы слышал о его приезде в Михайловское. Тот совершил путешествие по северо-западу и побывал в пушкинских местах. Ведь 1937 год — юбилейный для Пушкина. И вот Паустовский пишет рассказ «Михайловские рощи», он напечатан в журнале «Красная новь» в июле 1938 года. И эта публикация произвела на Афанасьева такое сильное впечатление, что он посвятил «паустовщине» целых три письма, полные негодования, — 1 и 21 сентября и 23 октября 1938 года. Правда, написаны они практически одними и теми же словами, что он, вероятно, употребил в своей заметке, которой откликнулся на рассказ (вспомним: «В № 12 Ленинградского журнала будет напечатана заметка «Здравствуй, Паустовский, или Прощай, Пушкин»).

Приведем здесь с некоторыми сокращениями мнение Кузьмы Васильевича о «Михайловских рощах» Константина Георгиевича.

«Паустовский с рассказом «Михайловские рощи» провалился. Гриновским стилем описал пушкинские места. Так Грин описывал неизвестные страны и было художественно. А когда видишь и знаешь, о чем написал Паустовский, так обида на автора загорается и воспринимаешь как иронию. Ни одного факта верного, ни одного разговора правильно — все выдумано. Эпиграф к рассказу: «Здравствуй, Пушкин». Надо бы взять: «Прощай, Пушкин»... Рассказ напечатан в «Красной нови», кн. 7-ая. У нас все читают рассказ, ругают автора и смеются. Поэзия —

¹⁰¹ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 18.

¹⁰² РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 9 об.

зеркало, у Паустовского зеркало неправильно, искривленно отражает действительность»¹⁰³.

«До чего же было противно читать о выдуманном пейзаже, о выдуманных людях, о выдуманных разговорах и о том, чего не было и быть не могло. Пушкин писал правдиво, искренне и просто, а Паустовский пишет, чтобы угодить [ко — зачеркнуто] эпохе с распаленным воображением...»¹⁰⁴

«Пушкин писал просто, искренне, правдиво — до сих пор его эпитеты, образы жизненны, хотя бы и о пейзажах он написал. «На влажных берегах бродящие стада» можно видеть и по сей день»¹⁰⁵.

«Стилизация принудила автора увидеть пейзаж, людей сквозь призму сказки. Овес у него дорос до крыши изб. Народное гулянье в день рождения А.С. Пушкина превратилось в маскарад. Провода у него прошли под землей — это будто сделано для того, чтобы не нарушать [push — зачеркнуто] пейзаж пушкинских мест; а столбов с проводами хоть отбавляй: телеграф, телефон, радио, электроосвещение — все на столбах. Ввел сцены, которые у нас никто [не] наблюдал и т. д. и т. д. В «Лит. газ.» [уже — зачеркнуто] автора слегка побили. Что хорошо в сказке, то в реалистическом очерке плохо: вызывает у читателя недоверие»¹⁰⁶.

Грустен вывод Кузьмы Васильевича: «Мало время прошло, когда я порадовался твоей удаче, а за это время я пережил тяжелое разочарование: я потерял веру в автора»¹⁰⁷.

Тут сами собой напрашиваются два прелестных послесловия.

Не в отместку ли Паустовскому Павел Ефимович Безрукых, бывший в 1938 году директором Пушкинского Заповедника, сочинил свои «Михайловские рощи»? Опубликована статья в журнале «Вокруг света» в № 6 за 1949 год, к 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Однако, судя по всему, написана она была еще в бытность его в Михайловском, в 1939 году, а к юбилею текст был подредактирован, «освежен». Этот вывод следует из дела, где помещен оригинал «Михайловских рощ»¹⁰⁸.

¹⁰³ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 24 об.

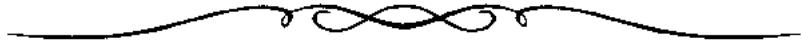
¹⁰⁴ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 25 об.

¹⁰⁵ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 26 об.

¹⁰⁶ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 26, 26 об.

¹⁰⁷ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 26.

¹⁰⁸ РГАЛИ. Ф. 2192. Безрукых Павел Ефимович. Оп. 1. Д. 16.

И второе наблюдение, совершенно чудесное. Процитируем еще раз фрагмент письма о фантазиях Паустовского, так возмущивший Афанасьева: «Провода у него прошли под землей — это будто сделано для того, чтобы не нарушать… пейзаж пушкинских мест; а столбов с проводами хоть отбавляй». Но сегодня-то мы точно знаем, что никакие провода не портят чистый пушкинский пейзаж. Все они спрятаны ровно под землей. Это было сделано во время восстановления Михайловского после Великой Отечественной войны, когда директором в Заповедник пришел Семен Степанович Гейченко. Так случилось то, во что не хотел, как в сказку, верить лесник Афанасьев.

И не «Михайловские рощи» ли Паустовского подсказали Семену Степановичу такой чудесный ход?

Нельзя не вспомнить здесь еще и забавный анекдот, который Афанасьев рассказывает другу в связи с размышлениями о том, что самим надо вытаскивать себя из своих жизненных ситуаций. Но рассказ прекрасен и без привязки к «местности».

«Вспомнил, читая твое письмо, исторический анег(к)дот. Имена забыл. Кажется, Бисмарк охотился с нашим офицером по Пинским болотам. Болота заросли травою, от времени образовался толстый травяной войлок. Идешь по колышущемуся войлоку и не проваливаешься, и не знаешь — идешь ли по болоту, или по старому руслу реки, или по озеру, заросшему травой. На таких болотах имеются «окна» — это небольшие пространства чистой воды. Много людей, много животных гибнет, попадая в эти «окна». Бисмарк провалился в такое окно. Просит офицера помочь ему. Офицер не может подойти близко к окну и подать руку или ружье Бисмарку. Тина затягивала Бисмарка все глубже и глубже. Офицер догадался рискнуть. Он снял ружье с плеча, перезарядил картечью и прицелился в Бисмарка. Бисмарк понял, что ему грозит смерть. А Бисмарк умирать не хотел. От страха, надо думать, он собрал все силы и выкатился из «окна». Очень благодарил офицера, когда понял, почему он в него целился из ружья. Русские всегда немцам помогали на свою голову.

Вот что, брат-писатель. Ты попал в «окно» на болоте жизни. Кричишь о помощи. Около тебя нет человека, который бы прицелился бы в тебя из ружья и ты бы увидел смерть перед глазами. Поверь мне: быстро бы выкатился из болота»¹⁰⁹.

¹⁰⁹ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 17.

В завершение нашего повествования заметим, что Кузьма Васильевич Афанасьев в письмах своих выглядит открытым и искренним человеком. За время нашего «общения» с ним мы прониклись к нему самыми теплыми чувствами. С удачей ему только не повезло и жить выпало в эпоху перемен.

Эпилогом — пронзительные строки: «А я за твое здоровье тяпну померанцевой, поужинаю и на боковую. Мой день канул в вечность. К.А.»¹¹⁰.

¹¹⁰ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 2.

Приложение

Кузьма Афанасьев: круг знакомых и лиц, упоминаемых в переписке

Здесь мы предпримем попытку описания круга знакомых Кузьмы Васильевича Афанасьева, постараемся открыть хотя бы какую-то информацию о персоналиях, как упомянутых в нашем обзоре, так и оставшихся в письмах Афанасьева для более подробного прочтения другими исследователями.

1

Иван Иванович Лебедев упоминается в письмах К.В. Афанасьева неоднократно (например, 31 марта 1937 года, 28 июля 1938 года). В личном фонде К.В. Афанасьева есть его переписка с «крестьянским писателем» И.И. Лебедевым¹¹¹. Подробнее о самом Иване Ивановиче: «К.В. Афанасьев. Переписка с критиками и друзьями» (см. с. 213–259 настоящего сборника; копии документов находятся в фондах Пушкинского Заповедника).

2

Письмо К.В. Афанасьева от 11 ноября 1938 года, Михайловское: «Ждем комиссию с Лебедевым-Полянским во главе».

Павел Иванович Лебедев-Полянский — поначалу ряный большевик, а затем, можно сказать, кадровый. С 1937 по 1948 год был директором Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР (ИРЛИ РАН), которым руководил дистанционно, частенько проживая в Москве. Д.С. Лихачев оставил о нем мрачные воспоминания.

С этим его положением (директор ИРЛИ) и связаны его хлопоты о Пушкинском Заповеднике, который в это время находился в ведении института.

Лебедев-Полянский — создатель советской цензуры. Около 10 лет с 1921 года руководил Главлитом. Одновременно делал филологическую карьеру, удобренную марксизмом: доктор филологических наук, профессор МГУ, руководитель отделения критики, журналистики и публицистики в НИИ языка и литературы. Курировал всякие издательства и издания, настраивая их на «правильный лад».

¹¹¹ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12.

Биографы упоминают историю, связанную с именами П.И. Лебедева-Полянского, К.А. Федина и А.А. Ахматовой. В конце 1920-х годов Федин пытался содействовать изданию собрания стихов Ахматовой, заметая, что «Анна Ахматова занимает в поэзии место бесспорное. Обойти ее в истории русского стиха так же невозможно, как невозможно обойти Тютчева, Блока, Хлебникова». Лебедев-Полянский категорически запретил издание.

3

Письмо К.В. Афанасьева от 10 февраля 1938 года: «Сегодня — день смерти А.С. Пушкина (101 год). У нас перемена — назначили нового директора, Безруких, старый подпольщик, работал в Госиздате по худож. литературе».

Павел Ефимович Безруких директорствовал в Пушкинском Заповеднике с 1938 по 1940 год. Известно, что, только приехав в Михайловское, очень хотел покинуть Заповедник. Не надо было иметь невероятную интуицию, чтобы чувствовать себя некомфортно на западной границе СССР в то тревожное время. Несмотря на уговоры директора Пушкинского Дома П.И. Лебедева-Полянского, Безруких оставил должность в 1940 году.

После отъезда из Заповедника Павел Ефимович жил тихо, можно сказать, залег на дно, что как-то удивительно, если припомнить его загигательную биографию: он и активный революционер, и комиссар Владикавказской железной дороги и Туркестанского округа путей сообщения, он же председатель правления Николаевской железной дороги и начальник уже Октябрьской, бывшей Николаевской, железной дороги. Он же ректор Ленинградского института инженеров путей сообщения, он же и немного литератор — редактор журнала «Транспорт и хозяйство» и ответственный редактор журнала «Тридцать дней». Во второй половине 1930-х годов его трудовая деятельность вдруг дрейфует в гуманитарном направлении: Безруких теперь более литератор, но он и опытнейший организатор, и есть надежда, что он наладит работу в Заповеднике. Многое было им сделано.

Переписка Безруких и Лебедева-Полянского хранится в личном фонде П.Е. Безруких в РГАЛИ¹¹² (копии документов находятся в фондах Пушкинского Заповедника). Там же можно найти и более подробную информацию о П.Е. Безруких и его деятельности.

¹¹² РГАЛИ. Ф. 2192.

Письмо К.В. Афанасьеву от 11 ноября 1938 года, Михайловское: «Нужна собачья привязанность к жизни, к искусству, чтобы не замурорваться от людей, как замуровался когда-то Ев. Карпов и Миролюбов»¹¹³.

Имея такое мнение Кузьмы Васильевича об этих людях, можно сделать вывод, что он кое-что знал об их жизненных обстоятельствах.

В личном фонде К.В. Афанасьева¹¹⁴ мы находим письма русского драматурга и режиссера Евтихия Павловича Карпова к Кузьме Васильевичу 1924–1925 годов. Карпов пытается помочь Афанасьеву в его литературном походе. Однако эти годы — уже закат и творческой деятельности Карпова, и его жизненного пути (его не стало в самом начале 1926 года). Из сообщений Афанасьеву видно, что Евтихий Павлович пытался содействовать продвижению пьес Кузьмы Васильевича, но успеха особого не имел, по-видимому, потому, что и сам уже не имел веса в театральном пространстве новой России.

Но не всегда он был таким. Карпов впервые в России на сцене Императорского Александринского театра поставил чеховскую «Чайку». Премьера состоялась 17 октября 1896 года. С 1896 по 1900 год Карпов работал главным режиссером этого театра.

Первым в декабре 1901 года в частном театре Литературно-художественного общества в Санкт-Петербурге Карпов поставил пьесу «Дети Ванюшина» Сергея Александровича Найденова.

После 15-летнего перерыва в 1916 году он вернется в Александринский театр, где и существует до конца своей жизни рядовым режиссером. Евтихий Павлович напишет более двадцати пьес, которые как-то потихоньку будут ставить и в столицах, и в провинции.

Личный фонд Е.П. Карпова находится в РГАЛИ¹¹⁵. В нем не находятся документы, уточняющие подробности отношений с К.В. Афанасьевым. Также о Е.П. Карпове: «К.В. Афанасьев. Переписка с критиками и друзьями», «Переписка К.В. Афанасьева и директора Государственного литературного музея В.Д. Бонч-Бруевича» (текст основан на документах из фонда ГЛМ, который хранится в РГАЛИ¹¹⁶. Все перечисленные документы (их копии) находятся в фондах Пушкинского Заповедника.

¹¹³ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 27.

¹¹⁴ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 10.

¹¹⁵ РГАЛИ. Ф. 770. Карпов Евтихий Павлович. 627 ед. хр.

¹¹⁶ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366.

Если Е.П. Карпов родился в семье почтмейстера, то отец Виктора Сергеевича Миролюбова был профессором в Московской духовной академии. Жизнь его давала витиеватые зигзаги. Первый этап ее можно назвать артистическим: несколько лет он обучался пению в Италии и, вернувшись в Москву, выступал в Большом театре под псевдонимом В. Миров.

Позже в Петербурге он приобрел «Журнал для всех» и занялся редакционно-издательской деятельностью. Привлек к сотрудничеству разнообразных по настроениям авторов — Антона Чехова, Леонида Андреева, Александра Куприна, Максима Горького, Дмитрия Мережковского. Под влиянием последнего проникся религиозной чувствительностью, что охладило отношения с Горьким, который его все же поддержал, подыскав литературную работу в издательстве «Знание», когда Миролюбов вынужденно покинул Россию из-за преследования после закрытия в 1906 году «Журнала для всех» по политическим мотивам.

В первые советские годы занимался активной общественно-литературной деятельностью, состоял членом правления Петроградского дома литераторов, членом правления Петроградского отделения Всероссийского союза писателей. Позже был членом Союза советских писателей.

Во второй половине 1920-х годов зачислен в Публичную библиотеку внештатным сотрудником «для работ по разборке рукописных собраний библиотеки», где трудился под руководством Дмитрия Ивановича Абрамовича, который в 1927 году на пять лет отправился на Соловки.

В 1927 году в 67 лет принят «по группе начинающих ученых» в секцию научных работников Профессионального союза работников просвещения.

Отказался от пенсии, считая себя вполне трудоспособным. Однако в тот же год был отставлен от работы в Публичной библиотеке в связи с «невозможностью сохранить имевшееся число сверхштатных сотрудников». По воспоминаниям коллег, в своей анкете на вопрос о сочувствии к партиям отважно написал, что «народник».

Оставшись без заработка, бедствовал. Многие — и писатели, и академики — участвовали в его судьбе, что говорит о том, что Миролюбов был не только блестящим редактором, авторитетом, но и по возможности помогал многим. Об этом свидетельствует и мнение Горького, который считал, что, имея отменный литературный вкус, Миролюбов

видел начинающих авторов, учил и поддерживал их на первых порах творчества.

В начале 1930-х годов работал редактором научно-популярных серий издательства Академии наук СССР.

5

Письмо К.В. Афанасьева от 9 апреля 1938 года, Михайловское: «Найди ход к Федину»¹¹⁷.

Писатель Константин Александрович Федин в конце 1920–1930-х годов играет значительную роль в литературной жизни страны, он стоит в руководстве писательских организаций, выступает на I съезде советских писателей в 1934 году, что определяет вхождение в элиту, избирается в руководящие органы Союза писателей. После 1937 года живет в Москве.

В годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне, Федин проявлял активную общественную позицию. Много раз выступал как защитник прав писателей.

В послевоенные годы — литературный функционер.

6

Письмо К.В. Афанасьева от 12 сентября 1937 года: «Теперь мечтаю выйти на пенсию и [нрзб. — заниматься?], без увлечения несбыточной идеей, литературным трудом... А иной раз я думаю просто описать свои встречи, как писал Скиталец в кн. 5 «Октябрь» 37 г.»¹¹⁸.

Писатель Скиталец (Степан Гаврилович Петров) в досоветское время был весьма популярным автором и даже имел собрание сочинений в восьми томах. Находился под влиянием Максима Горького. Много ездил по стране, отсюда явился псевдоним — Скиталец. Октябрьскую революцию не принял и уехал в Харбин, однако в 1930-е годы вернулся и продолжал активно участвовать в литературной жизни. Удивительно, что он никак не пострадал в конце 1930-х годов и умер своей смертью в первые дни Отечественной войны.

Афанасьев мог встречаться со Скитальцем на Дальнем Востоке, где жил (бывал) во второй половине 1920-х годов. Там им был написан очерк «По Урми, по Кукану», описывающий дальние местности¹¹⁹.

¹¹⁷ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 17.

¹¹⁸ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 11 об.

¹¹⁹ Афанасьев К.В. По Урми, по Кукану. Беседы о путешествиях. Авторизованная машинопись. 1929 // РГАЛИ. Ф. 31. Афанасьев К.В. Оп. 1. Д. 3. 45 л.

Любопытно для нас здесь то, что Кузьма Васильевич готов «обернуться» скитальцем (по сути он и был им, потому как много ездил и жил в разных местах) и начать описывать свои уже встречи с разными людьми. Вероятно, заявляя это, он полагает, что люди, встреченные им на пути, должны быть интересны для широкого круга читателей. Жаль, что не приложен список.

7

Письмо К.В. Афанасьева от 11 ноября 1938 года, Михайловское: «Послал еще две заметки: одну о Габриловиче («30-ть дней», № 8), в рассказе автор наделил ветеринара сотней специальностей, нужных деревне, и 9 месяцев заставляет его быть в командировке»¹²⁰.

Евгений Иосифович Габрилович окончил юридический факультет МГУ. В 1920-х годах участвовал в оркестре, в джаз-банде Валентина Парнаха. Выступает также как прозаик. В 1930-е зарекомендовал себя «активным строителем коммунизма» в публицистике. Участвовал в книге «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина». Член Союза писателей СССР с 1934 года.

8

Письмо К.В. Афанасьева от 17 ноября 1937 года, Кисловодск: «Читал стихи [имеются в виду стихи Чернова] Н.В. Феоктистову, он редактирует в Тв-ве писателей. Веселый и беззаботный человек с седеющей головой и усами. Любитель беллиарда. Он сам прочитал стихи, сказал: «Не наши, не хороши». А я ему: «Литфонд должен бы автору помочь». Поговорили»¹²¹.

Также письмо К.В. Афанасьева от 23 августа 1938 года, Михайловское: «В Лит. газ. послал две статьи о пушкинских местах, одну статью — лично, другую через Н.В. Феоктистова, как он сам предложил»¹²².

Жизнь и творческая судьба Николая Васильевича Феоктистова не дают поводов для однозначных оценок. Он родом из Алтайского края, из семьи служащих. Почти всю жизнь провел в разных городах на границе Алтая и Северного Казахстана, иногда выезжая в столицы, но непременно возвращался.

Окололитературную карьеру сделал через журналистику. Еще в дореволюционные годы сотрудничал с провинциальными изданиями

¹²⁰ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 27.

¹²¹ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 13.

¹²² РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 22 об.

и в некоторых из них продвигался по «чиновничьей» стезе, имея, очевидно, организаторские способности.

Единственный поэтический сборник с лаконичным названием «Стихи» издал в 1913 году. Все другое творчество, послереволюционное, было связано с переводами казахских авторов, что сильно продвинуло казахскую литературу в советское пространство.

Примкнув на стороне большевиков к мятежной Сибири, Феоктистов был арестован и чуть было не расстрелян, но бежал.

В 1920-е годы вернулся к литературной деятельности, но сделал блестящую окололитературную карьеру — везде вхожий человек. Феоктистов — отменный организатор, в его окружении нет случайных людей, и уже вся литературная элита Сибири, в которой горит еще звезда незабвенного Павла Васильева, льнет к другу-редактору, который содействует не только публикациями, но хорошими деньгами.

Вот он уже руководит всей печатью Сибкрайкома ВКП(б), ЛИТО и Сибирским отделом РОСТА.

Феоктистов, однако, попал под «очистительную» кампанию 1930-х годов и был даже исключен из партии, но и тогда все как-то обошлось.

Кстати, по нашим представлениям о том времени, если попал, так пропал. Но, оказывается, и тут всякие были случаи. И в окружении К.В. Афанасьева мы находим некоторое количество этих счастливых людей.

При всех его общественных дарованиях в Союз советских писателей Феоктистов был принят только летом 1943 года в Самарканде, когда находился в эвакуации. Может быть, это было связано с тем скользким «очистительным» обстоятельством. А вот для фронта он совсем не годился, потому как было ему под 60.

Интересно и то, что многие литераторы, не имея членства ни в Союзе писателей, ни в других окололитературных организациях, как-то хитро пользовались благами советской цивилизации — поликлиниками, санаториями, получали пенсии.

Известно также, что Николай Васильевич Феоктистов написал очерк «По Северной Осетии», напечатанный в издательстве «Физкультура и туризм» в 1938 году пятитысячным тиражом. Представляется, что работал он над ним, отдыхая в Кисловодске, когда видался с Афанасьевым. А наш Афанасьев гулял в это время по лермонтовским местам, весьма иронично описав встречу с Феоктистовым.

Далее персоналии, не упомянутые в этом обзорном тексте.

Письмо К.В. Афанасьева от 31 марта 1937 года, Михайловское: «Открытика застала меня в заповеднике. Рад узнать, что «жив курилка», что он здоров и даже вспомнил о бродяге. А бродяга уже переписывался с мужем О.В. Ковалевой, чтобы перекочевать к нему на Алтай, где я еще не живал, но куда давно стремлюсь»¹²³.

Из письма К.В. Афанасьева к В.Д. Бонч-Бруевичу от 15 июля 1937 года мы знаем, что в 1937 году Афанасьев вел переписку с академиком Владимиром Леонтьевичем Комаровым, президентом Академии наук СССР, ответственным устроителем многочисленных филиалов, ботанических садов и исследовательских баз Академии наук, о переводе в Ботанический сад Алтая¹²⁴. Однако академик Комаров не был женат на О.В. Ковалевой. Но фантазии Афанасьева про Алтай подтверждаются¹²⁵.

Певица Ольга Васильевна Ковалева была знакомой К.В. Афанасьева, Ф.И. Чернова и И.И. Лебедева, что следует из их переписки¹²⁶. Она была замужем (в гражданском браке) за Францем Феликовичем Иванчуком — художником и архитектором.

В 1935 году у Иванчука начались неприятности, его то исключали из партии, то восстанавливали в ее рядах несколько раз кряду. В ноябре 1936-го он был выслан в город Риддер Восточно-Казахстанской области, где работал архитектором проектного отдела комбината «Алтайполиметалл». В столицу на постоянное место жительства больше не вернулся.

Переписки Кузьмы Васильевича с Францем Феликовичем у нас нет — только упоминание Афанасьева о том, что она существовала и что он интересовался возможностью переезда на Алтай¹²⁷. Город Риддер, где обитал тогда Иванчук, находился в Северо-Казахстанской области, но на самой ее границе с Алтаем.

¹²³ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 3.

¹²⁴ РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 366. Л. 13.

¹²⁵ Подробнее см.: *Варкан Е.* Переписка К.В. Афанасьева и директора Государственного литературного музея В.Д. Бонч-Бруевича. С. 195–212 настоящего сборника. Копии документов находятся в фондах Пушкинского Заповедника.

¹²⁶ Подробнее см.: *Варкан Е.* К.В. Афанасьев. Переписка с критиками и друзьями. С. 213–259 настоящего сборника. Копии документов находятся в фондах Пушкинского Заповедника.

¹²⁷ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 3.

Отметим здесь отвагу Афанасьева, который обменивался корреспонденцией с человеком (не названным, правда, по имени), если не прямо преследуемым властью, то точно бывшим у нее под сильным подозрением. Речь идет о марте 1937 года, а мы помним, что происходило в это время в стране.

В Риддере и по сей день чтут память архитектора и художника Ф.Ф. Иванчука, который много сделал для развития города¹²⁸.

10

Письмо К.В. Афанасьева от 25 июля 1937 года: «Так было с Евгением Барановым. Он старше тебя и туберкулеза костей не случилось. Не знаю, жив ли этот упорный, несчастный человек, не принявший Октября и нищенство предпочевший благам мира сего»¹²⁹.

Письмо К.В. Афанасьева от 17 ноября 1938 года, Кисловодск: «Навестил в Пятигорске Е.И. Яковкину, с которой не виделся с 1909 года. Вспомнили Евг. Баранова. Жив ли он в своем подвале?»¹³⁰

Евгений Захарович Баранов — фольклорист, собиратель сказаний, сказок, пословиц, анекдотов, иной раз сомнительного свойства, завсегдатай трактиров и харчевен, где общался с представителями самых низов общества, своего рода Гиляровский. Интереснейшие народные байки об императорской фамилии он собрал в книге «О падении дома Романовых».

Родился в Нальчике и много ездил по Северному Кавказу, что также пополнило его собрание. Отсюда, вероятно, выходит его знакомство с Е.И. Яковкиной, с которой Афанасьев вспоминал Баранова в Пятигорске.

После революции, как многие его коллеги-ученые, бедствовал — продавал книжки на развалих и даже пел частушки по трактирам. Остатки своего архива, уцелевшие после пожара в квартире, передал в Литмузей. Сейчас документы привычно обнаруживаются нами в РГАЛИ. Там хранится личный фонд Евгения Захаровича Баранова¹³¹. В нем, однако, нет материалов, хоть каким-то образом связанных с рассматриваемыми нами фигурами.

¹²⁸ Информация по: Трухина Л.Н. К проблеме становления жанра русской народной песни на эстраде. На примере творчества Ольги Васильевны Ковалевой. Рукопись. Трухина Лариса Николаевна — сотрудник Государственного института искусствознания.

¹²⁹ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 8.

¹³⁰ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 13 об.

¹³¹ РГАЛИ. Ф. 1418. Евгений Захарович Баранов.

Понять момент знакомства Афанасьева с фольклористом не представляется возможным. Вероятно, их сближало народотворчество. Но очевидно, что Кузьма Васильевич знал подробности жизни Евгения Захаровича, в частности дореволюционную историю про его увечную ногу, о которой поминает в письме к Чернову, и то, что жил тот в подвале, который располагался, между прочим, на Арбате.

Уроженка Владикавказа Елизавета Ивановна Яковкина прожила долгую жизнь и умерла в глубокой старости, ей было за 90 лет. Она в свое время получила прекрасное образование — в 1906–1908 годах занималась на Высших женских курсах Герье в Москве. Практиковалась в журналистике.

Около 1914 года побывала за границей, в Швейцарии. После ее жизнь была связана с Северным Кавказом, там она занималась издательской и экскурсионной деятельностью. Первая подготовила обзор «По лермонтовским местам», а с 1937 по 1951 год работала директором музея «Домик Лермонтова». Сумела сохранить музей и его коллекцию во время немецкой оккупации. После войны музей расширился за счет новых помещений и экспонатов.

К концу 1937 года относятся упоминания Кузьмы Васильевича о Елизавете Ивановне в письмах к В.Д. Бонч-Бруевичу¹³² и Ф.И. Чернову. И там, и там он говорит, что не видел ее с 1909 года. Выходит, что Афанасьев мог познакомиться с Елизаветой Ивановной либо в Москве, где она работала репортером, в частности в газете «Русское слово», либо во время своего пребывания за границей. Было ли оно, мы можем только догадываться из письма Марии Исидоровны Гольдсмит Кузьме Васильевичу¹³³. И хотя здесь фигурирует 1906 год, адресант предполагает возможность посещения адресатом европейских краев. Из этого же послания выходит, что Афанасьев в те годы (1906) мог иметь крепкие связи в редакциях российских газет и журналов¹³⁴.

Пишет Афанасьев о Яковкиной как-то запросто, из чего может следовать, что знакомы они были довольно хорошо. И если их знакомство (вдруг) и могло состояться за пределами родины, дружество происходило в ее пределах, скорее всего в Москве. Поэт Чернов за границей ни-

¹³² Подробнее см.: *Варкан Е.* Переписка К.В. Афанасьева и директора Государственного литературного музея В.Д. Бонч-Бруевича. С. 195–212 настоящего сборника; РГАЛИ. Ф. 612. ГЛМ. Оп. 1. Д. 366.

¹³³ РГАЛИ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 9. 9 л. 1906 год.

¹³⁴ Подробнее см.: К.В. Афанасьев. Переписка с критиками и друзьями. С. 213–259 настоящего сборника.

как не замечен, но, судя по письму, также был знаком с Яковкиной. В Москве жил и их общий знакомец Е.З. Баранов.

11

Письмо К.В. Афанасьева от 10 февраля 1938 года. «О былинах не хлопочи [Афанасьев просил прислать Чернова некоторые книги, которые он не находил в местных библиотеках и у букинистов]. Прислала Голубева — симпатия Акульшина. Она пошла в гору. Два детских театра заключили с ней договоры на пьесу из жизни юноши Кирова. Переиздают «Мальчик из Уржума» и пр. Разсказал бы много о ней, а писать не буду»¹³⁵.

Родиона Михайловича Акульшина мы наблюдаем в компании, сложившейся в 1920-е годы вокруг О.В. Ковалевой¹³⁶. Начало своего литературного пути он посвятил деревенским красотам и крестьянскому быту. В 1920–1930-е годы сочинял для детей и юношества. Книги его, проникнутые духом коммунистических свершений и достижений, пользовались успехом. Очень популярны были сборники песен и частушек. В одном из своих писем Кузьма Васильевич дает своему другу Филарету Ивановичу совет воспользоваться именно частушками Акульшина для внесения колорита в роман «Игнат Сухов», который в тот момент сочиняет Чернов. «Тут тебе может оказаться большую помощь Акульшин своими частушками современными о новых трудовых явлениях нашей деревни. В [этих — зачеркнуто] частушках [найдешь — зачеркнуто] возьмешь только слова, а может [в какой — зачеркнуто] и образ наклоняется...»¹³⁷

Но судьба подготовила полный переворот успешному советскому автору. С началом Отечественной войны, как многие, Акульшин — в народном ополчении. Попал в плен, был отправлен в Германию, где трудился на нужды немецкой пропаганды. После освобождения оказался на американской оккупационной территории и, понимая отчетливо свое положение при возможном возвращении на родину, эмигрировал в США, взяв новым именем один из своих псевдонимов — Березов, вызывающий чисто русские ассоциации. Сделался глубоко верующим в Бога, что не странно для человека, попавшего в такие передряги.

¹³⁵ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Л. 15 об.

¹³⁶ Подробнее см.: *Варкан Е.* К.В. Афанасьев. Переписка с критиками и друзьями. С. 213–259 настоящего сборника.

¹³⁷ РГАЛИ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 48. Л. 9 об.

В эмиграции вспоминал о Сергее Есенине, Демьяне Бедном, Александре Твардовском, Всеволоде Мейерхольде, но сочинения его не были востребованы.

Таким причудливым образом один из первых российских «деревенщиков» сделался эмигрантом второй волны, и, как замечают его биографы, «воинствующий безбожник» в советской жизни, Акульшин, став Березовым, проявил себя как христианский писатель.

Антонина Георгиевна Голубева, та, что «симпатия Акульшина», — и актриса, и фольклористка, и детская писательница. Жена (на протяжении более чем сорока лет) блестательного актера Сергея Николаевича Филиппова. Была старше его на 13 лет, но такие явления не новость в артистических кругах. Как вспоминают (или уверены) родственники, легко могла в революционной неразберихе в «утраченных» паспортах подменивать даты рождения — так она «омолаживалась». И, судя по всему, «симпатией» она была не только Акульшина, но еще целой группы товарищей, потому как, по свидетельству тех же родственников, была замужем раз семь.

По семейной легенде, Голубева — внебрачная дочь то ли Федора Кузьмича Сологуба, то ли кого-то из отпрысков графского рода Соллогубов. Секрет рождения тщательно скрывался в советское время, ведь Голубева была членом ВКП(б).

В актерской и литературной среде о ней были разноречивые мнения — от полных восторга отзывов до бури негативных эмоций.

Хотя и числилась она детским писателем, но детей, по многим наблюдениям, просто ненавидела, что бывает свойственно детским авторам, да и взрослым-гуманистам.

До того, как осесть в Ленинграде и взять в свои руки правление в журнале «Звезда» (ответственный секретарь!), подвизалась на ниве рядовой журналистики. Должность в «Звезде» давала возможность продвигать разнообразных авторов, и она ею пользовалась: в журнале печатались, к примеру, Михаил Зощенко, Ольга Бергтольц.

А еще прежде этого она окончила «училище повышенного типа», что позже называлось ПТУ. «Повышенный тип» объяснялся здесь тем, что некоторым рабочим профессиям требовался и «повышенный уровень образования». Работала по разным специальностям, в том числе служила актрисой в провинциальных театрах.

В биографии Голубевой указывается, что в 1934 году она окончила Вечерний рабочий литературный университет, который в 1936 году

сделался известным Литературным институтом имени А.М. Горького. Однако торжественное открытие литературного университета случилось 1 декабря 1933 года, и остается не очень понятным, как за такое короткое время можно было пройти полный курс обучения. К тому же среди известных выпускников Литературного института имени А.М. Горького она не числится.

Одним из мужей Антонины Георгиевны, и это нам особенно интересно, был литературовед Василий Захарович Голубев. Он временно исполнял обязанности директора Пушкинского Заповедника в 1936–1938 годах. Именно Голубев участвовал в реконструкции-реставрации Михайловского к юбилейному пушкинскому торжеству 1937 года и в самих торжествах, посвященных этой дате.

Понятно теперь, откуда она явилась запанибраты в письме Афанасьева от 10 февраля 1938 года. Вполне возможно, что Голубева даже посещала Михайловское в те годы. Понятна и его обмоловка: «Разсказал бы много о ней, а писать не буду».

Афанасьев также сообщает Чернову, что Голубева пошла в гору, что тоже понятно — это «восхождение» началось после триумфальной книги о детстве Сергея Мироновича Кирова «Мальчик из Уржума», которую она выпустила в 1936 году. Так «Мальчик из Уржума» Сергей Костриков¹³⁸ сделал литературную судьбу А.Г. Голубевой. И именно кировская тема была центральной на протяжении долгого творческого пути писательницы.

¹³⁸ Костриков — настоящая фамилия Сергея Мироновича Кирова.

ПИСЬМО ОЗАБОЧЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ О ПОЛОЖЕНИИ В ПУШКИНСКОМ ЗАПОВЕДНИКЕ

Одно из крупнейших собраний, хранящихся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) — фонд Союза писателей СССР (СП СССР) (Москва, 1934–1991). Описей в нем только 46, дел — тысячи. И хотя Союз писателей был создан в 1934 году и это отражено в названии фонда, в фонде отложились и более ранние документы, датированные 1928 годом и связанные, например, с Всесоюзной ассоциацией пролетарских писателей (ВАПП).

В этом огромном фонде не затерялось и дело, связанное с историей Пушкинского Заповедника¹.

Документ — официальное письмо озабоченной положением дел в Пушкинском Заповеднике общественности, направленное в конце октября 1940 года в Совет народных комиссаров Союза ССР, копии: в президиум Академии наук СССР академику О.Ю. Шмидту, в президиум Союза советских писателей (СП) товарищу А.А. Фадееву². В то время Александр Александрович Фадеев — секретарь Союза писателей, Отто Юльевич Шмидт — вице-президент АН СССР.

В левом углу — пометка чернилами от неведомой руки (автограф невнятный, но точно прописано число: 28.10.40). Документ расписан, как мы понимаем, для рассмотрения и принятия возможных мер: в Совнарком — Вышинскому, в Ленинград в ССП — Мануйлову.

Почему именно эти деятели получили бумагу к исполнению, не очень ясно.

¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 631. Союз советских писателей (СП). Президиум ССП. Переписка (исходящая) с Совнаркомом, Моссоветом и другими правительственные учреждениями по вопросам юбилеев, финансовым, материально-творческим. 1940 год. Оп. 15. Д. 509. 80 л.; Письмо в СНК, президиум Академии наук, президиум ССП. Фадееву. 28.10.1940. Копия машинописная.

² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 509. Л. 59.

Андрей Януарьевич Вышинский — фигура известная по всяким делам. Но в то время он трудился на нескольких должностях, в том числе заместителем председателя Совнаркома СССР, где, по некоторым сведениям, наблюдал и вопросы культуры, науки и образования. Верно, его всеядное могущество было в авторитете.

Виктор Андроникович Мануйлов — советский литературовед, пушкинист и лермонтовед, член президиума Пушкинского общества. Вероятно, тогда он занимал ключевые (или авторитетные) позиции в литературном сообществе.

Беспокойная общественность (ее с полным правом можно назвать профессиональной), сочинившая послание, выглядит следующим образом: «Сергей Семенов [один из бывших директоров Пушкинского Заповедника], Вяч. Шишков, Бор. Лавренев, Конст. Федин, А. Профоьев, Б. Бялик, Б. Мейлах» — от Ленинградского отделения Союза советских писателей³. «Вас. Гиппиус, Ан. Дымшиц, Эйхенбаум, Б. Томашевский» — от Института литературы Академии наук СССР⁴. В оригинале, кажется, между строк затерта или замазана какая-то фамилия, а сбоку впечатано имя «Л. Модзалевский». Даже странно подумать, что кто-то мог снять подпись со столь безобидного, как нам сегодня кажется, прошения. Впрочем, человек, не подписавший этот документ, может быть, был и не так глуп и точно осторожен. Вот Борис Михайлович Эйхенбаум, к примеру, вскоре попал под каток «борьбы с космополитизмом». Вряд ли, конечно, за участие в этом деле, но понятно, что разумнее было вообще не высказываться.

От Пушкинского общества в числе подписантов «П. Корикалов, Оксенов, акад. Алексей Толстой»⁵.

Наблюдаем мы здесь и вечный казус добродой бюрократии: писанное от Пушкинского общества туда снова и попадает — для рассмотрения — к Мануйлову, который был одним из руководителей Пушкинского общества.

Некоторые фамилии сегодня нам совершенно неведомы, хотя, наверное, в свое время их носители имели (за)видное положение.

А вот Александр Львович Дымшиц, с февраля 1940 года заместитель директора Пушкинского Дома по научной работе, обозначен в документе как «Ан. Дымшиц».

³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 509. Л. 62.

⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 509. Л. 62.

⁵ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 509. Л. 62.

Автографов в документе нет, потому как мы видим машинописную копию письма, предназначенную для внутреннего использования.

Итак, озабоченная общественность напоминает высоким органам о пушкинском Михайловском (Пушкинский район Калининской тогда области), о том, что Пушкин покойится в Святогорском монастыре, который находится в том же районе той же области. Напоминается, и кто такой Пушкин, чем славен и как он, Пушкин, любил эти места⁶.

Говорится также о том, что постановлением правительства в марте 1922 года создан Государственный Пушкинский заповедник Академии наук СССР⁷. Подчеркивается, что Заповедник за эти годы «превратился в значительный культурный и научный центр». Во что, от себя скажем, верится с трудом многим тем, кто хоть как-то знаком с историей и состоянием Пушкинского Заповедника в тот период. Да и сами просители понимают это, в том и причина общественного сочинения. В письме упоминается, что ряд объектов Заповедника находится на грани разрушения и требует капитального ремонта⁸. «Учитывая значение», предлагаются «неотложные мероприятия», целых восемь пунктов.

Буквально за три года до этого, в 1937-м, вся страна с размахом отметила 100-летие со дня смерти А.С. Пушкина. Волны того энтузиазма докатились и до затерявшегося в лесной глухи Пушкинского уголка. В Заповеднике были проведены масштабные строительные работы, которых ждали бы долгие годы, если не такая неожиданная «оказия»; пополнились и фонды. Несмотря на удаленность, заповедное место привлекло и внимание туристов. На этот юбилей были потрачены большие средства⁹. А памятнику А.С. Пушкину, который должен был быть установлен в усадьбе Михайловское «в соответствии с постановлением Совнаркома СССР, принятым в 1937 году», так и нет, что, конечно, необходимо исправить, считают авторы послания¹⁰.

Просят ходатай передать Заповеднику территорию парка «б. имения Петровского», принадлежавшего некогда предкам поэта Ганнибалам, и «б. Вороничскую церковь» (тогда уже полуразрушенную) и организо-

⁶ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 509. Л. 59.

⁷ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 509. Л. 59.

⁸ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 509. Л. 60.

⁹ См. документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) о масштабах финансирования к этому юбилею в фондах Пушкинского Заповедника.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 509. Л. 61.

вать там филиалы музеев, что не было сделано к торжественной дате 1937 года¹¹.

Мы с интересом узнаем, что подновленный к «празднику» домик няни Арины Родионовны уже изрядно поврежден «лесными вредителями». Под лесными вредителями мы бы понимали не только насекомых, но и «человеческий фактор». И снова просит реставрационно-ремонтного вмешательства «б. Святогорский монастырь», у стен которого похоронен поэт. Участия требует и сама могила¹².

Предлагается вывезти из усадьбы сына Пушкина Григория Александровича в Маркуяе, что под Вильнюсом, мебель и другие вещи, которые тот забрал с собой, продав усадьбу в казну в 1899 году и выезжая из Михайловского.

Вдова Г.А. Пушкина Варвара Алексеевна еще до своей смерти в 1935 году вела переписку с советскими организациями о передаче-продаже мемориальных вещей поэта. Скорее всего, адресатом ее был тогда Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, который рьяно занимался собиранием документов для новообразованного Государственного литературного музея. Однако благодатная затея ничем тогда не закончилась.

Но в августе 1940 года Литовская ССР со столицей в Вильнусе была принята в состав СССР, и все сделалось вдруг советским. Таким образом, стало возможным просить советские органы о вспоможении в решении столь щекотливого вопроса — о «возвращении» ценностей в Михайловское.

Далее просители хлопочут об увеличении научного штата Заповедника (внимание!) с трех до четырех человек. Три научных сотрудника числились в крупнейшем (и тогда, кстати, тоже) Пушкинском Заповеднике!¹³ Вспомним здесь пассаж из этого же послания о «превращении» Пушкинского уголка в «значительный культурный и научный центр»¹⁴.

Соломинкой для спасения Заповедника считается и издательская (открытки, альбомы) деятельность, необходимая для популяризации уникального места¹⁵.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 509. Л. 61.

¹² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 509. Л. 60.

¹³ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 509. Л. 61.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 509. Л. 60.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 509. Л. 61.

Не боясь прослыть невеждой, скажу, что не точно догадываюсь, где именно в деревне Воронич находился этот самый «Дом туриста туристического управления ВЦСПС»¹⁶, о котором толкуют далее ходатай. Из бесед с местными жителями, кажется, на улице Восточной по нынешнему наименованию. Итак, столичные доброхоты советуют предпринять немедленные меры для того, чтобы не превращать его в дом отдыха. Из чего мы понимаем, что уже появились желающие, имеющие всякие основания и непреклонную волю здесь «навеки поселиться».

Известно также, что некий туристический объект находился под усадьбой Тригорское и городищем Воронич, примерно в том месте, где сегодня располагаются купальня и родник. Наблюдая фото и видео (там была после войны долгие годы лодочная станция), узнаем, что те туристы ходили в походы — пешие и водные, а жили в больших армейских палатках, что, по нашим сегодняшним понятиям, никак не годятся к постоянно-бесконечному проживанию. (Этот видеоматериал находится в фондах Красногорского архива кинофотодокументов.) Хотя как знать? Времена меняются.

Речь в письме идет и о завершении строительства железнодорожного вокзала на станции Тригорская. Там должны были установить некие «витрины на пушкинские темы» (?) и произвести озеленение площади. Также упоминается и обелиск, что должен украсить вокзал¹⁷.

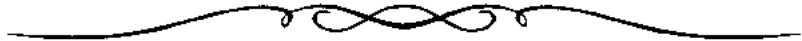
Фрагмент видео, запечатлевший станцию Тригорская, как она выглядела после немецкой оккупации, удалось обнаружить в Красногорском архиве кинофотодокументов¹⁸.

После войны станцию восстанавливать не стали, потому как железнодорожная ветка Псков — Полоцк, где располагалась Тригорская, была разрушена. Актуальность предвоенного железнодорожного сообщения была утрачена, и его решено было не возобновлять. Памятник А.С. Пушкину, что планировалось воздвигнуть на станции еще к 100-летию со дня смерти поэта, установить не успели. Однако про-

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 509. Л. 61, 62.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 509. Л. 62.

¹⁸ Пушкинские места (3-й Прибалтийский фронт. Станция Тригорское Калининской области. Село Михайловское). Кинолетопись. 9 ч., 190 м. 1944 год // Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД). Арх. № 8849. Видео находится в фондах Пушкинского Заповедника.

ект (архитекторы В.С. Георгиевский и Л.П. Цинман) известен¹⁹. Судя по рисунку, приложенному к проекту, высотой монумент мог выйти метров в 150.

Заканчивается обращение просьбой дать указания осуществить всеписанное выше компетентным и заинтересованным органам²⁰.

Словом, предлагается поправить то, что не было доделано к «празднику» 1937 года.

Сегодня неочевидно, какие мотивы были у авторов этого обращения осенью 1940 года. Остались ли призывы общественности с ответом или без него, также неизвестно (хотя, может быть, какие-то неведомые нам сегодня документы и ждут своего исследователя). Но известно, что тогда предложения эти реализованы не были, потому как вскоре началась Великая Отечественная война. Да и в 1940-м было уже не до красот приграничной местности, куда попасть можно было только по отдельному разрешению.

Резюмируем: многое из грандиозных задумок 1937 года не было исполнено. К примеру, не был построен Дом творчества писателей в Савкине, как планировалось²¹. И памятник любимому поэту, который хотели установить в михайловском лесу, не затмевает великолепные пушкинские рощи и пушкинские дали. Нет и станции Тригорская с масштабным монументом. И хотя мы знаем, что не так просто и сегодня добраться до пушкинских мест, они, пушкинские места, так именно и сохранились.

Так уж Пушкин управил.

¹⁹ Гдалин А.Д., Иванова М.Р. Памятники А.С. Пушкину на Псковской земле // Михайловская пушкиниана. Вып. 27. Пушкинские Горы — М., 2003. С. 302–303.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 509. Л. 62.

²¹ См. документы ГАРФ о планах развития Пушкинского уголка к юбилею 1937 года в фондах Пушкинского Заповедника.

Д.Н. ЖУРАВЛЕВ, С.С. ГЕЙЧЕНКО, В.М. ЗВОНИЦОВ
Новое в архивах

Мы уже говорили, что в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) был обнаружен фонд С.С. Гейченко, куда определились документы из разных фондов, связанные с его именем. Копии этих документов теперь хранятся в фондах Пушкинского Заповедника¹.

И вот невероятная удача — фонд актера Дмитрия Николаевича Журавлева². Он замечателен тем, что в нем обнаружились новые, неизвестные ранее бумаги Семена Степановича Гейченко³, а также документы, относящиеся к заповеднику «Михайловское» и близким к этому месту именам (например, к Василию Михайловичу Звонцову).

Мы давно не удивляемся широте связей Семена Степановича. Он активно пользовался ими не только для дружества, но и для получения поддержки, решения проблем. Особенно почитал он, конечно, так называемую творческую интеллигенцию, чтоб и посудачить от души. Не странно, что в кругу его интересов оказался и известный актер Дмитрий Николаевич Журавлев, владевший, как говорили тогда, мастерством художественного слова и отмеченный за это Сталинской премией в 1949 году. Художественное чтение в те годы ценилось особенно, потому как телевидения еще не было. Вся страна припадала ухом к радиоприемнику не только для получения новостей: большой успех имели радиоспектакли и программы с записями литературных произведений. Сейчас такие жанры значительно менее популярны, тогда же мэтров узнавали по голосам. В нашем случае симпатий к Журавлеву, безусловно, добавило и то, что артист в 1937 году сыграл Пушкина в картине «Путешествие в Арзрум», которую сняли к 100-летию со дня смерти поэта.

¹ Подробнее см.: *Варкан Е. «Послания из-под сени лип домашней»: С.С. Гейченко. Новое в архивах // Михайловская пушкиниана. Вып. 71. Сельцо Михайловское, 2019. С. 68–73.*

² Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 3289. Журавлев Дмитрий Николаевич.

³ Письма С.С. Гейченко Д.Н. Журавлеву. 10 сентября 1964 — 29 ноября 1990 года // РГАЛИ. Ф. 3289. Журавлев Дмитрий Николаевич. Оп. 1. Д. 73. 51 л.

Судя по всему, Журавлев бывал в Михайловском, где и познакомился с Семеном Степановичем, а также с художником Василием Михайловичем Звонцовым. Об этом знакомстве свидетельствует их переписка, которая также находится в фонде Д.Н. Журавлева⁴.

С.С. Гейченко

1. Переписка

Переписка Семена Степановича Гейченко и Дмитрия Николаевича Журавлева насчитывает 41 послание и охватывает период с 1964 до 1990 года, то есть почти до кончины артиста в 1991 году⁵. С радостью здесь скажем, что в листе просмотров в этом деле не отмечались какие-либо исследователи. Но с сожалением приходится отметить, что мы имеем все же не переписку, а письма в сторону одного адресата, Д.Н. Журавлева, но не имеем ответных, которые, надеемся, явятся в свое время. Потому как мы знаем, как трепетно относился Семен Степанович к документам, тем более к письмам друзей, которыми дорожил. И наверняка он письма хранил. По крайней мере, мы имеем свидетельства, что «обратные» весточки были. К примеру, Семен Степанович в одном из посланий своих к Журавлеву сообщает, что получил телеграмму от друга с поздравлениями с днем рождения⁶.

Письма рукописные, хорошо знакомый размашистый почерк. Забавно, что частенько Гейченко пишет букву Ф как фигу, по старинке.

По содержанию послания — в основном поздравления с праздниками и записки с приветами. Чаще открытки, но есть и письмо на бланке Пушкинского Заповедника с оригинальными экслибрисами⁷. На некоторых открытках помещены оригинальные изображения — гравюры⁸ и прекрасные картины пушкинских мест (к примеру, рисунок В.М. Звонцова с автографом⁹). На нем, правда, вовсе не Михайловское,

⁴ Письма В.М. Звонцова. 23 декабря 1968 — 14 декабря 1988 года // РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 102. 19 л. Имеются офорты и рисунки В.М. Звонцова, наклеенные на письма.

⁵ См. сноску 3.

⁶ РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 73. Л. 9 об.

⁷ РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 73. Л. 4, 5.

⁸ РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 73. Л. 9 об., 46, 47 об.

⁹ РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 73. Л. 2.

а Ростральная колонна. Есть и милые изображения Михайловского¹⁰, Святогорского монастыря¹¹, Петровского¹² другого автора, Леонида Михайловича Корсакова. Здесь и послание, украшенное смешным карикатурным автопортретом Семена Степановича, который он иногда использовал вместо автографа¹³. Мы говорим об этом, потому как понимаем, что Семен Степанович не подходил ни к какому делу формально и доставлял своими посланиями удовольствие адресатам. Это подтверждает и радостное сообщение с приложенной фотографией об открытии памятника А.С. Пушкину в сквере около школы его имени. Хвастает, что в бронзе его сделал сам М.К. Аникушин (и подарил). Забавно здесь и начало послания, где Семен Степанович, обращаясь к Дмитрию Николаевичу, восемь раз пишет слово «дорогой» — шутя, переворачивая его вверх ногами или ставя на попа¹⁴.

Но не только приветами и приветствиями наполнена переписка. Некоторые письма весьма информативные. В одном из них мы видим подробную информацию о предстоящем праздновании 50-летнего юбилея Пушкинского Заповедника. Гейченко, не забывая рассказать и о банкете, приглашает друга на торжество¹⁵. Просит он Дмитрия Николаевича прийти на вечер, посвященный очередному юбилею Пушкинского Заповедника, в Дом культуры имени Лихачева в Москве и почитать пушкинские стихи¹⁶.

Чудесен и отчет Семена Степановича о своем дне рождения¹⁷. Для начала он сообщает, что на праздник как раз приболел и, капризничая, не надев штанов, в подштанниках и грозя зеркалу кулаком, «на весь дом кричит скверноматерные слова». Поминает и гостей, что все ж собрались, «съев все домашние наши запасы и выпив все напитки, быстро разъехались». Также именинник тщательно подсчитывает число этих самых гостей: «Из них москвичей 2 ленинградцев 12 псковичей 2 иных градов 2». Мы видим, что, даже приболев, он не расстается с юмором.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 73. Л. 18 об., 41 об., 43 об.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 73. Л. 19 об., 26 об.

¹² РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 73. Л. 33 об.

¹³ РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 186. Л. 71 об.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 73. Л. 51.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 73. Л. 4, 4 об.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 73. Л. 12.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 73. Л. 5, 9 об.

Вдохновившись собственным рассказом, не стесняется и пишет разными чернилами, когда первые закончились в ручке.

Семен Степанович восхищается не только актерским дарованием Дмитрия Николаевича, но и его литературными талантами. Он выражает свой восторг «писанием о великом музыканте наших дней Рихтере!» в журнале «Огонек»: «Журавлев! Вы ангел! Я ваше кадило!»¹⁸

Спешит поделиться и своими достижениями: отправляет другу и собственные писания — фрагмент работы (машинопись) об истории Воронича¹⁹.

Занимательны и советы Семена Степановича — каким святым молиться о болезнях. Среди перечисленных им болезней обнаруживаем мы, к примеру, чудесные «сомнения душевые» и «просвещение разума», замечая, что «так писано на печатной иконе осьмнадцатого века что в домике няни»²⁰.

Дружеская доверительность видна в обращениях Семена Степановича к товарищу. Их множество: «мой ангел», «милый добрый барин души моей», «журавушки», «дорогой дедушка», «детки — моей души конфетки», «птички молодые и старые», «царь и великий князь», «дорогой мой князюшка»… И — веселая подпись самого Гейченко: «ваш старый хрен»²¹.

Именует себя Семен Степанович по-всякому: «старый генерал от инfanterии», «дед Семен Енчиков» (Енчиковым он частенько себя называл в письмах к разным адресатам), далее следуют «генерал С Енчиков», «генерал в отставке Семен Енчиков», «Симочка Енчиков».

Адресатом Семена Степановича становится и дочь Дмитрия Николаевича Наталья Дмитриевна Журавлева (актриса). Он, в частности, благодарит ее за присланную книгу²², что опять же подтверждает наличие именно переписки между двумя домами. То есть корреспонденция шла в обе стороны.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 73. Л. 27.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 73. Л. 28, 29, 30, 30 об.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 73. Л. 36.

²¹ РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 73. Л. 19.

²² РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 73. Л. 32.

2. Шутки

Собраны во множестве в фонде Журавлева и пригласительные билеты на vernisажи, конференции, юбилейные даты, открытия новых музеев, разные афиши²³. Все эти документы, наверное, имеются и в фондах Пушкинского Заповедника. Однако один — приглашение на Пушкинские чтения 20–21 августа 1979 года — привлек наше внимание, потому как на обороте его — автопортрет С.С. Гейченко с автографом. Портрет, хотя и несколько карикатурен, очень схож с оригиналом²⁴.

3. Книга

Очаровательно самодельное издание — «Маленькая сказка о старом дереве», сочиненная Семеном Степановичем Гейченко²⁵. Размер — примерно 6 х 4 см. Обложка — ярко-синего цвета. Выходные данные: Пушкинские Горы, 1988²⁶. Автограф Семена Степановича: «Д.Н. Журавлеву с правом передачи кому захочет»²⁷. В простоватой, «сказочной» манере автор повествует о непростом житье-бытье старого дерева-великана и его борьбе со смертью и ее кознями. Если бы текст сопровождался картинками, то, вероятно, можно было бы назвать это произведение и лубком. Картины все же имеются, но они не иллюстративного характера, а более схожи с виньетками, которые размещены в разных местах текста и использованы, как кажется, более для украшательства. Мы видим то раскрытую книгу, то рога, наполненные фруктами, то цветы, то стрелы. Понятно, что виньетки частенько несли и смысловую нагрузку. Как знать, вероятно, специалист может раскрыть и какое-то еще значение, которое Семен Степанович хотел сообщить, выбирая именно эти рисунки.

Так вот, продолжаем чтение. Этот великан защищал свою родную землю и отбил у злодеев свое Лукоморье. Потом посеял потомство и ушел: «Куда ушел — никто не знает. Только надпись на месте оста-

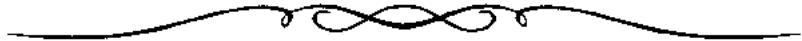
²³ Пригласительные билеты разных организаций. 1938–1990 годы // РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 186. 111 л.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 186. Л. 71 об.

²⁵ Гейченко С.С. Маленькая сказка о старом дереве. Печатное. 1988 год // РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 224. 11 л.

²⁶ РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 224. Л. 2.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 224. Л. 2.

вил, что, мол, был и ушел навсегда. Не ищите!»²⁸ Оставил и правнучку, красавицу-елочку, которая пела веселую песенку про то, как он смерть победил. И добрые люди любуются и радуются.

Вот такая вот история, которая повествует нам о том, каким веселым затейником был Семен Степанович Гейченко.

4. Н.Д. Журавлева

Из Пушкинских Гор в Хабаровск в гастролировавший там Московский театр Ленинского комсомола прилетела телеграмма, которая была получена, прочитана и привезена в Москву²⁹. Адресатом является дочь Дмитрия Николаевича Журавлева — Журавлева же Наталья Дмитриевна. Смысл послания остается нам неясен: «Прощаю грешную и целую. Гейченко». Но, без сомнения, оно имело смысл, иначе не было бы и самого этого предприятия. И смысл этот был понятен и автору, и адресату. Наличие же такого документа в фонде Журавлева напоминает нам о душевном дружестве семей.

5. Картина

Любопытный документ — фотокопию картины «Усадьба Тригорское» Владимира Архиповича Кочегуры — наблюдаем в следующем деле³⁰.

Тригорское. Мы не видим на картине кассового ларька, что имеется сегодня, но видим деревянный забор, что сегодня отсутствует. Такие небольшие деформации времени.

В Реестре профессиональных художников Российской империи, СССР, «русского зарубежья», Российской Федерации и республик бывшего Советского Союза (XVIII–XXI века) — есть и такой — Кочегура записан художником двухмерного пространства. Годы жизни — 1904–1970. Кроме «Усадьбы Тригорское» у него имеются и зарисовки Михайловского, самого дома и парка, Воронича.

Отметим, что датировка архива этой его работы не верна — датируется серединой 1950-х. Мы твердо помним, что дом в Тригорском сгорел

²⁸ РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 224. Л. 8, 9.

²⁹ Телеграмма С.С. Гейченко Наталье Дмитриевне Журавлевой. 9 марта 1970 года // РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 244. Л. 1.

³⁰ Кочегура В.А. Усадьба Тригорское. Фотокопия. Середина 1950-х годов // РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 328. 9 л.

в 1918 году и был восстановлен в 1962-м. Конечно, нам бы хотелось, чтобы запечатлена была старая усадьба, но по годам рождения художника никак не выходит, чтоб он успел побывать в Тригорском до пожара 1918 года.

Получается, Владимир Архипович Кочегура работал в Пушкинском Заповеднике в середине 1960-х годов.

6. Фотография

В деле находится фотография С.С. Гейченко с гостями³¹. Люди звонят в колокола³². Предположительно, колокола те, что напротив «баньки Дудина» в усадьбе Михайловское. По легенде, поэт Михаил Александрович Дудин квартировал в этом маленьком домике, когда гостили у Семена Степановича. Коллекционные колокола С.С. Гейченко и по сей день там.

На обороте фотографии рукой директора сделана запись о дне и участниках, а именно: «худ Э Насибулин, Е Мин, Вс Азоров, Ви Кузнецова, ССГ. Михайловское. 11.2.74». Имеется и печать: «Фото В. Михайлова «Пушкинский край»³³. Рассмотрим подробнее участников. Известно, один из них — знаменитый житель Петровского художник Энгель Насибулин, посвятивший свои труды пушкинским местам³⁴.

Евгений Миронович Мин (Минчиковский) — ленинградский писатель и театрковед.

Вс Азоров более сложно поддается расшифровке. Вероятнее всего, речь идет о советском поэте Всеволоде Азарове (настоящее имя — Илья Борисович Бронштейн). Есть вероятность, что в 1937 году, в знаменательную пушкинскую годовщину, Азаров сочинил цикл стихотворений, навеянных посещением Михайловского и Тригорского. В описи дела, однако, при перечислении участников снимка Азарову преданы инициалы «В.С.». Можно предположить, что так трансформировалась надпись Семена Степановича «Вс» — Всеволод. Ну и сам

³¹ Фото С.С. Гейченко в группе с В.Н. Кузнецовым, Е.М. Мином, Э. Насибулиным, В.С. Азоровым. 11 февраля 1974 года // РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 351. 3 л.

³² РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 351. Л. 1 об.

³³ РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 351. Л. 1.

³⁴ Энгель Харисевич Насибулин скончался в Санкт-Петербурге 9 июня 2020 года.

Гейченко записывает «Азоров», что, конечно, может быть и опиской. А может и не быть.

Московский философ Виталий Николаевич Кузнецов, изучавший творчество Жана-Поля Сартра, который, кстати, посещал Михайловское вроде как в 1964 году.

В Михайлов — корреспондент районной газеты «Пушкинский край», которая издается с 1 марта 1930 года, выходит и сегодня.

Дата, что стоит на снимке — 11 февраля, говорит нам о том, что на следующий день после знаменательной даты, дня смерти А.С. Пушкина, которую во все годы чтили в Михайловском, гости Заповедника пришли в Михайловское и таким образом — ударом в колокол — решили почтить память поэта.

Здесь примечаем снова, как широк был круг знакомств и дружеств Семена Степановича.

Фотографию же эту он отправил Д.Н. Журавлеву на память, запечатав ее в конверт с чудесным рисунком профиля Пушкина работы Энгеля Насибулина³⁵.

7. Скамья Онегина

В деле³⁶ отложилась и уникальная фотография Онегинской скамьи в Тригорском, сделанная в августе 1937 года, о чем сообщает нам карандашная надпись на обороте³⁷.

В деле хранятся во множестве фотографии окрестностей Михайловского, в основном пейзажи и отдельные природные картинки, на оборотах некоторых пометки, похоже, С.С. Гейченко о том, где именно сделано фото. Подписи весьма лаконичные — Тригорское, Михайловское. Сами фото, хотя и красивые, можно назвать ординарными, в смысле — вообще запечатлевшими местные красоты, нам известные. То есть мы видим то припорошенные снегом ели, то поляну сквозь березняк и т. д. Качество снимков соответствует времени съемок, то есть концу 1950-х — началу 1960-х годов.

Вероятно, Семен Степанович, отправляя фотографии адресату, хотел напомнить другу о прелести пушкинских мест.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 351. Л. 2.

³⁶ РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 377. 45 л. (фото).

³⁷ РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 377. Л. 45, 45 об.

В.М. Звонцов

В фонде Дмитрия Николаевича Журавлева отложился целый пласт документов, связанных с милым нам именем Василия Михайловича Звонцова³⁸. Заметим здесь, что в РГАЛИ имеется и личный фонд В.М. Звонцова: он небольшой, и в нем мы не находим этой переписки или ссылок на нее.

В фондах Пушкинского Заповедника хранится крупнейшее собрание работ этого мастера, а обнаруженное представляет безусловный интерес. Во-первых, потому что в деле, в листе просмотров автор сделал первую отметку, то есть до того никто не видел этих материалов. В нем собраны письма художника другу, некоторые украшены авторскими рисунками. Рисунки (красоты Михайловского) сделаны на отдельных листах и с любовью прикреплены к письмам³⁹. Но есть одно послание, где прямо в письме карандашом зарисован чудесный заяц, навостривший ушки, будто подживающий у дороги пушкинские сани, чтобы броситься под них и не пустить поэта в Петербург на Сенатскую площадь. Однако все проще — письмо датировано декабрем 1986 года, а 1987-й — год Зайца⁴⁰.

Письма в основном — поздравления с Новым годом, и те, что с рисунками, видятся поздравительными открытками.

В посланиях — приглашения в Михайловское. Заманивая, автор трогательно описывает прогулки по лесу (указывая на пейзаж, здесь же нарисованный), затем домой — скинув валенки, к печке, а потом к столу... Особо эффектно, конечно, выглядит белый груздок на вилке или соленый рыжик. Не уступает и граненая стопочка. Прекрасно!⁴¹ Доверительно сообщает Звонцов, что слушали по радио стихи Пушкина в исполнении Журавлева, лучше которого никто, по мнению автора, Пушкина не читает, что сделало всех счастливыми⁴². Этот лист картинкой не сопровождается.

Покуда мы не имеем ответов, что делает переписку неполной.

³⁸ Письма В.М. Звонцова. 23 декабря 1968 — 14 декабря 1988 года // РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 102. 19 л. Имеются офорты и рисунки В.М. Звонцова, наклеенные на письма.

³⁹ РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 102. Л. 1–2, 6–7, 9–10, 11–12, 17–18.

⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 102. Л. 14–15.

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 102. Л. 6, 9 об.

⁴² РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 102. Л. 4.

Каталоги

Каталоги выставок, проходивших в разные годы в Пушкинском Заповеднике, чудесным образом попали в фонд Дмитрия Николаевича Журавлева⁴³. Мы понимаем, что все они получены от директора Заповедника в разные годы. Это может говорить о том, что артист живо интересовался живописью, почему Семен Степанович Гейченко исправно снабжал друга информацией о вернисажах, проходивших в Заповеднике. Документы представляют собой брошюры, которые обычно выпускают к подобным мероприятиям. Отдельное место занимает здесь замечательная гравюра, изображающая схему-карту Пушкинского Заповедника⁴⁴. Циферками отмечены знаковые места — Михайловское, Тригорское, Петровское, Святогорский монастырь. Есть и памятник Пушкину в Пушкинских Горах. Вот только русалки у Лукоморья не хватает.

К сожалению, остается неизвестен и автор этого чудесного художества. Однако мы можем подозревать одного из трех анонсированных в заголовке дела художников — В.М. Звонцова, А.Н. Козлова, Э. Насибулина, конкретнее можно попытаться определить по технике мастера.

⁴³ Каталоги выставок В.М. Звонцова, А.Н. Козлова, Э. Насибулина, студенческих работ Ленинградского художественного института имени И.Е. Репина, памятки посетителям музея-заповедника. 1969–1984 годы // РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 243. 62 л.

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 3289. Оп. 1. Д. 243. Л. 53.

Краткие сведения об авторах сборника «Михайловская пушкиниана»

Артамонов Дмитрий Сергеевич — преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Псковского филиала Академии ФСИН России.

Варкан Екатерина Юрьевна — публицист (Москва).

Василевич Артемий Георгиевич — заведующий Музеем истории Витебского народного художественного училища.

Васильев Андрей Михайлович — начальник отдела краеведения, истории и археологии Пушкинского Заповедника.

Козмин Вячеслав Юрьевич — кандидат филологических наук, хранитель музея «Пушкинская деревня» Пушкинского Заповедника.

Конов Юрий Геннадьевич — старший научный сотрудник Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

Коржсов Алексей Олегович — экскурсовод, учитель истории гимназии № 363 (Санкт-Петербург).

Лагунин Игорь Иванович — действительный член Академии архитектурного наследия, бывший заместитель директора Генеральной дирекции «Псковреконструкция» по вопросам реставрации и регенерации.

Никифоров Виктор Григорьевич — методист по научно-просветительской деятельности службы музейной, экскурсионной и методической работы Пушкинского Заповедника.

Осетрова Наталья Александровна — директор Пушкиногорской центральной районной библиотеки.

Пахоменкова Марина Михайловна — заведующая музеем «История Новоржевского края» — филиала Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

Потравнов Александр Леонидович — автор и редактор интернет-проекта «Регионавтика Северо-Запад» (www.regionavtika.ru) (Санкт-Петербург).

Пурвинь Лаура Владимировна — старший научный сотрудник отдела краеведения, истории и археологии Пушкинского Заповедника.

Узенев Эдуард Александрович — ученый секретарь Пушкинского Заповедника.

Филимонов Анатолий Васильевич — кандидат исторических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры отечественной истории Псковского государственного университета.

Хмельник Татьяна Юрьевна — автор и редактор интернет-проекта «Регионавтика Северо-Запад» (www.regionavtika.ru) (Санкт-Петербург).

Содержание

[Вступительное слово]	3
I. Материалы X круглого стола памяти М.Е. Васильева «Краеведение, история и археология Пушкиногорья» (4 апреля 2019 года)	
Александр Потравнов, Татьяна Хмельник	
К ВОПРОСУ О «КУЛЬТОВОСТИ» ВАЛУНА ИЗ ДЕРЕВНИ МАРАМОХА	5
Андрей Васильев	
К ИСТОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ «СЛУЧАЙНЫХ» АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК В ПУШКИНСКОМ ЗАПОВЕДНИКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА (1950–1990-е годы)	16
Виктор Никифоров	
К ИСТОРИИ ВОСКРЕСЕНСКОЙ ЦЕРКВИ ПРИГОРОДА ВОРОНИЧА.....	31
Марина Пахоменкова	
НОВЫЕ ДВОРЯНСКИЕ ФАМИЛИИ НА КАРТЕ НОВОРЖЕВСКОГО УЕЗДА	39
Юрий Конов	
ПУШКИНЫ ОПОЧЕЦКОГО УЕЗДА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА.....	47
Дмитрий Артамонов	
ПРОЕКТИРОВАНИЕ И НАЧАЛО СТРОИТЕЛЬСТВА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ЛИНИИ ПСКОВ — ПОЛОЦК	52
Анатолий Филимонов	
ПСКОВСКИЕ АРХИВИСТЫ — О ПУШКИНСКИХ МЕСТАХ, ПОЭТЕ И ЕГО ПРЕДКАХ (конец 1940-х — начало 1960-х годов)	59

Лаура Пурвинь	
«МИНУВШЕЕ ПРОХОДИТ ПРЕДО МНОЮ...».....	69
Игорь Лагунин	
ПРОГРАММА КОМПЛЕКСНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ, РЕСТАВРАЦИИ, БЛАГОУСТРОЙСТВА И МУЗЕЕФИКАЦИИ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И ПАМЯТНЫХ МЕСТ ПСКОВСКОГО КРАЯ К 30-летию создания Генеральной дирекции «Псковреконструкция».....	77
Артемий Василевич	
ВРЕМЯ МУЗЕЕВ	90
Наталья Островова	
РАБОТА ПУШКИНОГОРСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РАЙОННОЙ БИБЛИОТЕКИ НАД КРУПНОФОРМАТНЫМ ПЕЧАТНЫМ ИЗДАНИЕМ «СОЛДАТЫ ПОБЕДЫ»	98
II. Из научных изысканий сотрудников Пушкинского Заповедника	
Эдуард Узенев	
ОТ АЛЕКСАНДРА К АЛЕКСАНДРУ О родственных связях предков А.С. Пушкина.....	107
Вячеслав Козмин	
ТРИ СОЛОНКИ, ИЛИ РЕАБИЛИТАЦИЯ «БЕЛОЙ СМЕРТИ» Рассказы о вещах	113
Алексей Коржов	
«...НА ГРАНИЦЕ ВЛАДЕНИЙ ДЕДОВСКИХ... ТРИ СОСНЫ СТОЯТ...»	117
Алексей Коржов	
ИСТОРИЯ ЗАХОРОНЕНИЙ СВЯТОГОРОСКОГО МОНАСТЫРЯ: МОГИЛА А.С. ПУШКИНА И НЕКРОПОЛЬ У АЛТАРЯ СВЯТО-УСПЕНСКОГО СОБОРА.....	129

III. По материалам архивов

Екатерина Варкан

- ПЕРЕПИСКА К.В. АФАНАСЬЕВА И ДИРЕКТОРА
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ
В.Д. БОНЧ-БРУЕВИЧА 195

Екатерина Варкан

- К.В. АФАНАСЬЕВ. ПЕРЕПИСКА
С КРИТИКАМИ И ДРУЗЬЯМИ 213

Екатерина Варкан

- КУЗЬМА АФАНАСЬЕВ И ФИЛАРЕТ ЧЕРНОВ.
ПЕРЕПИСКА 260

Екатерина Варкан

- ПИСЬМО ОЗАБОЧЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ
О ПОЛОЖЕНИИ В ПУШКИНСКОМ ЗАПОВЕДНИКЕ 298

Екатерина Варкан

- Д.Н. ЖУРАВЛЕВ, С.С. ГЕЙЧЕНКО, В.М. ЗВОНЦОВ
Новое в архивах 304

Краткие сведения об авторах сборника

- «Михайловская пушкиниана» 314**

Научно-популярное издание

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 79

Меж нив златых и пажитей зеленых

Руководитель издательских проектов
Пушкинского Заповедника
Н.Б. Василевич

Редактор О.И. Бахтина

Корректор И.А. Мартынец

Компьютерная верстка Е.А. Коконова

На первой странице обложки:
Ю.А. Жулин. Церковь святого Великомученика и
Победоносца Георгия на городище Воронич. 2011.
Картон, масло. Дар. От автора (Псков).
Из фондов Пушкинского Заповедника

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)
181370, Псковская область, Пушкиногорский район, сельцо Михайловское.

Распространяется бесплатно

Подписано в печать 08.10.2020. Формат 60x88 $\frac{1}{16}$.

Гарнитура Times New Roman.

Печать офсетная. Объем 20,0 печ. л.

Заказ № 1512. Тираж 300 экз.

Отпечатано в ООО фирма «Псковское возрождение».

ИНН 6027024264. 180000, г. Псков, ул. Гоголя, д. 6.